КЛАССИКА ДЕТЕКТИВА

Морис Леблан

ХРУСТАЛЬНАЯ ПРОБКА

«ИНОСТРАНКА»

Хрустальная пробка
Морис Леблан

Аннотация
Морис Леблан. Хрустальная пробка
Глава первая. Арест
Глава вторая. 9 – 8 = 1
Глава третья. Частная жизнь Алексиса Добрека
Глава четвертая. Предводитель врагов
Глава пятая. Двадцать семь
Глава шестая. Смертный приговор
Глава седьмая. Профиль Наполеона
Глава восьмая. Башня влюбленных
Глава девятая. Во мраке неизвестности
Глава десятая. Шампанское «Экстра Драй»
Глава одиннадцатая. Лотарингский крест
Глава двенадцатая. Эшафот
Глава тринадцатая. Последняя битва
Эпилог

Аннотация

Книги французского писателя Мориса Леблана о приключениях Арсена Люпена раскупались при жизни автора огромными тиражами, превышающими тиражи книг самого Конан Дойла. «Хрустальная пробка» продолжает серию романов о Арсене Люпене – неуловимом грабителе, о подвигах которого трубят все газеты, таинственный персонаж, джентльмен с неистощимой фантазией, орудующий лишь в замках и великосветских гостиных. Арсен Люпен – человек с тысячью обличий.

Роман сопровождается иллюстрациями французских художников из первых оригинальных изданий.

Морис Леблан
Хрустальная пробка

КЛАССИКА
И
ДЕТЕКТИВА

Maurice Leblanc
LE BOUCHON DE CRISTAL
© Издание на русском языке, оформление.
ООО «Издательская Группа
„Азбука-Аттикус“», 2024
Издательство Иностранка®

* * *

Глава первая
Арест

Две лодки, привязанные к молу в конце сада, качались в тени. Здесь и там вдоль берега сквозь легкий туман виднелись освещенные окна. Была поздняя осень, но казино на противоположной стороне манило бесчисленными огнями. Кое-где из-за туч выглянули звезды, ветерок волновал поверхность озера.

Арсен Люпен вышел из беседки и, склонившись к молу, крикнул:

— Гроньяр? Балу?.. Где вы?

Из каждой лодки показалось по человеку, и один из них ответил:

— Здесь, патрон.

— Приготовьтесь, я слышу шум автомобиля, на котором едут Жильбер и Вошери.

Он обошел сад и строящийся дом в лесах и осторожно открыл калитку, выходящую на аллею Сейнтюр. Он не ошибся. Яркий свет блеснул на повороте, и из большого открытого автомобиля выскочили два человека в пальто с поднятыми воротниками и в фуражках.

Это были Жильбер и Вошери.

Жильбер — молодой человек двадцати, двадцати двух лет с симпатичным лицом, пружинистой походкой. Вошери — пониже, с седеющими волосами и бледным, болезненным лицом.

— Ну, — спросил Люпен, — видели депутата?

— Да, патрон, — ответил Жильбер, — мы заметили, что он уехал семичасовым поездом в Париж.

— Итак, мы можем действовать?

— Да, вилла «Мария Терезия» в нашем распоряжении.

Обратившись к шоферу, Люпен сказал:

— Не оставайся здесь. Это может привлечь внимание. Вернись в половине десятого, мы будем нагружать машину… если только наша экспедиция не провалится.

Автомобиль уехал, и Люпен вместе с товарищами возвратился на берег озера.

Люпен наклонился к Жильберу и спросил шепотом:

— Скажи, Жильбер, это все пришло в голову тебе или Вошери?

— Право, не знаю… Мы уже несколько недель говорим об этом.

— Видишь ли, я не доверяю Вошери. У него

скверный характер. Не знаю, почему я до сих пор не отделался от него…

— О, патрон!

— Ну да! Это опасный парень… Уж не говоря о том, что на его совести, наверное, несколько жизней.

Он помолчал несколько мгновений, потом сказал:

— Ты уверен, что видел господина Добрека?

— Своими собственными глазами.

— И ты знаешь, что у него есть дело в Париже?

— Он поехал в театр.

— Хорошо. Его прислуга осталась на вилле?

— Кухарку он отпустил. Что касается лакея Леонарда, доверенного лица депутата Добрека, то он ждет своего господина в Париже, откуда они не могут вернуться раньше чем в час ночи. Но…

— Но?..

— Нужно иметь в виду неожиданное возвращение Добрека. Поэтому мы должны закончить дело быстрее.

— Когда ты собрал эти сведения?

— Утром. Мы с Вошери сразу решили, что наступил благоприятный момент.

— У тебя ключи?

— От подъезда — да.

— Это вот та самая вилла, окруженная парком?

— Да, вилла «Мария Терезия». Так как обе соседние виллы необитаемы, то мы успеем вывезти все, что нам понравится, и клянусь вам, патрон, что дело стоит того.

Люпен пробормотал:

— Посмотрим, посмотрим.

Они причалили к небольшой косе, откуда подымалось несколько каменных ступенек. Люпен сообразил, что погрузить мебель будет нетрудно. Вдруг он сказал:

— На вилле есть люди. Посмотрите, там свет.

— Это газовый рожок, патрон, свет не мигает.

Гроньяр остался на страже возле лодки, в то время как Балу, второй гребец, направился к забору, выходившему на аллею Сейнтюр, а Люпен со своими товарищами пошел к подъезду и исчез в темноте.

Первым поднялся по ступеням Жильбер. Он нащупал замочную скважину и вставил в нее ключ. Дверь подалась легко, доступ в дом был свободен.

В вестибюле горел газовый рожок.

— Видите, патрон, — сказал Жильбер.

— Да-да, — ответил Люпен шепотом, — но мне

кажется, что тот свет, который я заметил, шел не отсюда.

— Откуда же?

— Право, не знаю… Гостиная здесь?

— Нет, — ответил Жильбер, который не боялся говорить громко. — Он из предосторожности все собрал на первом этаже, в своей комнате и смежных с ней.

— А лестница?

— Направо, за портьерой.

Люпен направился к портьере и уже стал ее раздвигать, как вдруг в четырех шагах слева открылась дверь и показалась голова с глазами, полными ужаса.

— Спасите! Убивают! — заорал человек и поспешно скрылся в своей комнате.

— Это Леонард, лакей! — прошептал Жильбер.

— Если он будет сопротивляться, я его убью, — сказал Вошери.

— Ты не посмеешь! — воскликнул Люпен и бросился вслед за лакеем.

Он пробежал через столовую, где вокруг лампы еще стояли тарелки и бутылки, нашел Леонарда в глубине буфетной, где тот тщетно пытался открыть окно.

— Ни с места!

Заметив, что Леонард поднимает руку, Люпен бросился на пол. В полутьме буфетной раздались три выстрела. Потом Люпен повалил лакея, вырвал у него оружие и начал душить его.

— Вот тебе, животное! Еще минута — и он меня уничтожил бы… Вошери, свяжи-ка этого господина. Вошери, быстрее! Мне не хотелось бы здесь задерживаться.

— Никакой опасности, патрон, — сказал Жильбер.

— Да? А выстрел, по-твоему, не был слышен?

— Думаю, нет.

— Все равно! Нужно все сделать быстрее. Вошери, бери лампу и пойдем.

Он схватил за руку Жильбера и увлек его на первый этаж.

— Дурак! Так-то ты наводишь справки?

— Позвольте, патрон, я не мог знать, что он передумает и после обеда вернется домой.

— Нужно все знать, когда идешь на дело.

Вид интерьера на первом этаже успокоил Люпена, и он начал перебирать вещи с энтузиазмом любителя.

— Вещиц не много, но зато хорошие.

Жильбер и Вошери принялись сейчас же выносить вещи, начиная с самых громоздких. Через

полчаса первая лодка была нагружена, и решено было, что Гроньяр и Балу поедут вперед и начнут загрузку автомобиля.

Люпен наблюдал за отъездом. Когда он вернулся на виллу и проходил через вестибюль, ему послышался какой-то голос, исходящий из буфетной.

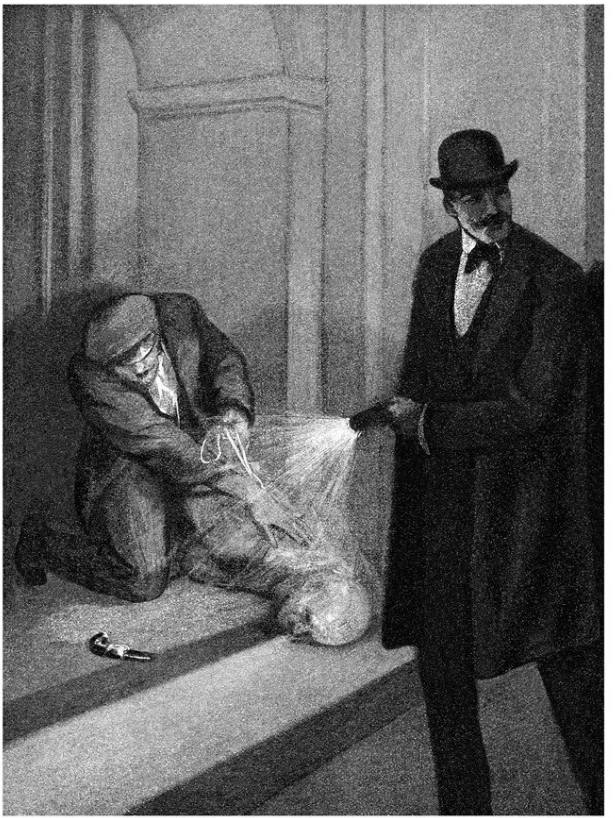
Он бросился туда.

Леонард лежал плашмя на животе со связанными за спиной руками.

— Это ты ворчишь, Леонард? Замолчи, иначе мы примем более крутые меры.

Как только Люпен вышел, он опять услыхал те же звуки и, прислушавшись, разобрал слова:

— Спасите! Меня убьют!.. Предупредите полицию!



— Он совсем спятил, этот джентльмен, — пробормотал Люпен, принимаясь за работу.

Это продолжалось дольше, чем он предполагал, потому что нашел шкафы, полные ценных безделушек, которыми было бы глупо пренебречь. Со своей стороны, Жильбер и Вошери вносили в свои розыски такую тщательность, что рассердили его.

— Довольно, — приказал он, не вытерпев. — Из-за нескольких безделиц мы провалим все дело. Я отчаливаю.

Они были уже на берегу, и Люпен спускался по лестнице, когда Жильбер удержал его:

— Послушайте, патрон, нам надо еще раз сходить туда. На пять минут, не больше.

— Но зачем, черт возьми?

— Нам говорили, там есть одна старинная реликвия, жалко ее прозевать. И я думаю, что она в буфетной, где стенной шкаф с большим замком…

Он уже направлялся к подъезду. Вошери бросился за ним.

— Десять минут, не больше! — крикнул Люпен. — Через десять минут я уезжаю.

Прошло десять минут, он все еще ждал.

Потом посмотрел на часы:

— Четверть десятого… Ведь это безумие!

Ему стало казаться странным, что во время всего этого нападения Жильбер и Вошери вели себя как-то особенно: они не расставались и как будто следили друг за другом. Что бы это значило?

Вдруг раздался выстрел. Люпен побежал к дому. Там он сразу направился в буфетную, оттуда — в столовую.

— Черт возьми! Что вы тут делаете?

Жильбер и Вошери, сцепившись друг с другом, катались по паркету. Их одежда была в крови. Люпен бросился на них. Но Жильбер уже уложил своего противника и выхватил из его рук предмет, который Люпен не успел разглядеть. Вошери истекал кровью. Он был ранен в плечо и потерял сознание.

— Кто его ранил? Ты, Жильбер?

— Нет, Леонард!

— Леонард? Он же был связан…

— Ему удалось развязать веревки и взять револьвер.

— Где он, каналья?

Люпен схватил лампу и бросился в буфетную.

Лакей лежал на спине, скрестив руки. На бескровном лице резко выделялась красная струйка, вытекавшая изо рта.

— Ого, — пробормотал Люпен, осмотрев его, —

он мертв.

— Вы думаете?.. Вы думаете?.. — спрашивал Жильбер дрожащим голосом.

— Говорю тебе, мертв.

— Это Вошери ударил его…

Люпен схватил его, побледнев от гнева:

— Вошери… А ты тоже, негодяй! Ты был тут же и позволил ему… Вы хорошо знаете, что я не терплю крови. Это мое правило… Вы за это заплатите… Тем хуже для вас, ребята!

Это убийство привело Люпена в бешенство. Яростно встряхивая Жильбера, он спрашивал:

— Зачем, зачем понадобилось его убивать?

— Вошери хотел его обыскать и взять ключи от стенного шкафа. Когда он над ним наклонился, то заметил, что Леонард развязан… Он испугался и ударил его…

— А выстрел…

— Это Леонард. У него в руке был револьвер. Он перед смертью был еще в силах его направить.

— Ну а ключ?

— Вошери взял его.

— Он открыл?

— Да.

— И нашел?

— Да.

— А ты хотел отнять у него этот предмет. Какой предмет? Реликвию? Нет, это было что-то маленькое. Что же это? Отвечай!

По решительному выражению лица и молчанию Жильбера Люпен понял, что не получит ответа. Он проговорил угрожающим тоном:

— Ты заговоришь у меня, дорогуша! Я тебя заставлю исповедаться! Но сейчас нужно убираться отсюда. Ну, помоги-ка, надо унести Вошери.

Они вернулись в столовую, и Жильбер наклонился над раненым.

Вдруг Люпен остановил его:

— Послушай!

Они обменялись беспомощными взглядами. В буфетной разговаривали… Но ведь только что они убедились, что там никого не было! Только мертвец…

Голос послышался снова.

Люпен почувствовал, что у него выступает холодный пот. Какой-то заглушенный, как бы замогильный голос…

Они бросились в буфетную, и Люпен склонился над лакеем. Голос умолк, затем зазвучал снова.

— Посвети, — сказал Жильберу Люпен.

Он слегка дрожал от страха, который не в силах был побороть. Не было никакого сомнения, что

голос исходил от мертвеца, а между тем тело было неподвижно, губы не двигались.

— Патрон, мне страшно, — проговорил Жильбер.

Опять раздался тот же голос.

Вдруг Люпен, разразившись смехом, схватил труп и отодвинул его в сторону.

— Превосходно! — сказал он, заметив блестящий металлический предмет… Превосходно! Нашел!

На том месте, где лежал мертвец, валялась телефонная трубка. Шнурок от нее шел к стене, туда, где был прикреплен аппарат.

Люпен приложил трубку к уху.

— Почему вы молчите? Вы живы? — услышал он. — Держитесь. Помощь послана, жандармы скоро прибудут.

— Черт возьми! — вскричал Люпен, бросив трубку.

Он все понял. Еще в самом начале, в то время когда переносили вещи, Леонард, будучи плохо связанным, дотянулся до аппарата и снял трубку, должно быть зубами; она упала на пол, и он позвал полицию из Энгьенского бюро.

— Полиция! Спасайся кто может! — закричал Люпен и бросился к выходу.

— А Вошери? — спросил Жильбер.

— Тем хуже для него!

Но Вошери пришел в себя и стал умолять:

— Патрон, не оставляйте меня!

Люпен, несмотря на опасность, остановился и с помощью Жильбера поднял раненого. Вдруг снаружи послышался шум.

— Слишком поздно, — сказал Люпен.

В дверь черного хода посыпались удары. Он кинулся к парадному подъезду. Полиция уже окружила дом.

— Мы окружены, пропали, — пробормотал Жильбер.

Люпен закрыл дверь на замок.

— Они видели нас, патрон. Слышите, как они стучат.

— Замолчи, — сказал Люпен. — Ни слова! Ни движения!

Он на миг задумался и приказал:

— Следуй за мной.

Он вошел в гостиную и тихонько поднял занавесь окна, выходящего на берег. Там было полным-полно людей. Бежать было невозможно. Тогда он закричал изо всех сил, задыхающимся голосом:

— Сюда!.. На помощь!.. Я держу его… Сюда!..

Он выстрелил два раза в сад, подошел к Вошери, склонился над ним и выпачкал свое лицо и руки кровью. Потом, повернувшись к Жильберу, яростно схватил его за плечи и опрокинул.

— Что с вами, патрон, что вы хотите делать?

— Повинуйся, — властно проговорил Люпен, — я отвечаю за все. Я отвечаю за вас обоих. Повинуйся… Я вас освобожу из тюрьмы… Но для этого нужно, чтобы я был свободен.

На дворе заволновались и подбежали к открытому окну.

— Сюда! — закричал он снова. — Я их поймал! На помощь!

И шепотом спокойно обратился к Жильберу:

— Подумай хорошенько. Не нужно ли что-нибудь передать мне, поручить?

Жильбер яростно отбивался, он был слишком взволнован, чтобы понять план Люпена. Вошери, более проницательный, рана которого к тому же делала невозможной мысль о побеге, проскрежетал:

— Повинуйся, идиот… Главное, чтобы патрон отсюда выскочил… Разве это не самое важное?

Вдруг Люпен вспомнил о вещи, которую Жильбер сунул в карман после того, как отнял ее у Вошери. Теперь он в свою очередь захотел за-

владеть ею.

— Ну нет, никогда! — вскричал Жильбер, которому удалось освободиться. Люпен уложил его снова. Но так как внезапно два человека появились на окне, Жильбер повиновался и отдал какой-то предмет Люпену, который, не разглядывая, сунул его в карман. Жильбер пробормотал:

— Держите, патрон, вот она. Я вам объясню. Вы можете быть уверены, что…

Он не успел договорить. Два агента и вслед за ними несколько жандармов со всех сторон бежали на помощь Люпену.

Жильбера тотчас же схватили и связали накрепко. Комиссар второпях спросил Люпена:

— Вы видели лакея? Они убили его?

— Не знаю, — ответил он.

— Вы не знаете?

— Ну да, я вместе с вами пришел из Энгьена, когда услышал об убийстве. Вы обошли дом слева, а я — справа. Тут было открыто окно. Я влез в тот самый момент, когда бандиты хотели улизнуть. Я выстрелил, — он указал на Вошери, — а его товарища уложил ударом кулака.

Вокруг все как безумные бегали взад и вперед, вверх и вниз, перекликались, кричали, никто и не подумал проверять, насколько верно то, что

сказал Люпен.

Однако, обнаружив в буфетной труп лакея, комиссар сейчас же распорядился освободить дом от посторонних и разместить агентов у забора, чтобы никто не мог ни войти, ни выйти. Потом без промедления осмотрел место и начал опрос. Вошери назвал свое имя, Жильбер отказался под предлогом, что будет говорить только в присутствии адвоката.

Когда комиссар хватился неизвестного, чтобы допросить его, он обнаружил, что тот пропал.

Ничего не подозревая, он обратился к одному из агентов:

— Скажите этому господину, что я хочу задать ему несколько вопросов.

Бросились искать.

Незнакомца нигде не было.

Прибежал жандарм. Он видел, как незнакомец отчалил от берега.

Комиссар посмотрел на Жильбера и понял, что его провели.

— Задержите его, — закричал он. — Стреляйте вслед! Это соучастник!..

Он сам бросился вслед за двумя агентами, в то время как несколько других остались стеречь пленников.

Метрах в ста от берега комиссар заметил беглеца, помахивавшего своей шляпой.

Кто-то увидел лодку у соседней виллы. Пришлось перелезать через забор, разделявший оба сада, чтобы отвязать ее. Предписав солдатам осмотреть весь берег озера и задержать беглеца, когда он захочет причалить, комиссар с двумя помощниками бросились вслед за Люпеном.

— Он в наших руках, — сказал комиссар. — Нам даже не нужно жандармов, чтобы не дать ему вылезти на берег. Мне очень хочется узнать имя этого негодяя. Это ловкий парень.

Агенты удвоили усилия. Сотня метров — и они нагонят свою жертву.

— Стой! — скомандовал комиссар.

Противник, силуэт которого они различали в полутьме, не двигался с места. Весла болтались вдоль лодки.

— Странно, — пробормотал комиссар и крикнул: — Сдавайся!

В эту минуту стало совсем темно. Все трое забились в глубину лодки, так как им показалось, что противник сделал угрожающий жест.

Комиссар пробормотал:

— Не давайте себя убить! Выстрелим.

Он снова закричал:

— Сдавайся!.. Или…

Никакого ответа.

Противник не двигался.

— Сдавайся! Не хочешь? Я считаю… Раз… два…

Агенты, не дождавшись команды, выстрелили. Комиссар с револьвером наготове протянул руку:

— Ни одного движения, или я пробью тебе голову.

Но враг не двигался. И комиссар понял. В лодке никого не было. Беглец ушел вплавь. То, что они приняли за человека, оказалось нагромождением оставленных им вещей.

Они принялись рассматривать, зажигая спички, брошенные вещи. В одном из карманов оказалась забытая беглецом визитная карточка. На ней стояло имя: Арсен Люпен.

Избавившись от полиции, Арсен Люпен пристал к тому самому месту, которое он покинул два часа назад.

Здесь его встретили Гроньяр и Балу. Рассказав в двух словах о случившемся, Люпен вскочил в автомобиль. Удобно усевшись посреди мебели депутата Добрека, он закутался в мех и приказал везти себя по пустынным улицам к мебельному складу в Нёйи, где он оставил шофера. В Париж

он поехал на такси и вышел возле Сен-Филипп дю Руль.

Недалеко отсюда, на улице Матиньон, находился принадлежащий ему особняк, не известный никому из его банды, за исключением Жильбера.

Люпен с большим удовольствием умылся и переоделся. По привычке осмотрел перед сном свои карманы и тогда только разглядел предмет, переданный ему Жильбером в последнюю минуту.

Люпен был очень удивлен. Это была пробка от графина, маленькая хрустальная пробка, какие вставляют в бутылки с ликером. В этой пробке не было ничего особенного. Только плоскости каждой из многочисленных граней были позолочены вплоть до горлышка.

— И за этим кусочком стекла так упорно гнались Жильбер и Вошери? Из-за него они убили лакея? Из-за него боролись, теряли время, рисковали свободой?.. Черт возьми, это все-таки странно!

Слишком утомленный, чтобы ломать над этим голову, он положил пробку на камин и лег в постель.

После ночи, полной кошмарных сновидений, он проснулся с твердым намерением рассмотреть и изучить попавшую к нему вещь. Он поднялся,

чтобы взять пробку с камина, и вскрикнул от изумления: хрустальной пробки не было. Она будто провалилась сквозь землю.

Глава вторая
9 − 8 = 1

С первых же дней ареста Жильбера и Вошери Люпен понял, какая опасность ему грозит.

На этот раз речь шла об убийстве, явлении, против которого он сам восставал, а вовсе не об одном из тех забавных дел, когда, обведя вокруг пальца какого-нибудь спекулянта или темного дельца, он умел еще и вызвать к себе симпатию общества. Сейчас все сводилось к тому, чтобы защитить себя и спасти своих товарищей.

«Прежде всего я уверен, что Жильбер и Вошери провели меня, — думал Люпен. — Энгьенское нападение, имевшее будто бы целью ограбление виллы „Мария Терезия“, на самом деле преследовало другое: они искали только одно — хрустальную пробку… Ясно, что по каким-то таинственным причинам этот кусочек стекла имеет в их глазах неизмеримую цену… И очевидно, не только в их глазах, потому что этой ночью кто-то дерзко и ловко проник в мою комнату и украл эту вещицу…» Кто был этот таинственный посетитель? Одному только Жильберу, который

пользовался его полным доверием и был его личным секретарем, было известно о существовании этого убежища на улице Матиньон. Но Жильбер в тюрьме. Можно ли допустить, что он выдал его полиции? В таком случае почему она, вместо того чтобы арестовать Люпена, довольствовалась лишь кражей пробки?

Тут было нечто более странное: можно было допустить, что двери его квартиры были взломаны, хотя никаких доказательств этому не было. Но как могли проникнуть к нему в комнату, если он перед сном повернул ключ в дверях и повесил, кроме того, замок? Все-таки факт неоспорим: хрустальная пробка исчезла, а между тем оба замка нетронуты.

Расстроенный и встревоженный, он сейчас же закрыл свой особняк на улице Матиньон, поклявшись никогда больше не появляться там. И тотчас же занялся перепиской с Жильбером и Вошери.

Но здесь его ждала неудача: полиция передала дело в Париж и там связала его со следствием, касающимся Люпена вообще. Жильбер и Вошери были заключены в тюрьму Санте, где их днем и ночью охраняли испытанные агенты. Таким образом, полиция сделала все, чтобы помешать

Люпену связаться с заключенными.

Тогда он сосредоточил свои мысли на депутате Добреке, владельце пробки, которому, должно быть, было ясно ее значение. Каким образом Жильберу были известны все дела и поступки Добрека? Каким образом он вел за ним слежку? Кто сообщил ему, где депутат проведет вечер?

Сейчас же после нападения на виллу «Мария Терезия» Добрек переехал на зиму в Париж, в свой особняк, налево от сквера Ламартин, в конце бульвара Виктора Гюго.

Загримированный Люпен в образе старого фланирующего рантье, с тростью в руке, стал целые дни проводить на скамьях сквера и бульвара.

С первого же дня он сделал поразительное открытие. Два человека в одежде мастеровых, поведение которых изобличало их настоящую роль, наблюдали за домом депутата… Когда Добрек выходил, они шли позади него. Вечером, когда в доме становилось темно, они уходили.

В свою очередь, Люпен следил за ними. Это были агенты сыскной полиции.

«Вот это неожиданность, — подумал он, — значит, Добрек на подозрении?»

На четвертый день, с наступлением ночи, к этим двум присоединились еще шестеро, ко-

торые встречались с первыми двумя в самом темном закоулке сквера. Среди них Люпен с удивлением узнал по росту и манерам знаменитого Прасвилля, бывшего адвоката, спортсмена, исследователя, в настоящее время — елисейского фаворита[1], назначенного главным секретарем префектуры.

Вдруг Люпен вспомнил: два года назад между Прасвиллем и Добреком произошла громкая ссора на площади Пляс-дю-Пале-Бурбон. Причина ее осталась неизвестной. В тот же день Прасвилль послал своих секундантов, но Добрек отказался драться.

Некоторое время спустя Прасвилль был назначен секретарем.

— Странно… странно… — проговорил Люпен, задумавшись, но все же не теряя из виду Прасвилля.

В семь часов группа Прасвилля направилась к бульвару Анри-Мартен. Калитка сквера, находящегося с правой стороны особняка, пропустила Добрека, два оставшихся агента пошли за ним и так же, как он, сели в трамвай на улице Тетбу.

Прасвилль тотчас прошел через сквер и позво-

---

[1] Notes: 1

Намек на близость Прасвилля к властям, к Елисейскому дворцу — резиденции президента Франции.

нил. Привратница открыла дверь. Произошло короткое совещание, после чего Прасвилль с товарищами проникли в дом.

— Тайный и незаконный обыск, — сказал Люпен. — Элементарная вежливость требует, чтобы меня приобщили к нему.

Не колеблясь ни минуты, он вошел в особняк, дверь которого оставалась открытой, и, проходя мимо привратницы, которая наблюдала снаружи, сказал тоном человека, которого ждут:

— Эти господа там?

— Да, в кабинете.

Его план был очень прост: если его заметят, он представится поставщиком. Но это было не нужно. Пройдя пустой вестибюль, он очутился в столовой, где никого не было, а через стеклянную дверь он мог наблюдать Прасвилля с его пятью товарищами.

Прасвилль с помощью подобранных ключей отмыкал все ящики. Потом перелистал все бумаги, в то время как его компаньоны просматривали библиотеку, не пропуская ни одной книги, ощупывая корешки и перелистывая все страницы.

«Очевидно, они ищут какую-то бумагу, — подумал Люпен, — может быть, банковые билеты».

— Что за черт! — раздраженно воскликнул

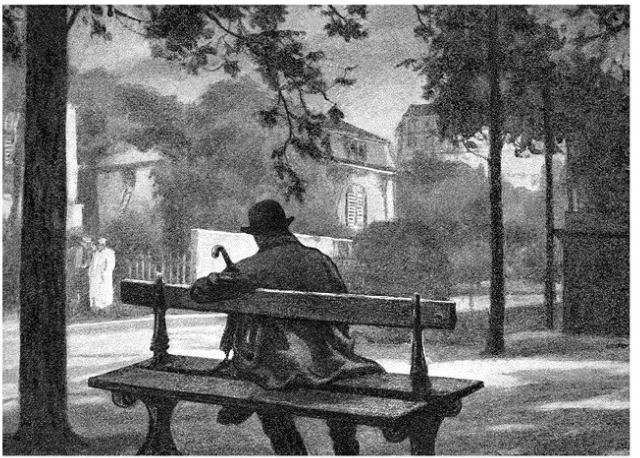
Прасвилль. — Мы ничего не найдем!

Но тут же он схватил четыре флакона из старинного погребца, вынул все четыре пробки и осмотрел их.

«Вот так штука! — подумал Люпен. — И он тоже охотится за пробками! Значит, дело не в бумаге? Право, я ничего не понимаю…»

Затем Прасвилль осмотрел еще несколько вещей и спросил:

— Сколько раз вы приходили сюда?



— Шесть раз за зиму, — ответили ему.

— И вы хорошо обыскивали?

— Каждую комнату, целыми днями, в то время как он отправился в свое турне.

Он спросил опять:

— У него сейчас нет слуги?

— Нет, он ищет лакея. Он ест в ресторане, а

привратница смотрит за домом. Эта женщина нам вполне предана.

Целых полтора часа Прасвилль настойчиво искал, ощупывая все безделушки и тщательно ставя их на те же места, с которых снимал.

В девять часов вошли те два агента, которые следовали за Добреком.

— Он возвращается!

— Пешком?

— Пешком.

— У нас есть время?

— О да!

Не торопясь, Прасвилль вместе с сыщиками вышел, предварительно осмотрев комнату и убедившись, что всё на своих местах.

Положение Люпена становилось критическим. Он рисковал, уходя, столкнуться с Добреком, а оставаясь здесь — быть лишенным возможности выйти.

Но, убедившись, что окна столовой позволяли ему попасть прямо в сквер, он решил остаться.

Он стал ждать, готовый тут же скрыться за портьерой. Он услышал хлопанье дверей. Кто-то вошел в кабинет и зажег электричество. Он узнал Добрека.

Это был толстый человек, коренастый, с ко-

роткой шеей, с широкой седой бородой, почти лысый, с парой темных очков поверх обычных.

Люпен рассматривал его энергичное лицо, четырехугольный подбородок и сильную фигуру. Кулаки его были очень массивны и покрыты шерстью, ноги кривые; он ходил, согнув спину и тяжело переваливаясь с ноги на ногу. На лице его особенно выделялся большой лоб, изборожденный морщинами и буграми. Люпен вспомнил, что в Палате депутатов Добрека прозвали лесным человеком не только потому, что он всех сторонился, но и за его внешность, манеры, походку и мощную мускулатуру.

Он уселся перед своим столом, вынул из кармана трубку, выбрал среди нескольких пакетов табака пачку «Мэриленда», набил трубку и закурил. Потом стал писать письма. Спустя минуту он бросил свою работу и задумался, сосредоточив свое внимание на одной точке стола. Вдруг он быстро схватил коробочку для марок и стал ее рассматривать. Потом изменил положение нескольких предметов, которые Прасвилль трогал и переставлял, исследовал их взглядом, ощупывал руками, склонялся над ними, как если бы какие-то ему одному известные знаки о чем-то говорили. Наконец он нажал кнопку электриче-

ского звонка.

Через минуту появилась привратница.

Он спросил:

— Они были здесь, не правда ли?

Так как женщина колебалась, он настаивал:

— Послушайте, Клементина, разве вы открывали коробочку для марок?

— Нет, сударь.

— Ну так я ее заклеил полоской бумаги, а она разорвана.

— Я могу вас уверить, — начала женщина.

— Зачем лгать? — сказал он. — Ведь я сам вас предупреждал об этих посещениях.

— Но…

— Но вы гонитесь за двумя зайцами… Пусть так!

Он протянул ей билет в пятьдесят франков и повторил:

— Они были здесь?

— Да, сударь.

— Те же, что весной?

— Да, все пятеро… и еще один… Главный.

— Высокий? Темноволосый?

— Да.

— Это все?

— Потом пришел еще один. Он присоединился

к ним, а потом и те двое, что всегда ходят вокруг дома.

— Они были здесь, в кабинете?

— Да, сударь.

— И ушли в том же порядке, как и пришли, несколько минут тому назад?

— Да, сударь.

— Хорошо.

Женщина вышла. Добрек принялся за брошенное письмо, потом, протянув руку, написал какие-то цифры на бумаге, лежавшей на краю стола. Люпену удалось разобрать формулу вычитания: 9 — 8 = 1. И Добрек сквозь зубы с сосредоточенным видом пробормотал:

— Никакого сомнения.

Потом он написал коротенькое письмецо и адрес на конверте, который Люпен прочел, когда письмо было положено на тетрадь: «Господину Прасвиллю, главному секретарю префектуры».

Потом позвонил снова.

— Клементина, — сказал он, — вы когда-нибудь учились в школе?

— Да, сударь.

— Вас научили считать?

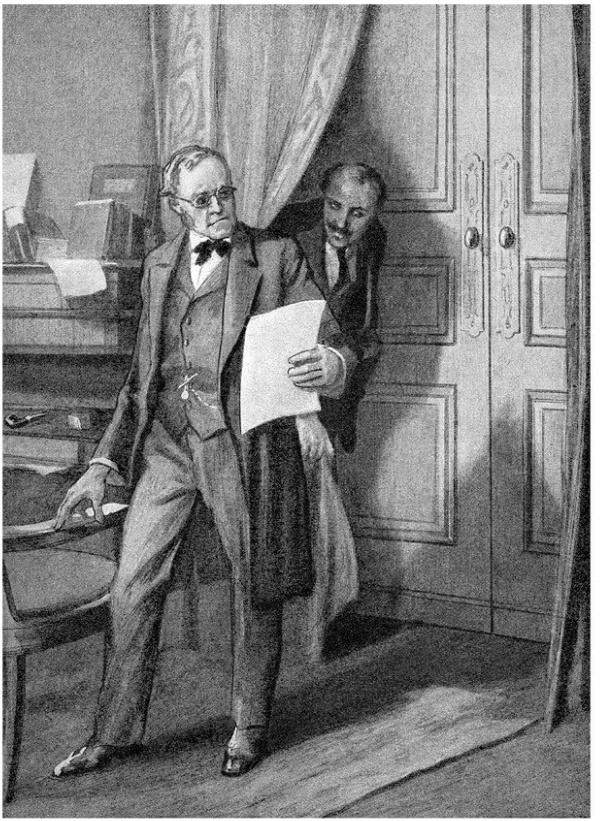
— Но… сударь…

— Вы не слишком сильны в вычитании.

— Как это?

— Вы не знаете, что девять минус восемь будет один, а это, видите ли, очень важная вещь.

Говоря так, он поднялся и прошелся по комнате, заложив руки за спину и переваливаясь. Потом прошелся еще раз. Потом, остановившись перед дверью в столовую, открыл ее.



— Впрочем, задачу можно решить иначе, — сказал он. — Если от девяти отнять восемь, останется один. И тот, кто остался, — здесь, не правда ли?

Он ощупывал бархатную портьеру, в складках которой укрылся Люпен.

— Операция правильная, и вы даете этому блестящее доказательство… В самом деле, вы там задохнетесь! Я мог бы нечаянно, для развлечения, проткнуть эту портьеру кинжалом. Вспомните безумие Гамлета и смерть Полония: «Говорю вам, это крыса, огромная крыса…»[2] Ну, господин Полоний, выйдите-ка из своей норы!

Люпену не оставалось ничего другого.

— Вы несколько бледны, господин Полоний… Ба, да это тот самый господин, который целыми днями дежурит в сквере! Вы тоже полицейский, господин Полоний? Ну, успокойтесь, я вам не желаю зла… Вы убедились, Клементина, что я хорошо считаю? По-вашему, сюда вошли девять шпионов. А я, возвращаясь, сосчитал издали на бульваре всего восемь. Девять минус восемь — один, вот этот самый, оставшийся здесь для наблюдения!

— Ну и что же? — сказал Люпен, охваченный

---

[2] Notes: 2
У. Шекспир. Гамлет. Акт 3, сцена 3.

безумным желанием броситься на этого человека и заставить его замолчать.

— Что? Ничего, молодчик. Чего же вы еще хотите? Комедия окончена. Я вас только попрошу передать Прасвиллю это послание, которое я только что начертал. Клементина, соблаговолите проводить господина Полония. И если он когда-нибудь опять появится — откройте ему широко все двери. Вы здесь у себя дома, господин Полоний. К вашим услугам!

— Чертова кукла! — воскликнул Люпен, как только очутился на улице и повернулся к окнам Добрека. — Ты мне за это заплатишь! Клянусь!

Одна вещь утешала его: Добрек не узнал его. Добрек полагал, что он работает в полиции. Следовательно, ни Добрек, ни полиция не подозревали вмешательства третьего лица. Это был единственный козырь, дававший ему свободу действий и имевший для него крайне важное значение. Не медля ни минуты, он распечатал письмо Добрека к главному секретарю префектуры. Оно содержало следующее:

У самого твоего носа, под рукой, бедный Прасвилль, ты даже не дотронулся до нее. Еще немного – и она была бы твоей… Но ты слишком глуп. Подумать, что не нашли никого, кроме тебя, чтобы извести меня! Бедная Франция! До свидания, Прасвилль. Но если я тебя поймаю, тем хуже для тебя – буду стрелять.

Добрек

— У самого носа, под рукой, — повторял Люпен, прочитав. — Может быть, он пишет правду. Чем проще спрячешь, тем лучше. Все-таки, все-таки увидим… Нужно будет узнать, почему Добрек находится под таким тщательным наблюдением, и получше осведомиться о нем самом.

В специальном агентстве Люпен навел справки о Добреке: «Алексис Добрек, два года депутат от Устья Роны, из независимых. Убеждения неопределенные. Положение среди избирателей солидное. Без всякого состояния. Особняк в Париже, виллы в Энгьене и в Ницце, много проигрывает, и никто не знает, откуда деньги. Очень влиятельный, добивается, чего захочет, хотя и не бывает в министерствах и не имеет ни друзей, ни знакомых в политических кругах».

Этого было мало Люпену. Нужна была характеристика другая, интимная, полицейская, которая показала бы частную жизнь Добрека. Но пока приходилось довольствоваться тем, что есть.

Одна из квартир Люпена, в которых он жил в настоящее время, находилась на улице Шатобриан возле Триумфальной арки. Его там знали под именем Мишеля Бомона. Это было довольно комфортабельное помещение. Ему служил преданный человек Ахилл. Он принимал сведения, передаваемые помощниками Люпена по телефону.

Придя к себе, Люпен с большим удивлением узнал, что его почти целый час ожидает какая-то работница.

— Как? Ведь сюда ко мне никто не приходит! Она молода?

— Нет, не думаю.

— Ты не думаешь?

— У нее на голове вместо шляпы — наколка, и потому не видно лица… Это приказчица или служащая… простая.

— Что ей было нужно?

— Господина Мишеля Бомона, — ответил слуга.

— Странно, по какому поводу?

— Она мне только сказала, что это касается Энгьенского дела… Тогда я подумал…

— Гм! Энгьенское дело! Значит, она знает…

— Я подумал, что ее нужно было принять.

— Ты хорошо сделал. Где она?

— В гостиной. Я зажег свет.

Люпен быстро прошел в переднюю и открыл дверь гостиной.

— Что ты такое наговорил? Ведь никого нет.

Ахилл бросился в гостиную. Там никого не было.

— Ого! Какая ловкая, — воскликнул он. — Минут двадцать тому назад я заглядывал — она была здесь. Мне не померещилось.

— Где же ты был остальное время? — спросил, раздражаясь, Люпен.

— В вестибюле, патрон. Я ни на минуту не выходил оттуда. Я бы увидел, если бы она вышла, черт возьми!

— Однако ее нет…

— Очевидно… — бормотал ошеломленный слуга, — очевидно, она потеряла терпение и ушла… Но каким образом?

— Каким образом? — спросил Люпен. — Не надо быть колдуном, чтобы это знать.

— Как же?

— Через окно. Видишь, оно еще полуоткрыто. Ведь мы на первом этаже, улица вечером почти пустынна… Нет никакого сомнения.

Он осмотрелся вокруг и убедился, что ничего не было взято или переставлено. Впрочем, в комнате не было ничего драгоценного, никакой важной бумаги, которая могла бы оправдать посещение и внезапное исчезновение этой женщины. И все-таки зачем это необъяснимое бегство?

— Сегодня никто не звонил по телефону? — спросил Люпен.

— Нет.

— И писем не было?

— Письмо есть.

— Дай сюда.

— Я, как всегда, положил его на камин.

Комната Люпена сообщалась с гостиной. Но он запер дверь в эту комнату, и туда можно было попасть только через вестибюль.

Люпен зажег свет и через секунду заметил:

— Я не вижу письма.

— Но я положил его на камин.

— Ничего тут нет.

— Вы плохо ищете.

Ахилл стал искать сам, переставлять предметы, шарить на полу — письма не было.

— Ах, черт возьми! — бормотал он. — Это она, она украла его… А потом, схватив письмо, удрала…

Люпен возразил:

— Ты с ума сошел! Ведь между комнатами нет никакого сообщения.

— Так что же тогда, патрон?

Они оба замолчали. Люпен старался совладать со своим гневом и собрать мысли.

Он спросил:

— Ты осмотрел это письмо?

— Да.

— В нем не было ничего особенного?

— Ничего. Обыкновенный конверт и адрес, написанный карандашом.

— Ага!.. Карандашом?

— Да. Как будто наспех написано, скорее, нацарапано.

— Какой был адрес? Ты запомнил? — спросил тревожно Люпен.

— Да, запомнил, потому что он мне показался странным.

— Говори! Говори скорее!

— «Господину де Бомон Мишелю».

Люпен яростно схватил своего слугу.

— Там было написано «де Бомон», ты уверен?

И «Мишель» после «Бомон»?

— Совершенно уверен.

— Ах! — пробормотал Люпен сдавленным голосом. — Это письмо от Жильбера.

Он остановился, бледный, с напряженным лицом. Никакого сомнения, письмо от Жильбера. Это была та формула, по которой Жильбер уже несколько лет с ним переписывался… Наконец-то он нашел возможность — ценою каких хитростей и скольких ожиданий? — нашел возможность послать из глубины тюремной одиночки письмо. И его перехватили! Что в нем такое было? Какие инструкции давал несчастный пленник? О какой помощи умолял? Какие действия предлагал?

Люпен осмотрел комнату, в которой он, в отличие от гостиной, хранил важные бумаги. Но так как замки были не тронуты, приходилось допустить, что другой цели, кроме как достать это письмо, у незнакомки не было.

Стараясь сохранить спокойствие, он начал:

— Письмо пришло в то время, как эта женщина была здесь?

— В то самое время. Консьерж в эту самую минуту позвонил.

— Она могла видеть конверт?

— Да.

Вывод напрашивался сам собой. Оставалось разрешить вопрос, как этой женщине удалось совершить кражу. Что же, она снаружи перелезла из одного окна в другое? Невозможно! Люпен нашел окна своей комнаты закрытыми. Она открыла дверь? Тоже невозможно. Дверь была замкнута двумя висячими замками.

Но ведь нельзя было проникнуть через стену. Чтобы куда-нибудь войти и выйти, надо иметь какую-нибудь лазейку, и, так как дело было сделано в несколько минут, надо было, чтобы в данном случае лазейка была наружная, уже приготовленная заранее в стене и известная этой женщине. Это предположение упрощало розыски, сосредотачивая их на двери, так как стена, вдоль которой не было ни камина, ни шкафа, не могла скрывать никакого прохода.

Люпен вернулся в гостиную и начал медленно изучать дверь. Вдруг он вздрогнул. При первом же взгляде на нее он установил, что одна из шести дощечек, вставленных между поперечными полосками, находилась не на своем месте. Нагнувшись, он увидел два маленьких кусочка железной проволоки, которые торчали с обеих сторон, поддерживая дощечку. Стоило их вынуть — и дощечка отлетела.

Ахилл испустил крик изумления. Но Люпен заметил:

— Ну и что толку? Чего мы добились? Через такой прямоугольник в пятнадцать или восемнадцать сантиметров в длину и сорок в вышину не могла бы пролезть женщина. Этого не смог бы сделать и десятилетний ребенок!

— Но она могла просунуть руку и снять замок.

— Нижний замок — да, — сказал Люпен, — но не верхний: расстояние слишком велико. Попробуй сам, ты увидишь.

Ахилл убедился, что это невозможно.

— Ну так как же? — спросил он.

Люпен не ответил. Он долго думал. Потом вдруг приказал:

— Шляпу… пальто…

Он торопился, находясь во власти какой-то мысли. Выйдя на улицу, он вскочил в такси:

— Улица Матиньон, скорее.

Как только он подошел к квартире, где была похищена хрустальная пробка, он открыл дверь, поднялся наверх и присел перед дверью, ведущей в его комнату. Он угадал. Точно так же и здесь выпадала одна дощечка.

Но и здесь отверстие по величине было достаточно только для того, чтобы просунуть руку с

плечом, но не позволяло снять верхнего замка.

— Гром и молния! — воскликнул он, будучи не в силах сдержать бешенства, которое в нем кипело уже два часа подряд. Черт возьми!.. Этой истории нет конца!

Действительно, его преследовали невероятные неудачи, и он принужден был бродить в потемках, не имея возможности использовать даже те немногие проблески удачи, которые судьба давала ему в руки. Жильбер доверил ему пробку. Жильбер послал ему письмо. Но все это исчезло, не успев появиться.

И это не был ряд случайных, как он раньше думал, явлений. Совершенно очевидно, что за этим стоял враг. Дерзкий, жестокий, невидимый… Люпен не знал, с кем ему бороться, от кого защищаться, откуда ждать удара. Он почувствовал страх. Страх перед неминуемостью того бледного апрельского утра, когда два его товарища подымутся на эшафот и подвергнутся ужасной казни.

Глава третья
Частная жизнь Алексиса Добрека

Когда депутат Добрек на следующий день после полицейского обыска вошел к себе, его остановила Клементина. Ей удалось найти кухарку, внушающую доверие. Эта кухарка представила первоклассные аттестации. Уже немолодая, но очень деятельная, она согласилась вести все хозяйство Добрека.

Новой кухаркой Добрек, по-видимому, остался доволен, ибо немедленно отдал распоряжение Клементине передать ключи Виктории (это была сообщница Люпена) и указать ей комнату.

Добрек был дома недолго. Но едва только он покинул виллу, как Люпен поселился в комнате Виктории.

Депутат вернулся в полночь.

С этих пор в течение нескольких дней подряд Люпен приноравливал свою жизнь к образу жизни Добрека. Как только тот покидал дом, Люпен начинал свои поиски.

Он делал это методически, разделяя каждую комнату на секторы, которые тщательно осмат-

ривал.

Виктория тоже искала. Они ничего не пропускали. Ножки столов, стульев, доски паркета, рамы зеркал и картин, часы, пьедесталы статуэток, кольца портьер, телефонные и электрические аппараты — просматривали все, что изощренное воображение могло избрать хранилищем этой пробки.

Малейшее движение депутата было под надзором, самые его бессознательные жесты, взгляды, книги, которые он читал, письма, которые он посылал.

Это было очень легко сделать, потому что он жил совершенно открыто. Никогда он не затворял дверей, не принимал посетителей. Его жизнь протекала с механической размеренностью. После полудня он отправлялся в парламент, вечером — в клуб.

— И все-таки должно же тут что-то быть, — говорил Люпен.

— Ровно ничего, — стонала Виктория, — ты только теряешь время, и нас поймают.

Присутствие сыщиков, которые постоянно шныряли под окнами, сводило ее с ума. Она не могла допустить мысли, что они здесь не для того, чтобы поймать в ловушку ее, Викторию.

И каждый раз она очень удивлялась, что кто-нибудь из них не останавливает ее. Однажды она вернулась очень взволнованная. Корзинка дрожала в ее руках.

— Что с тобой, милая Виктория, — спросил Люпен. — Ты вся позеленела.

— Есть от чего.

Ей пришлось сесть, и только после большого усилия она способна была выговорить:

— Какой-то человек остановил меня в бакалейной.

— Черт возьми! Он хотел тебя задержать?

— Нет, он мне сунул письмо.

— И ты еще жалуешься! Должно быть, признание в любви?

— Нет… «Это для вашего патрона», — сказал он. «Для патрона?» — спросила я. «Да, для того господина, который живет в вашей комнате».

— Гм!

На этот раз Люпен вздрогнул.

— Давай письмо, — сказал он, схватив конверт.

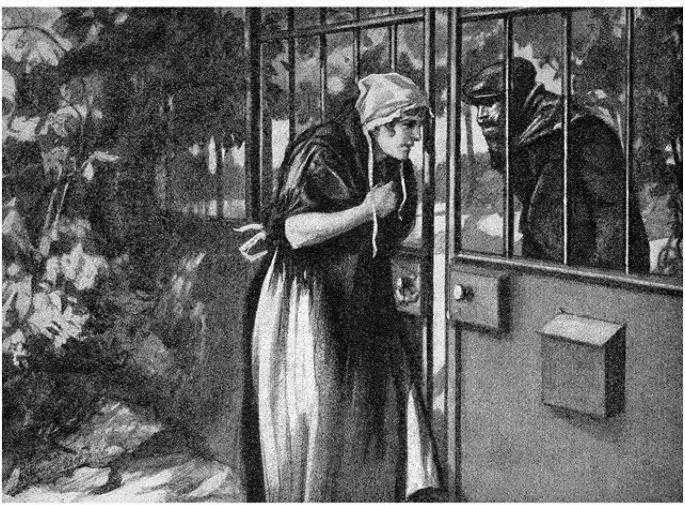
На конверте не было никакого адреса.

Но внутри был еще конверт, на котором он прочел:

Господину Арсену Люпену,

находящемуся на попечении Виктории.

— Черт возьми! — пробормотал Люпен. — Вот так здорово!



Он разорвал второй конверт. В нем был листок

бумаги, на котором крупными буквами было написано:

Все, что вы делаете, бесполезно и опасно.

Бросьте вашу игру.

Люпен покраснел до ушей, как если бы его самым грубым образом оскорбили. Впрочем, он не проронил ни слова.

Виктория принялась за работу, а он весь день не выходил из комнаты и думал.

Ночью он не мог заснуть.

«К чему думать, — без конца повторял он. — Я натолкнулся на одну из таких задач, которую не разрешишь умом. Достоверно только то, что не я один замешан в это дело и что между Добреком и полицией есть не только третий вор, которым состою я, но еще и четвертый, который знает меня и ясно понимает мою игру. Кто же этот четвертый вор? Не ошибся ли я? И потом… Ну ладно, пора спать…»

Около четырех часов утра ему послышался какой-то шум в доме. Он быстро вскочил и увидел сверху, что Добрек спускается с первого этажа и направляется в сад. Минуту спустя депутат, открыв калитку, впустил человека, лицо которого

было закрыто воротником шубы, и провел его в свой кабинет.

Люпен предвидел это. Он привязал к своему балкону веревочную лестницу, тихонько развернул ее и спустился по ней до верхнего уровня окна кабинета. Оно было закрыто ставнями, но наверху оставалось маленькое отверстие. Люпен хотя и не мог ничего расслышать, зато мог видеть все, что происходило в кабинете. Он сейчас же разглядел, что особа, принятая им за мужчину, была женщиной — еще довольно молодой, хотя в ее волосах уже была седина, красивой высокой женщиной, прекрасное лицо которой носило на себе следы страдания.

«Где я ее видел?» — думал Люпен. Эти черты, взгляд, лицо были ему знакомы.

Она стояла возле стола и бесстрастно слушала Добрека, который, тоже стоя, что-то оживленно ей рассказывал. Он располагался спиной к Люпену, которому, благодаря зеркалу на противоположной стене, было видно его лицо. Он испугался, когда заметил, с каким нескрываемым желанием смотрел Добрек на свою посетительницу.

Она сама, видимо, была этим очень смущена, потому что села и опустила глаза. Добрек наклонился над ней и, казалось, вот-вот обхватит

ее своими длинными руками. И вдруг Люпен разглядел крупные слезы на грустном лице женщины. От вида этих слез Добрек, очевидно, совсем потерял голову. Внезапно он обнял женщину и привлек ее к себе. Она оттолкнула его с ненавистью. И после короткой борьбы, во время которой лицо Добрека было перекошено от ярости, оба стояли друг против друга, как два смертельных врага. Потом они замолчали. Добрек сел, лицо его искажала злобная ухмылка. Он снова заговорил отрывисто, стуча по столу, точно ставил какие-то условия. Она слушала его спокойно, рассеянно, с отуманенным взором. Люпен не спускал с нее глаз, плененный ее лицом, и тщетно старался вспомнить, откуда оно ему знакомо. Вдруг он заметил, что она повернула голову и незаметно скользила рукой по краю стола, в конце которого стоял графин с водой, закрытый золоченой пробкой. Рука коснулась графина, потрогала его, слегка приподнялась и схватила пробку. Быстрый поворот головы, взгляд, брошенный на пробку, — и она опять на своем месте. Очевидно, это было не то, чего она желала.

«Черт возьми! — подумал Люпен. — И ее тоже интересует пробка!»

Вдруг он увидел, как рука женщины, продол-

жая двигаться вокруг стола, непрерывно скользя по краю, расталкивая книги, медленно и уверенно приближается к кинжалу, лезвие которого поблескивало среди листков бумаги, рассыпанных по столу. Она нервно ухватилась за рукоятку. Добрек продолжал говорить. Над его спиной медленно поднималась рука с кинжалом.

Вытянув руку, женщина колебалась одно короткое мгновение. Но вдруг сжала зубы, все лицо ее исказилось ненавистью, и она сделала страшное движение.

В то же мгновение Добрек наклонился, вскочил со стула и, повернувшись, схватил на лету нежную кисть женщины.

Странное дело — он не бросил ей ни одного упрека, как если бы все это нисколько его не удивило, как если бы это было естественно и просто. Он пожал плечами с видом человека, привыкшего к такого рода опасностям, и молча прошелся по комнате.

Она бросила кинжал и заплакала, закрыв лицо руками, ее плечи вздрагивали.

Потом он снова подошел к ней, снова что-то сказал, стуча по столу. Она сделала отрицательный жест, и, так как он настаивал, она в свою очередь топнула ногой и закричала так, что слышно было

Люпену:

— Никогда!.. Никогда!..

Тогда, не говоря ни слова, он достал ее меховое пальто, накинул его ей на плечи.

Он проводил ее. Через две минуты калитка сада закрылась.

«Жаль, что я не могу последовать за ней и поболтать о Добреке. Мне кажется, мы нашли бы общий язык».

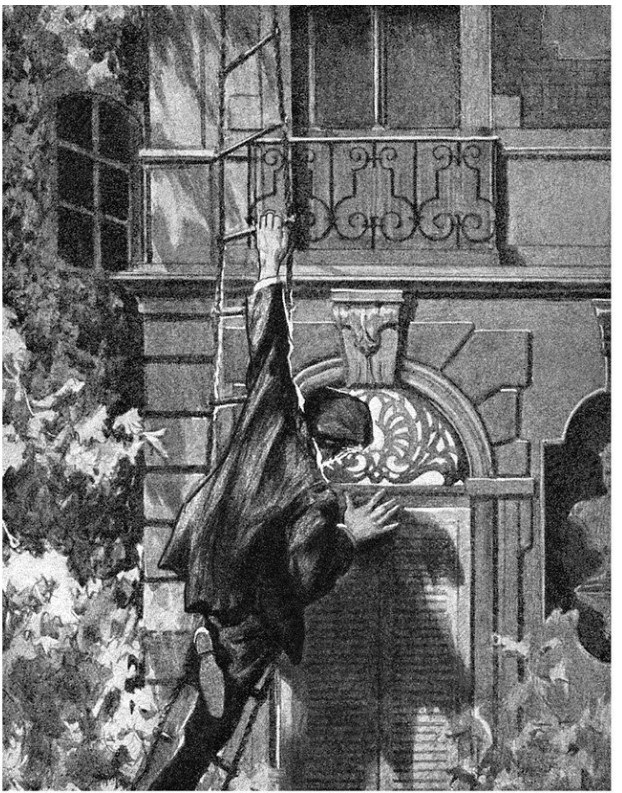
В следующую ночь Люпен устроил наблюдение за домом Добрека.

В четыре часа ночи депутат провел кого-то в дом, как и накануне. Люпен быстро спустился по своей лестнице и снова занял свою позицию. Он увидел, что какой-то человек валяется у ног Добрека и в слезах обнимает его колени. Несколько раз Добрек его отталкивал, но человек не отставал. Внезапно приподнявшись, он схватил депутата за горло и опрокинул его в кресло. Добрек отбивался от него и вдруг, сделав усилие, нанес ему два сильных удара.

Человек медленно поднялся. Он был бледен и шатался. Подождав мгновение, как бы для того, чтобы собраться с силами, он спокойно вынул из кармана револьвер и направил его на Добрека.

Добрек не тронулся с места. Он смотрел на это

с улыбкой и без малейшего волнения, как если бы перед ним была детская игрушка. Тогда с той же медлительностью и самообладанием человек спрятал револьвер и из другого кармана вынул бумажник.



Добрек приблизился к нему. Бумажник раскрылся, и показалась пачка банковых билетов. Добрек быстро схватил ее и начал считать.

Там было тридцать тысячных билетов.

Человек наблюдал. Он не проявил ни возмущения, ни протеста. Видно было, что он понимал бесцельность разговоров.

Пока Добрек считал деньги, человек взял свою шляпу и ушел.

В одиннадцать часов утра Виктория, вернувшись с рынка, принесла Люпену письмо от его товарищей. Он прочел: «Человек, который был в эту ночь у Добрека, — депутат Ланжери, председатель левых независимых. Бедняк с многочисленной семьей».

Через три дня к Добреку пришел еще один человек и передал значительную сумму. Назавтра пришел еще кто-то и оставил ему жемчужное ожерелье.

Первый был Дешамон, сенатор и бывший министр. Второй был маркиз д'Альбюфэ, бонапартистский депутат, бывший руководитель политического бюро принца Наполеона.

У Добрека происходили с ними примерно такие же столкновения, как с Ланжери, и заканчивались они неизменно победой Добрека.

«Я присутствовал при четырех посещениях, — думал Люпен. — Если бы их было десять, двадцать, тридцать, я не нашел бы в них ничего нового. Мне достаточно знать через моих друзей их имена. Посетить их?.. Зачем? У них нет никакого повода довериться мне. С другой стороны, надо ли мне задерживаться здесь в поисках, которые ни к чему не приводят и которые Виктория сможет продолжить одна?» Он был в сильном затруднении. Если он даже и разоблачит Добрека, поможет ли это Жильберу и Вошери?

Одно событие в этот день положило конец его колебаниям. После завтрака Виктория из отрывков разговора Добрека по телефону поняла, что он назначил свидание в половине девятого какой-то даме и должен был отвезти ее в театр.

— Я возьму ложу бенуара, как шесть недель назад, — сказал Добрек. И добавил, смеясь: — Надеюсь, за это время не ограбят.

После полудня при помощи Виктории Люпен вышел из особняка, зная, что Добрек придет обедать раньше обычного. Он пошел к себе на улицу Шатобриан и, вызвав по телефону трех своих друзей надел фрак, причесался, по его выражению, под русского князя и налепил белокурые, коротко остриженные бакены.

Товарищи приехали в автомобиле.

В этот момент его слуга Ахилл принес телеграмму, адресованную Мишелю Бомон, улица Шатобриан. Эта телеграмма гласила следующее:

НЕ ХОДИТЕ СЕГОДНЯ В ТЕАТР. СВОИМ ПОЯВЛЕНИЕМ ВЫ РИСКУЕТЕ ПОТЕРЯТЬ ВСЁ.

На камине возле него стояла ваза с цветами. Люпен схватил ее и разбил вдребезги.

В театр он пошел.

Около десяти часов вечера он заметил в театре «Водевиль» ложу, почти совершенно закрытую ширмами, и при помощи денег узнал от билетерши, что там находится мужчина средних лет и дама под густой вуалью.

Соседняя ложа была пуста. Он взял ее, вернулся к своим друзьям, чтобы дать им необходимые указания, и уселся возле парочки.

Во время антракта, при ярком свете, Люпен смог различить профиль Добрека. Дама оставалась в глубине и была невидима.

Оба говорили шепотом, продолжая свой разговор после поднятия занавеса, но так, что Люпен не мог разобрать ни одного слова.

Прошло десять минут. В их дверь постучали. Это был администратор театра.

— Здесь депутат Добрек? — спросил он.

— Да, — ответил изумленный Добрек. — Откуда вы знаете мое имя?

— От человека, который просит вас к телефону. Он сказал, чтобы я обратился в ложу двадцать два.

— Кто же это?

— Маркиз д'Альбюфэ.

— Вот как?

— Что мне ответить?

— Сейчас иду… иду…

Добрек поспешно поднялся и пошел за администратором. Едва он успел выйти, как Люпен открыл дверь его ложи и сел возле дамы.

Она подавила крик удивления.

— Молчите, — приказал он. — Мне надо с вами поговорить… Это очень важно.

— Ах! — произнесла она еле слышно. — Арсен Люпен!

Он был ошеломлен. Целое мгновение он, не шевелясь, сидел с открытым ртом. Эта женщина знала его! Не только знала, но даже узнала, несмотря на его переодевания и грим! Как он ни привык к разным необыкновенным происшествиям, это его выбило из колеи.

Он и не думал протестовать:

— Значит, вы знаете?..

Вдруг, не давая ей времени сопротивляться, он приподнял ее вуаль.

— Как? Возможно ли? — пробормотал он с возрастающим изумлением.

Это была та самая дама, которую он видел ночью у Добрека несколько дней тому назад, женщина, которая занесла кинжал над Добреком и хотела его убить!

Она в свою очередь также изумилась:

— Как, вы меня когда-нибудь видели?

— Да, в ту ночь, в особняке…

Она отшатнулась, как бы желая убежать. Он удержал ее и быстро шепнул:

— Мне надо знать, кто вы… Для этого я велел вызвать по телефону Добрека.

Она испугалась:

— Значит, это не маркиз?

— Нет, это один из моих сообщников.

— Но Добрек сейчас вернется.

— Да, но у нас еще есть время… Послушайте… Нам необходимо увидеться… Он ваш враг. Я вас спасу от него.

— Зачем? Для какой цели?

— Доверьтесь мне… Я уверен, что у нас общие интересы. Где мне вас найти? Завтра, не правда ли? В котором часу, где?

— И что же?..

Она смотрела на него с явной нерешительностью, не зная, что делать, собираясь уже сказать, но сдерживалась, полная тревоги.

Он поторопил ее:

— Умоляю вас!.. Отвечайте!.. Одно только слово, и сейчас же… Будет очень обидно, если он найдет меня здесь… Умоляю вас…

Она отчетливо произнесла:

— Имя мое… не нужно… Мы сначала встретимся, вы мне объясните… Да, мы увидимся завтра, в три часа, на бульваре…

В это самое мгновение дверь в ложу распахнулась и появился Добрек.

— Черт! — пробормотал взбешенный Люпен.

— Вот это хорошо… Я так и думал: этот трюк с телефоном уже вышел из моды, сударь. Я вернулся с полдороги.

Он толкнул Люпена к передней части ложи и, усевшись возле дамы, продолжал:

— Итак, князь, кто вы? Из префектуры, очевидно?

Он рассматривал Люпена и подыскивал ему имя, не узнавая в нем того, кого прозвал Полонием. Люпен, не спуская с него глаз, произнес:

— Выйдем, сударь. Будет удобнее разговари-

вать.

— Нет, здесь, князь, здесь и сейчас, не во время антракта. Мы никому не помешаем.

— Но…

— Не трудись, мой друг, ты не тронешься с места.

И он схватил Люпена за шиворот с очевидным намерением не отпускать его до антракта.

Люпен промолчал. Он терпел на своем плече тяжелую руку Добрека и даже согнулся вдвое, делая вид, что побежден.

Дама, сидя неподвижно в своем углу, наблюдала за обоими.

— Ага, — издевался депутат, — кажется, мы не станем упрямиться?

На сцене актеры шумно спорили.

Добрек чуть-чуть разжал руку, и Люпен счел момент благоприятным. Он сильно, как топором, ударил его по сгибу руки. Добрек растерялся от боли. Люпен освободился и бросился на него, пытаясь схватить его за горло. Но Добрек вовремя отступил, и они сцепились. Согнувшись, они боролись возле двери. Кости трещали. Все это происходило в полной тишине. На сцене в это время все слушали одного актера, говорившего шепотом.

Женщина, прижавшись к стене, смотрела на них с ужасом. Потом она быстро перегнулась через ложу, отодвинула ширму и, сделав знак, постаралась проскользнуть к двери.

— Уберите стул, — попросил ее Люпен.

Женщина нагнулась и отодвинула стул. Этого только и нужно было Люпену.

Освободившись от препятствия, он ударил Добрека по ноге концом своего ботинка. Результат был таким же, как от удара по руке. Добрек растерялся от боли, и Люпен, воспользовавшись этим, схватил его за горло.

Добрек сопротивлялся, стараясь разогнуть пальцы, которые душили его.

Но он задыхался и слабел.

— Ага, старая обезьяна, — ворчал Люпен, опрокидывая его. — Почему не зовешь на помощь? Боишься скандала?!

Кто-то постучал в перегородку ложи.

— Ну вас, — сказал Люпен вполголоса. — Смотрите на сцену. А здесь мое дело, и пока я не покончу с этой гориллой…

Это было почти уже сделано. Депутат задыхался. Люпен оглушил его ударом по подбородку; оставалось только убежать вместе с женщиной раньше, чем подымется тревога.

Обернувшись, он заметил, что женщина ушла.

Но она еще не успела уйти далеко. Выскочив из ложи, не обращая внимания на билетерш и контролеров, он побежал за ней.

Действительно, достигнув выхода, он заметил ее через открытую дверь. Когда он уже подходил к ней, она вскочила в автомобиль и задернула занавеску.

Он схватился за ручку и хотел потянуть. Но изнутри высунулся человек, который ударил его кулаком по лицу, не так ловко, но так же сильно, как он сам ударил Добрека.

Как он ни был оглушен ударом, он все-таки успел узнать этого человека и шофера.

Это были Гроньяр и Балу, друзья Жильбера и Вошери, его собственные, Люпена, помощники.

Вернувшись к себе на улицу Шатобриан и умывшись, Люпен больше часа просидел в кресле, как бы в забытьи. Впервые он столкнулся с предательством. В первый раз его товарищи по борьбе повернулись спиной к своему предводителю.

Желая чем-нибудь развлечься, он взял вечернюю газету. В отделе последних известий он прочел:

Дело виллы «Мария Терезия». Наконец-то личность Вошери, одного из убийц лакея Леонарда, раскрыта. Это бандит чистой воды, рецидивист, уже два раза под другими именами приговоренный заочно к казни за убийство.

Нет никакого сомнения, что так же будет раскрыто настоящее имя Жильбера, другого участника этого дела. Во всяком случае, дело очень скоро будет передано в суд.

В пачке газет Люпен нашел письмо. Заметив его, он вскочил: оно было адресовано Мишелю де Бомон.

— Ага, — воскликнул он, — письмо от Жильбера.

Оно содержало следующие слова: «Спасите, патрон! Я боюсь… я боюсь…»

Глава четвертая
Предводитель врагов

«Бедняга, — думал Люпен, перечитывая утром письмо Жильбера. — Как он страдает!»

С первой же встречи он привязался к этому рослому, беспечному, жизнерадостному парню. Жильбер был предан ему настолько, что мог бы по первому требованию отдать за него жизнь. А Люпен любил его за прямоту, наивность, за его всегда прекрасное расположение духа и дышащее счастьем лицо.

— Жильбер, — часто говаривал Люпен, — ты честный человек. Я на твоем месте бросил бы это ремесло и сделался бы настоящим честным человеком.

— После того как это сделаете вы, я готов, — говорил, смеясь, Жильбер.

— Ты не хочешь?

— Нет, патрон. Честный человек работает, вертится как белка в колесе. Мне хотелось этого, пожалуй, когда я был маленьким, но меня заставили выбросить это из головы.

— Кто заставил?

Жильбер умолкал. Он умолкал всегда, как только касались его детства, и все-таки Люпен знал, что он очень рано остался сиротой и что он бросался во все стороны, меняя имена и профессии. Тут была тайна, в которую никто не мог проникнуть. Не удавалось ее раскрыть даже суду.

— Бедняга, — повторял Люпен. — Ведь из-за меня его там жестоко преследуют. Они боятся побега и торопятся закончить сначала следствие, потом суд, а потом поторопятся с казнью… Парнишке двадцать лет! А ведь он никого не убил и даже не участвовал в преступлении.

Увы, Люпену было известно, что это невозможно доказать и что нужно направить все свои усилия к другой цели. Но к какой же? Отказаться от погони за хрустальной пробкой?

Он не мог на это решиться. Единственным его развлечением было съездить в Энгьен, где жили Гроньяр и Балу, и убедиться, что они исчезли с тех пор, как произошло убийство на вилле «Мария Терезия». За исключением этого он не занимался ничем другим, кроме как Добреком.

Через три дня после происшествия в «Водевиле» он встретился на бульваре Виктора Гюго, в условленном месте, с Викторией.

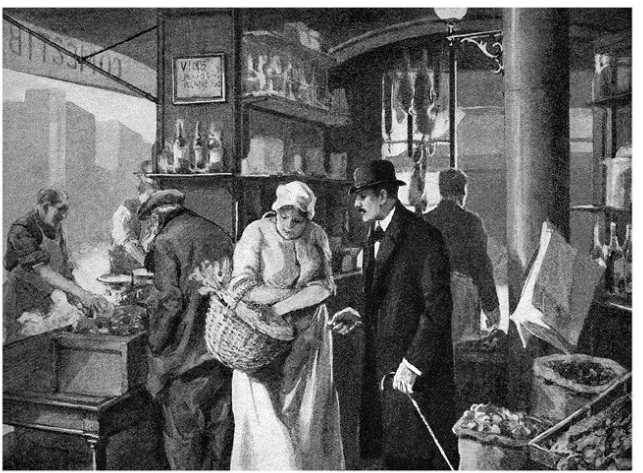
Виктория приближалась к нему с корзинкой

для провизии в руке. Он сейчас же заметил, что она бледна и необыкновенно взволнованна.

— Что случилось? — спросил Люпен, идя рядом со своей кормилицей.

Она вошла в большой бакалейный магазин, где было много народу, и только тогда сказала голосом, пресекающимся от волнения:

— Смотри, вот то, что ты ищешь.



И, вынув из кармана какой-то предмет, сунула его Люпену. Он вздрогнул. Он держал в своей руке хрустальную пробку.

— Возможно ли? Возможно ли? — бормотал он.

По форме, по размерам, по стертому золоту граней он безошибочно узнал уже виденную им когда-то хрустальную пробку. Все было так же, вплоть до маленькой царапины на шейке, которую он ясно тогда запомнил.

В общем, этот предмет имел те же самые свойства и ни одного такого, которого не было бы в том. Это была хрустальная пробка — вот и все. Ничего такого, что ее отличало бы от других пробок. Ни знака, ни цифры: вырезанная из одного куска, совершенно однородная, не содержащая никакого другого вещества.

— Ну и что же?

И Люпен внезапно понял свое заблуждение. На что ему нужна была хрустальная пробка, если он не понимал ее назначения? Этот кусочек стекла не был важен сам по себе, он был ценен только благодаря тому значению, которое ему придавалось. И кто мог его уверить в том, что он не делает глупости, отбирая ее у Добрека?

Этот неразрешимый вопрос встал перед ним во всей своей необыкновенной остроте.

— Не промахнись! — сказал он себе, положив в карман пробку. — В этом дьявольском деле промахи непоправимы.

Он не спускал глаз с Виктории. В сопровождении приказчика она в толпе покупателей переходила от одной стойки к другой. Наконец она прошла мимо Люпена.

Он приказал тихим голосом:

— Свидание позади лицея Жансон.

Она нагнала его на пустынной улочке.

— А если за мной следят? — спросила она.

— Нет, — сказал он уверенно. — Я хорошо посмотрел. Слушай, где ты нашла пробку?

— В ночном столике.

— Но ведь мы там искали?

— Да. И я смотрела еще вчера утром. Ее положили туда сегодня ночью.

— И конечно, он снова захочет взять ее оттуда, — заметил Люпен.

— Очень может быть!

— И если ее не найдет?

Виктория перепугалась.

— Отвечай, — сказал Люпен, — если он не найдет ее, обвинит ли он в воровстве тебя?

— Очевидно, меня.

— Ну так поди положи назад и поскорее.

— Боже мой! Боже мой! — простонала она. — Хоть бы он не успел заметить. Дай мне ее скорей!

— Вот она, — сказал Люпен.

Он поискал в карманах своего пальто.

— Ну, где же она? — спросила Виктория, протягивая руку.

— Так, — сказал он через мгновение, — ее нет… У меня ее взяли…

Он разразился смехом, на этот раз без всякой горечи.

Виктория возмутилась:

— И ты еще смеешься! При подобных обстоятельствах!

— Но признайся, что это действительно смешно!

— Все-таки кто ее взял?

— Что ты там говоришь… Взял? Она сама улетела. Она испарилась из моего кармана… — Потом более серьезным тоном: — Иди, Виктория, домой и не беспокойся. Очевидно, кто-нибудь видел, как ты мне давала пробку, и, воспользовавшись давкой, вытащил ее у меня из кармана. Все это доказывает, что за нами следят лучше, чем я полагал, и наши соперники — мастера высокого класса. Тебе нечего больше сказать мне?

— Да, вчера вечером, когда Добрек вышел, кто-то приходил. Я видела свет, который падал из окна на деревья сада.

— А привратница?

— Она еще не ложилась.

— Ну, тогда это сыщики, они все еще ищут. До скорого, Виктория. Ты меня впустишь к себе сегодня?

— Как? Ты хочешь опять?

— Чем я рискую? Твоя комната на третьем этаже. Добрек ничего не подозревает.

— А те?

— Те? Если бы они хотели что-нибудь со мной сделать, они бы уже сделали. Я их стесняю, только и всего. Они не боятся меня. До свидания, Виктория. Как только пробьет пять часов…

Люпена ждал еще один сюрприз. Вечером его старая нянька доложила ему, что когда она из любопытства открыла ящик ночного столика, то нашла там хрустальную пробку.

Люпена больше не поражали чудеса этого рода. Он только сказал себе:

— Значит, ее положили на место. И та особа, которая необъяснимым образом проникла в дом, — эта особа, подобно мне, считает, что пробка не должна была исчезнуть. А пока что Добрек,

который знает, что за ним следят даже в его комнате, снова оставил эту пробку в ящике, как если бы не придавал ей никакого значения!

Прошло пять дней, не давших Люпену ничего нового. На шестой день утром к Добреку приходил депутат Лайбах, который, как и его товарищи, тщетно валялся в ногах депутата и в конце концов дал ему двадцать тысяч франков.

Прошло еще два дня, и ночью, около двух часов, Люпен, притаившийся на площадке второго этажа, уловил скрип двери, которая вела из вестибюля в сад. Он скорее угадал, чем рассмотрел в темноте две фигуры, которые остановились на первом этаже перед комнатой Добрека.

Что они там делали? Войти в эту комнату было нельзя, потому что каждый вечер Добрек закрывался на все замки. В таком случае на что они надеялись? Очевидно, там производилась какая-то работа, так как Люпен различал глухой шум. Потом до него долетели произнесенные шепотом слова:

— Подвигается?

— Да, чудесно, но лучше отложить до завтра, потому что…

Люпен не расслышал конца фразы. Они уже ощупью спускались вниз. Затем дверь легонько

закрылась, и скрипнула калитка.

После полудня во время отсутствия Добрека он осмотрел дверь комнаты на первом этаже. Он сразу понял все: одна из нижних дощечек, ловко вырезанная, держалась только в двух незаметных местах. Значит, одни и те же люди действовали и здесь, и на улице Матиньон, и на улице Шатобриан.

Он установил также, что эта работа была проделана гораздо раньше и так же, как у него, отверстие было приготовлено на всякий случай.

Ночь для Люпена промелькнула быстро. Он все узнает! Он узнает не только как его противники используют эти отверстия, на вид бесполезные, потому что при их помощи нельзя было достать верхнего замка, но и кто именно его соперники.

Один инцидент помешал ему. Вечером Добрек, который уже за обедом жаловался на недомогание, вернулся в десять часов и, против обыкновения, повесил на дверях вестибюля замок, снятый с садовой калитки.

В таком случае смогут ли «те» осуществить свои планы и пройти в комнату Добрека?

Когда Добрек потушил свет, Люпен подождал еще час, потом на всякий случай прикрепил веревочную лестницу и занял свой пост на площадке

второго этажа.

Он не ошибся. «Те» приехали на час раньше, чем накануне, и пробовали открыть дверь вестибюля. Попытка не удалась, и несколько минут протекло в абсолютной тишине. Люпен уже решил, что «те» отказались от своих намерений, и вдруг вздрогнул от неожиданности. Кто-то прошел, не нарушая тишины ни малейшим шорохом. Он бы не заметил этого, до того шаги этого существа были бесшумны, если бы не задрожали перила лестницы, за которые он держался. Кто-то подымался.

И по мере того, как он подымался, Люпена охватывало страшно неприятное чувство: он ничего не слышал. По легкому дрожанию перил он был уверен, что существо приближалось, и мог по каждому толчку сосчитать все пройденные им ступени, но не было никакого другого подтверждения этому странному ощущению чьего-то присутствия, когда различаешь жесты, которые не видишь, и улавливаешь шум, которого не слышишь. Все же из тьмы выступила несколько более темная тень, и что-то чуть-чуть нарушило тишину.

И все-таки можно было допустить, что вовсе никого не было.

Это продолжалось долго. Он колебался, не зная, что делать, что предположить. Вдруг одна подробность поразила его. Стенные часы пробили два. По звону он узнал часы в комнате Добрека. Звон раздался так ясно, как если бы между часами и Люпеном не было стены.

Люпен быстро спустился и приблизился к двери. Она была закрыта, но слева, внизу, была дыра, образовавшаяся от исчезновения маленькой дощечки.

Он прислушался. Добрек повернулся в этот момент в своей постели и продолжал дышать ровно и несколько хрипло. Люпен очень отчетливо расслышал шорох ощупываемой одежды. Не было никакого сомнения, что существо прошло туда и шарило в пальто, повешенном возле постели.

По новому дрожанию перил Люпен узнал, что человек возвращается. И снова, напрягая слух и зрение, он старался разглядеть таинственное существо, подходившее к нему… И вдруг он заметил его на расстоянии нескольких метров, нет, не заметил, скорее ощутил, как существо, держась за перила лестницы, с бесконечными предосторожностями переступало со ступеньки на ступеньку.

Люпен бросился на противника и поймал пустое пространство, натолкнувшись на перила. Но

он сейчас же кинулся вперед, пробежал половину вестибюля и поймал противника в тот самый момент, когда тот подходил к калитке сада.

Настигнутый завопил от ужаса.

— Ах, черт возьми, что это такое, — пробормотал Люпен, мощные руки которого обхватили нечто маленькое, стонущее и дрожащее.

Вдруг поняв, что это, он испугался и остановился на мгновение, не зная, что делать со своей добычей. Но «те» волновались за калиткой и совещались. Тогда, опасаясь, что проснется Добрек, он спрятал свою добычу на груди, под пиджаком, и поспешно поднялся на третий этаж.

— Возьми, — сказал он Виктории, которая вскочила с постели. — Я привел ночного вора. Есть у тебя соска?

Он посадил в кресло шести-семилетнего ребенка, одетого в серенькое трико, с такой же шапочкой на голове, прелестное и бледное личико которого и испуганные глаза были залиты слезами.

— Где ты его взял? — спросила изумленная Виктория.

— На лестнице, он выходил из комнаты Добрека, — ответил Люпен, тщательно ощупывая его трико в надежде, что ребенок унес из комнаты

какую-нибудь добычу.

Виктория растрогалась:

— Бедный ангелочек, посмотри, его ручки как лед! Не бойся, малютка, тебе не сделают ничего плохого…

— Ты слышишь шум у вестибюля, Виктория? — спросил Люпен. — Странно, что Добрек еще не проснулся… Я не хочу попасться в западню и бегу без оглядки. Привяжи ребенка к моей спине… Объясни им, что ребенок у меня… Пусть придут за ним на улицу Шатобриан. Ну-с, полетим.

Он перебросил ногу через окно, встал на перекладину веревочной лестницы и быстро спустился в сад.

Через полчаса Люпен уже был у себя дома.

Ахилл проснулся. Он приласкал ребенка и уложил его спать. Ребенок как будто забылся. Его маленькое личико было проникнуто каким-то выражением суровости и страха одновременно.

Резкий звонок, потом еще два.

— Вот твоя мать пришла за тобой, — сказал Люпен, — не шевелись.

Он побежал к двери и открыл ее.

Женщина ворвалась, точно безумная.

— Мой мальчик! — воскликнула она. — Где мой мальчик?

— У меня в комнате, — сказал Люпен.

Ничего не спрашивая, она, как будто путь ей был давно знаком, направилась в комнату.

— Молодая дама с седыми волосами, — пробормотал Люпен, — друг и недруг Добрека; как я и думал.

Он подошел к окну и поднял занавесь. Два человека ходили по противоположному тротуару — Гроньяр и Балу.

— Они не скрываются, — прибавил он. — Хороший признак. Они считают, что не обойдутся без меня и что надо подчиниться патрону.

Он нашел сына в объятиях матери, которая с беспокойными и мокрыми от слез глазами говорила:

— У тебя ничего не болит? Ты уверен? Как ты боялся, должно быть, бедняжка!

— Бойкий молодой человек, — заявил Люпен.

Она, ничего не ответив, ощупывала трико мальчика так, как это делал раньше Люпен — должно быть, для того, чтобы убедиться, удалась ли ему его ночная миссия, — и спросила его о чем-то шепотом.

— Нет, мама, — сказал ребенок.

Она приласкала и поцеловала его, и ребенок, измученный усталостью и волнением, скоро

заснул.

Женщина была так грустна, что в порыве искренней симпатии Люпен приблизился к ней и сказал:

— Я не знаю ваших планов. Но каковы бы они ни были, вам нужна помощь. Одна вы не будете иметь успеха.

— Я не одна.

— Вот эти двое, там? Я их знаю. Они не в счет. Я вас умоляю, воспользуйтесь мной. Помните тот вечер, в театре, вы готовы были мне сказать. Решитесь наконец, сударыня!

Она обратила на него взгляд, долго рассматривала его и с внезапной решимостью спросила:

— Но какие у вас планы? Вы предлагаете мне свою помощь… Для какой цели? Для какого дела? Если вы с головой ринулись в это дело, если я ничего не могла предпринять без того, чтобы вы не встали на моем пути, то это, верно, делалось для того, чтобы добиться какой-то цели? Какой же?

— Какой?.. Бог мой, мне кажется, что мое поведение…

— Нет, — сказала она решительно, — я должна быть полностью уверена в том, что могу доверять вам. Пока же этого нет. Напротив, я знаю, что хрустальная пробка, которой владеет Добрек,

представляет для вас большой интерес и вы хотите использовать ее в своих целях.

Он не возражал. Чего она от него хотела? Если она ему не доверяла, не надо ли и ему остерегаться этой женщины, которая уже два раза похищала у него хрустальную пробку для того, чтобы вернуть ее Добреку? Доверясь ей, не попадет ли он сам в лапы к Добреку? Однако он никогда не видел более искреннего лица. Перестав колебаться, он воскликнул:

— Моя цель проста: освобождение Жильбера и Вошери.

— Правда ли это? — вскричала она.

— Если бы вы меня знали…

— Я знаю, кто вы. Вот уже несколько месяцев, как я вмешиваюсь в вашу жизнь… и все-таки я еще сомневаюсь.

Он произнес более уверенно:

— Вы меня не знаете. Если бы вы меня знали, то были бы убеждены, что я не отступлю раньше, чем два моих товарища… — или, по крайней мере, Жильбер — избавятся от той ужасной судьбы, которая их ждет.

Она бросилась к нему и схватила его за плечи, совершенно обезумев:

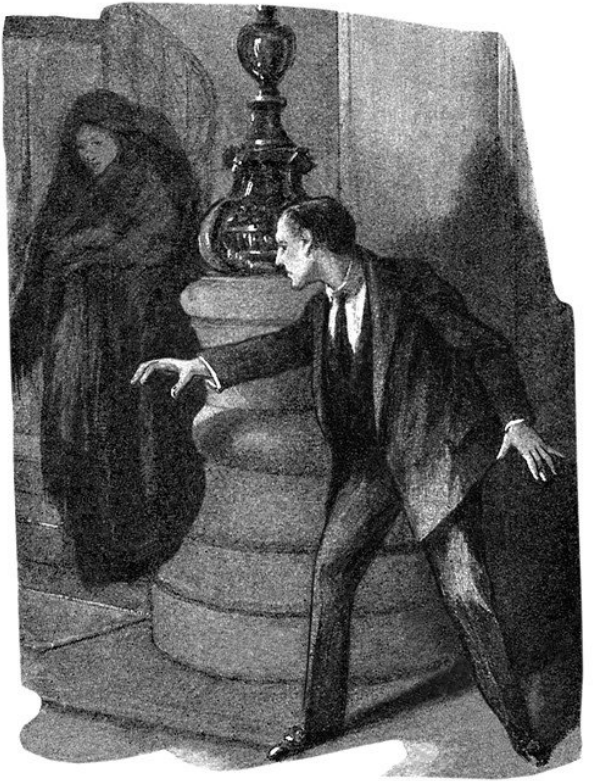
— Что вы сказали? Ужасная судьба? Значит, вы

думаете…

— Я действительно думаю, — сказал Люпен, почувствовав, как ее взволновала эта угроза, — я действительно думаю, что, если не приду вовремя на помощь, Жильбер погибнет.

— Замолчите!.. — вскричала она. — Замолчите… Я вам запрещаю это говорить… Нет никаких оснований, это только ваше предположение.

— Не только мое, но и Жильбера также.



— Как? Жильбера? Откуда вы знаете?

— От него самого.

— От него?

— Да, он надеется только на меня, он знает на свете только одного человека, который спасет его, и несколько дней тому назад в отчаянии взывал ко мне из тюрьмы. Вот письмо.

Она жадно схватила бумагу и, заикаясь, прочла:

«Спасите, патрон… Я погиб… Я боюсь… помогите».

Она выпустила письмо из рук. В ее глазах он прочел страдание. Она неловко оступилась, пошатнулась и упала без чувств.

Глава пятая
Двадцать семь

Ребенок спокойно спал. Мать неподвижно лежала на кушетке, где ее устроил Люпен. Было понятно, что она вот-вот проснется.

Люпен заметил на ее пальце обручальное кольцо и медальон на шее. Он наклонился и, открыв его, увидел миниатюрную фотографию, изображавшую мужчину лет сорока и юношу-гимназиста с обрамленным кудрями свежим лицом.

— Да, так оно и есть, — сказал он. — Ах, бедная женщина!

Он взял ее руку в свои. Она раскрыла глаза и снова закрыла, пробормотав:

— Жак…

— Не беспокойтесь, он спит… Все хорошо.

Она очнулась. Но так как она продолжала молчать, Люпен стал задавать ей вопросы, чтобы заставить ее понемногу высказаться. Указывая на медальон, он спросил:

— Этот гимназист — Жильбер, не правда ли?

— Да, — ответила она.

— Жильбер — ваш сын?

Она вздрогнула и прошептала:

— Да, Жильбер — мой старший сын.

— А другой портрет?

— Это мой муж, он умер три года назад.

Она села.

— Как звали вашего мужа?

— Мержи.

— Викториен Мержи, депутат?

— Да.

— Кто же был виновником его смерти? Жильбер?

— Нет, Жильбер исчез на несколько лет раньше, про́клятый и выгнанный моим мужем. Это горе было очень велико, но не это было причиной его смерти.

— Что же именно?

Не было уже необходимости задавать ей вопросы. Госпожа Мержи не могла больше молчать.

— Двадцать пять лет назад меня называли Клариссой Дарсель. Мои родители были тогда еще живы, и я встретила в светском обществе в Ницце троих молодых людей, имена которых разъяснят вам мою драму. Это были Алексис Добрек, Викториен Мержи и Луи Прасвилль. Все трое были знакомы еще студентами. Прасвилль

любил тогда одну актрису, которая пела в опере в Ницце, а Добрек и Мержи любили меня. Но я постараюсь покороче рассказать обо всем. Факты говорят за себя. С первого же мгновения я полюбила Викториена Мержи… Когда Добрек узнал, что я выхожу за Мержи, он рассвирепел…

Кларисса Мержи остановилась на мгновение, затем изменившимся голосом продолжала:

— Я этого никогда не забуду… Мы все трое были в гостиной. Я до сих пор слышу его злые, полные ненависти слова. Викториен растерялся. Он никогда не видел своего друга в таком состоянии… Это был дикий зверь… Он скрежетал зубами, топал ногами. Его глаза — он тогда еще не носил очков — налились кровью, и он не переставал повторять: «Я отомщу, я отомщу… Пусть через десять… двадцать лет…» С помощью моего отца, вошедшего в эту минуту, и слуги Викториен выставил Добрека за дверь. Через шесть недель я вышла замуж за Викториена…

— И что было потом с Добреком?

— Ходили слухи, что в день моей свадьбы он задушил одну молодую особу, но доказательств не нашли. Потом мы долго о нем ничего не слыхали. Мы только знали, что он проиграл все свое состояние и объездил всю Америку. И я понемно-

гу забыла его гнев и угрозы и стала думать, что он, перестав меня любить, отказался от своего мщения… Впрочем, я была слишком счастлива, чтобы заниматься тем, что было вне моего счастья, любви, политического положения моего мужа и здоровья моего сына Антуана.

— Антуана?

— Это настоящее имя Жильбера. Несчастному удалось скрыть хотя бы свое происхождение.

Люпен несколько нерешительно спросил:

— Когда… В какое время… Жильбер начал?..

— Не могу вам сказать точно. Жильбер — я буду его так называть, чтобы не произносить настоящего имени, — Жильбер был и ребенком таким же, как сейчас, со всеми милый, очаровательный, но ленивый мальчик, к тому же недисциплинированный… Когда ему исполнилось пятнадцать лет, мы поместили его в гимназию в окрестностях Парижа. Через два года его выгнали.

— За что?

— За поведение: узнали, что он убегал по ночам и целыми неделями, под предлогом, что находится у нас, пропадал неизвестно где.

— Чем он занимался?

— Он играл на скачках, таскался по кафе и по разным притонам.

— У него были деньги?

— Да.

— Кто ему их давал?

— Добрек. Он, скрываясь от нас, делал все, чтобы научить нашего сына лжи, воровству, разврату…

Кларисса Мержи закрыла руками лицо, залившееся краской. Потом продолжила усталым голосом:

— Добрек отомстил. В то самое утро, когда мой муж выгнал из дому несчастного мальчика, Добрек раскрыл нам в циничном письме свою гнусную роль в этой истории. Он писал так: «Сначала суд, потом исправительная тюрьма… А потом, будем надеяться, и эшафот…»

Люпен воскликнул:

— Как? Добрек подстроил это последнее преступление?

— Нет-нет, тут только случай. Это гнусное предсказание было тогда только пожеланием. Но это меня ужасало. Настолько, что мы рассказывали своим знакомым, что Антуан умер. Жизнь стала тем более ужасной, что разразилась политическая буря и мой муж должен был погибнуть.

— Как это?

— Вам достаточно услышать два слова: имя моего мужа было в списке двадцати семи.

— Ах вот что!

Туман мигом рассеялся, и Люпен увидел массу вещей, которые до сих пор скрывались во тьме.

Кларисса Мержи продолжала более твердым голосом:

— Да, имя его было написано там, но по ошибке, по какому-то невероятному сплетению обстоятельств, жертвой которых он стал. Викториен Мержи был членом комиссии, назначенной для изучения французского канала. Он голосовал с теми, кто был за проект компании. Он взял пятнадцать тысяч франков, но взял для другого, для своего товарища, которому безгранично доверял и был его слепым и бессознательным орудием. Он хотел сделать доброе дело и погубил самого себя. В тот день, когда президент компании покончил с собой и исчез кассир, вскрылось все дело со всеми мошенническими махинациями. В тот день муж узнал, что некоторые из его товарищей были подкуплены, и он понял, что и его имя так же, как имена других депутатов, влиятельных членов парламента, было записано в таинственном списке, о котором вдруг заговорили. У кого находился список — этого не знали. Но знали о его существовании.

— Добрек? — спросил Люпен.

— Нет! — воскликнула госпожа Мержи. — Добрек в это время еще ничего не значил, он еще не появился на сцене. Нет… вспомните… Правду узнали вдруг, сразу и именно от того, в чьих руках она и была. То был Жермино, кузен президента компании. Больной, в чахотке, он в постели написал префекту полиции, завещая ему этот список, который после его смерти найдут в железном сундуке в его комнате. Дом был окружен агентами. Префект караулил возле больного. Когда наконец Жермино умер, открыли ящик. Но он был пуст.

— На этот раз Добрек, — заявил Люпен.

— Да, Добрек, — повторила Кларисса Мержи, волнение которой с минуты на минуту возрастало. — Алексис Добрек, который уже шесть месяцев, переодетый до неузнаваемости, работал у Жермино в качестве секретаря… Как он узнал, что Жермино владелец этой ужасной бумаги? Не важно. Важно то, что он открыл сундук в ночь перед самой смертью Жермино. Расследование установило и доказало это.

— И его не арестовали?

— Для чего? Предполагали, что он спрятал список в надежном месте… Арестовать его значило снова раздуть это гнусное дело, которое уже всем надоело и которое во что бы то ни стало хотели

заглушить.

— Ну и что же?

— Торговались.

Люпен рассмеялся:

— Торговаться с Добреком? Это смешно!

— Да, смешно, — произнесла с горечью госпожа Мержи. — Через неделю после кражи он пришел в парламент, спросил моего мужа и грубо потребовал у него тридцать тысяч франков, давая сроку не более двадцати четырех часов. В случае отказа — скандал и бесчестье. Мой муж знал, с кем имеет дело, знал, что он неумолим, мстителен и зол. Он потерял голову и покончил с собой.

— Как это нелепо! — не смог сдержаться Люпен. — У Добрека имелся список. Чтобы назвать хотя бы одну фамилию, он должен был опубликовать весь список, иначе обвинение не имело бы веса. Но в таком случае он лишался возможности шантажировать.

— И да и нет, — сказала она.

— Откуда вы знаете?

— От Добрека, который посетил меня и цинично признался в том, что у него было свидание и разговор с моим мужем. И вот, существует список, клочок бумаги, на котором указаны имена двадцати семи лиц и суммы, ими взятые, и на

котором, вспомните, президент компании расписался кровью. Кроме списка, у Добрека есть и другие улики. Они уже погубили двух депутатов. И Добрек умеет ими пользоваться как нельзя лучше. Он пугает намеченную жертву, терроризирует ее, угрожает неизбежным скандалом, и требуемая сумма предоставляется или же человек погибает, как мой муж. Вы понимаете теперь?

— Да, — промолвил Люпен.

— Мой муж покончил с собой, но его честь осталась незапятнанной, потому что никто не знал истины. Чтобы защитить имя, которое он мне оставил, я согласилась на первое свидание с Добреком.

— Первое — значит были и другие?

— Да, еще несколько раз, — произнесла она изменившимся голосом. — В театре, потом в Энгьене… И еще в Париже… ночью, потому что мне стыдно с ним встречаться днем и я не хочу, чтобы об этом знали… Но это было нужно… Мною руководило более сильное чувство, жажда мести…

Она приблизилась к Люпену и с горечью заговорила:

— Да, месть. Это сделалось смыслом и целью моего существования. Отомстить за себя, за мужа, за моего погибшего сына, за все то зло, что он мне

причинил. Я могла бы убить его и даже поднимала на него руку. Но это не то… Я хочу его падения, а для этого единственное средство — вырвать у него когти. Добрек, лишенный этого документа, не существует.

— А Добрек не догадывался о ваших намерениях?

— Конечно нет. Клянусь вам, у нас было очень странное свидание, когда я подстерегала его, стараясь в его словах и жестах отгадать скрываемую им тайну, а он…

— А он, — продолжил Люпен мысль Клариссы Мержи, — он подстерегал вас, женщину, которую любил.

Она склонила голову и просто сказала:

— Да.

— И чем кончились ваши поиски? — спросил Люпен.

— Мои поиски, — сказала она, — долго оставались бесплодными. Я начала уже отчаиваться, как вдруг однажды, зайдя к Добреку на Энгьенскую виллу, я нашла под его письменным столом клочок разорванного письма, брошенный в корзину с разной бумагой. Там было несколько строк, написанных на скверном английском языке его рукой. Мне удалось прочитать: «Оставьте внутри

хрусталя пустое пространство, но так, чтобы никто не мог этого подозревать». Может быть, я не придала бы этой бумажке того значения, которое она заслуживала, если бы Добрек не прибежал вдруг из сада и не бросился бы к корзинке с бумагами, поспешно стараясь что-то разыскать. Он подозрительно смотрел на меня.

— Тут было… письмо.

Я сделала вид, что не поняла. Он не настаивал. Но его волнение не ускользнуло от меня, и я начала свои поиски. Через месяц я нашла в камине часть английской находки. Джон Говард, стекольщик из Стоурбриджа, доставил депутату заказанный им хрустальный графин соответственной модели. Слово «хрустальный» меня поразило, и я поехала в Стоурбридж, подкупила стекольщика и узнала, что, согласно заказу, пробка флакона была выдолблена внутри так, «чтобы никто этого не мог подозревать».

Люпен поднял голову:

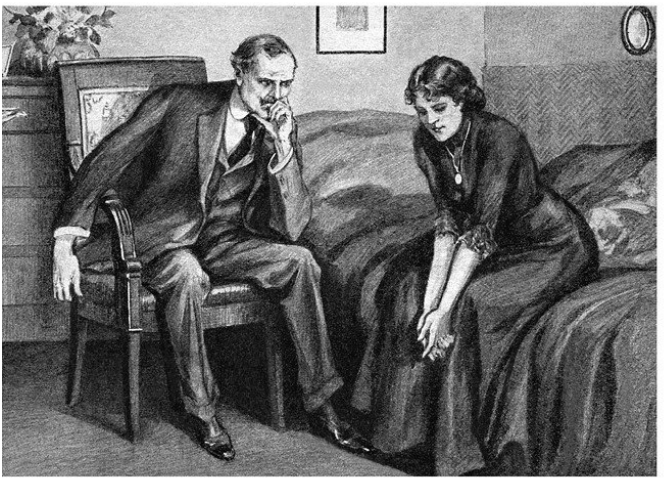
— Это сообщение не оставляет никакого сомнения. Все же мне показалось, что такой тайник был бы слишком мал.

— Мал, но достаточен, — сказала она.

— Откуда вы знаете?

— От Прасвилля.

— Вы, значит, с ним виделись?



— С этого времени — да. Раньше мы с мужем прервали с ним всякие отношения. Прасвилль — человек более чем сомнительной нравственно-

сти, страшно тщеславный, и в деле Канала[3] он сыграл гадкую роль. Но это было несущественно. Мне нужна была помощь, а его только что назначили главным секретарем сыскной полиции.

— Знал ли он о поведении вашего сына Жильбера? — спросил Люпен.

— Нет. Я и ему тоже сказала, что Жильбер уехал и умер. Во всем остальном я была с ним откровенна. Когда я сообщила ему о результатах моих поисков, он подпрыгнул от радости. Мы долго разговаривали, и я узнала, что список был написан на клочке пергаментной бумаги, до того тонкой, что, будучи свернута шариком, она поместилась бы где угодно. Ни для него, ни для меня не оставалось никаких сомнений. Мы открыли тайник. Решено было действовать каждому порознь и тайно общаться друг с другом. Я его свела с Клементиной, привратницей, которая мне вполне предана.

— Но Прасвиллю она не очень предана, потому что я видел, как она ему изменяла.

— Теперь — может быть, но вначале она этого не делала, хотя посещения полиции были очень частыми. В это время, два месяца тому назад,

---

[3] Notes: 3

Очевидно, имеется в виду открытый в 1869 г. Суэцкий канал в Египте, соединивший Красное море со Средиземным.

появился Жильбер. Мать никогда не перестает любить свое дитя, что бы оно ни сделало. И притом Жильбер так очарователен. Вы его знаете… Он плакал, обнимал своего брата… Жака… Я простила его.

Она произнесла тихим голосом, опустив глаза ниц:

— Ах, лучше бы я его не простила! О, если бы это мгновение вернулось, у меня хватило бы мужества его прогнать! Бедное дитя… Это я его погубила…

Она задумчиво продолжала:

— У меня хватило бы мужества, если бы он был таков, каким я его себе представляла и каким он, по его словам, был раньше: буйный, порочный, грубый, развращенный… Но внешне он был неузнаваем. В нем произошла какая-то перемена. Вы его поддержали, подняли, и, хотя его образ жизни был мне противен, все-таки что-то честное было в нем… он говорил о вас с такой любовью!

Она говорила, с трудом подбирая слова, не смея перед ним слишком строго осуждать тот образ жизни, который избрал Жильбер.

— Ну а потом? — спросил Люпен.

— Потом я его часто видела. Он тайком приходил ко мне, или я разыскивала его, и мы уезжали

за город. Мало-помалу я ему рассказала всю нашу историю. Он сейчас же воспламенился. Он тоже хотел отомстить за отца и, украв хрустальную пробку, отомстить и за то зло, которое Добрек причинил ему лично. Его первой мыслью было сговориться с вами — от этого он ни разу не отступал.

— Ну да, так и нужно было! — воскликнул Люпен.

— Да, я знаю… я была того же мнения. К несчастью, бедный Жильбер попал под влияние своих товарищей.

— Вошери?

— Да. Вошери. Этот коварный человек убедил нас, что лучше действовать самостоятельно. Он изучил дело и под вашим руководством совершил ограбление виллы «Мария Терезия», которую Прасвиллю не удалось хорошенько исследовать, так как лакей Леонард ее тщательно охранял. Это было безумием. Надо было или положиться на вашу опытность, или не впутывать вас в это нападение. Но что делать? Вошери совершенно подчинил нас своей воле. Я согласилась на свидание с Добреком в театре. В это время все и случилось. Когда я в полночь вернулась к себе, я узнала об убийстве Леонарда и аресте моего сына.

Я сейчас же почувствовала, чем ему это грозит. Сбывалось страшное предсказание Добрека… Вот уже впереди суд и приговор… И все это по моей вине.

Люпен сказал ей:

— Мы спасем его. Тут не должно быть никаких сомнений. Но необходимо, чтоб я знал все. Продолжайте, прошу вас… Как вы в тот же вечер узнали о том, что произошло в Энгьене?

Она поборола себя и голосом, полным тоски, ответила:

— От двух ваших товарищей, скорее, товарищей Вошери, которым он вполне доверял и которым поручил лодки.

— Это от тех вот, которые сейчас там? От Гроньяра и Балу?

— Да. Когда вы, спасаясь от погони, вышли на берег и, направляясь к автомобилю, бросили им несколько слов о том, что произошло на вилле, они, обезумевшие, прибежали ко мне и рассказали мне эту ужасную новость. О, какая это была ночь! Что делать? Искать вас? Конечно, и умолять о помощи. Но как вас найти?.. Ну вот, тогда-то Гроньяр и Балу объяснили мне, чего хотел Вошери…

— Избавиться от меня, не правда ли? — захохотал Люпен.

— Да. Так как Вошери был вашим поверенным, то, шпионя за Жильбером, он узнал о всех ваших убежищах. Еще немного, и, будучи владельцем хрустальной пробки и списка двадцати семи, он предал бы вас полиции…

— Таким образом, дощечки в дверях… — догадался Люпен.

— Были вырезаны под его наблюдением. В его распоряжении был акробат, карлик невероятной худобы, поэтому этих отверстий было достаточно для того, чтобы похищать таким образом ваши тайны и ваши письма. Вот что открыли мне его друзья. У меня сейчас же мелькнула мысль: для спасения старшего моего сына воспользоваться младшим, Жаком, который, как вы уже заметили, так худ, так умен и так смел. Мы отправились ночью. По указанию моих товарищей я нашла в квартире Жильбера ключ от вашей квартиры на улице Матиньон, а мой маленький Жак в одно мгновение достал пробку из вашей комнаты. Я таким образом овладела пробкой и без помощи Прасвилля получила власть над Добреком.

— Ну и…

Кларисса встала, произнеся глухим голосом:

— В этом кусочке хрусталя ничего не было… Вся Энгьенская экспедиция, убийство Леонарда,

арест моего сына — все оказалось бесполезным.

— Но почему? Почему же?

— Почему? Потому что вы украли у Добрека не ту пробку, которая была заказана им, но ту, которая служила моделью стекольщику Джону Говарду в Стоурбридже.

Он пробормотал сквозь зубы:

— Как это глупо! И тем глупее, что вы внушили подозрение Добреку.

— Нет, — сказала она. — Я в тот же день вернулась в Энгьен. Добрек увидел во всем этом лишь обыкновенное нападение с целью грабежа. Ваше участие ввело его в заблуждение…

— Но все-таки пробка исчезла.

— Прежде всего, для него этот предмет не имеет первостепенного значения, потому что это не больше чем модель.

— Откуда вы знаете?

— На самом основании пробки есть царапина, я об этом узнала в Англии.

— Пусть так, но почему же лакей не расставался с ключом от шкафа, в котором она хранилась? Почему, если она не имеет никакого значения, ее нашли в Париже в ночном столике Добрека?

— Очевидно, Добрек придает этой вещи лишь значение модели. Вот почему я опять положи-

ла пробку в шкаф, чтобы не дать ему заметить ее исчезновение. И вот почему во второй раз я заставила Жака вынуть пробку из кармана вашего пальто и положила ее на место с помощью дворничихи.

— Так что, он ничего не подозревает?

— Ничего. Он знает, что ищут список, но не подозревает, что Прасвиллю и мне известно, куда он спрятал его.

Люпен поднялся и зашагал по комнате. Потом остановился перед Клариссой Мержи:

— В общем, со времени Энгьенского события вы не продвинулись ни на один шаг?

— Да, — сказала она. — Я действовала вместе с Гроньяром и Балу без малейшего плана.

— Или, по крайней мере, с одним только планом — вырвать у Добрека список двадцати семи.

— Да, но каким образом? Кроме всего прочего, ваши действия стесняли меня. Мы, конечно, сейчас же узнали в новой кухарке Добрека вашу старую служанку Викторию и догадались, что Виктория приютила вас у себя, и я боялась ваших замыслов.

— Это вы писали мне, чтобы я отказался от борьбы?

— Да.

— И это вы просили меня не ходить в театр «Водевиль»?

— Да, привратница заметила, что Виктория подслушала разговор по телефону между мной и Добреком, а Балу, который наблюдал за домом, видел, как вы ушли. Я, конечно, поняла, что вы и в этот вечер будете следить за Добреком.

— А работница, которая пришла сюда однажды вечером?

— Это была я. Я хотела вас видеть, но не решилась.

— И вы взяли письмо Жильбера?

— Да. Я узнала его почерк на конверте.

— Но ведь Жака с вами не было?

— Он был на улице в автомобиле, с Балу. Я заставила его влезть в окно гостиной, и он проскользнул в комнату через отверстие в дверях.

— Что было в письме?

— К несчастью, упреки Жильбера. Он обвинял вас в том, что вы его бросили, заботитесь только о себе. Одним словом, это укрепило мое недоверие к вам. И я убежала.

Люпен гневно пожал плечами:

— Столько потерянного времени! И как плохо то, что мы раньше не могли сговориться друг с другом! Боюсь, что сейчас, после шума, который мы наделали в особняке, Добрек предупрежден и будет еще осторожнее, чем раньше.

Кларисса Мержи покачала головой:

— Нет-нет, не думаю. Этот шум не мог его разбудить, ибо Клементина прибавила к вину очень сильное наркотическое средство. И видите, ничего не случилось такого, чтобы Добреку нужно было насторожиться. Наконец, разве не все козыри в его руках?

— Что вы этим хотите сказать? Что касается вас, то у него нет никаких надежд? Он никакими средствами не мог бы добиться цели?

— Но, — пробормотала она, — есть одно средство… единственное…

Она закрыла руками свое побледневшее лицо.

Он догадался о причине ее волнения и, тронутый ее страданием, сказал:

— Прошу вас, отвечайте прямо. Это из-за

Жильбера, не правда ли? Ведь суд, к счастью, не раскрыл ни его имени, ни его прошлого? Но есть кто-то, кто об этом знает? Добрек узнал вашего сына Антуана под маской Жильбера?

— Да, да…

— И он обещал вам спасти его, не так ли? Он предлагает вам его свободу, побег и все прочее? Это самое он вам обещал однажды ночью в своем кабинете, в ту самую ночь, когда вы его хотели убить?

— Да, да… это…

— При единственном гнусном условии… Я правильно понял, да?

Кларисса не отвечала.

Он сел рядом с ней и сказал, глядя ей прямо в глаза:

— Слушайте меня внимательно. Я клянусь вам, что спасу вашего сына. Ваш сын не умрет, слышите?

— Я верю вам…

— Да, верьте! Я добьюсь! Только одно непременное условие…

— Какое?

— Вы не увидите больше Добрека.

— Клянусь.

— Вы выбросите из головы всякую мысль о

каком бы то ни было торге с ним…

— Клянусь.

Она посмотрела на него с облегчением и абсолютным доверием.

— Ну, — сказал он радостно, — все прекрасно, у нас впереди еще два-три месяца. Это больше, чем нужно… При условии, что я буду свободен в своих действиях. А для этого, видите ли, вы должны удалиться с поля боя.

— Как?

— Исчезнуть на некоторое время, устроиться в деревне… Разве вам не жалко вашего Жака? Пусть успокоит нервы…

На следующий день Кларисса Мержи поселилась со своим мальчиком у своей приятельницы у самой опушки Сен-Жерменского леса. Она очень ослабела. Малейшее волнение выводило ее из себя, и она уже несколько дней находилась в подавленном состоянии. Чтение газет было ей запрещено.

Однажды около четырех часов дня в квартире Люпена на улице Шатобриан раздался телефонный звонок.

Люпен снял трубку:

— Алло?

Задыхающийся женский голос произнес:

— Господин Мишель Бомон?

— Это я. С кем имею честь?

— Скорее, приезжайте как можно скорее! Госпожа Мержи только что отравилась…

Люпен, не расспрашивая, бросился из дому, сел в автомобиль и поехал в Сен-Жермен.

Подруга Клариссы ждала его на пороге.

— Умерла?

— Нет. Доза была недостаточна. Доктор только что ушел. Он ручается за нее.

— Почему она это сделала?

— Ее мальчик Жак исчез.

— Похищен?

— Да. Он играл возле леса. Какой-то автомобиль остановился. Вышли две старые дамы. Потом раздались крики. Кларисса хотела бежать, но упала без сил и простонала: «Это он… этот человек… все погибло…» Она обезумела. Вдруг она схватила флакон, поднесла его ко рту и выпила.

— И потом?

— Потом с помощью мужа я перенесла ее в комнату. Она страшно мучилась.

— Откуда вы узнали мой адрес и мое имя?

— От нее. В то время как доктор возился около нее, я позвонила вам.

— Никто этого не знает?

— Никто.

— Можно ли мне ее увидеть?

— Сейчас она спит. Доктор запретил волновать ее.

— Врач не беспокоится за ее здоровье?

— Он боится горячки, нервного возбуждения или какого-нибудь припадка, в котором больная повторит свою попытку. И на этот раз…

— Что надо, чтобы избегнуть этого?

— Одна или две недели абсолютного покоя, а это невозможно, пока Жак…

Люпен прервал ее:

— Вы думаете, что если вернуть ей сына?..

— Ну да, конечно, тогда нечего бояться!

— Вы уверены?.. Ну хорошо, когда госпожа Мержи проснется, вы скажете ей от моего имени, что сегодня вечером я приведу ее сына. Сегодня вечером, до полуночи, запомните.

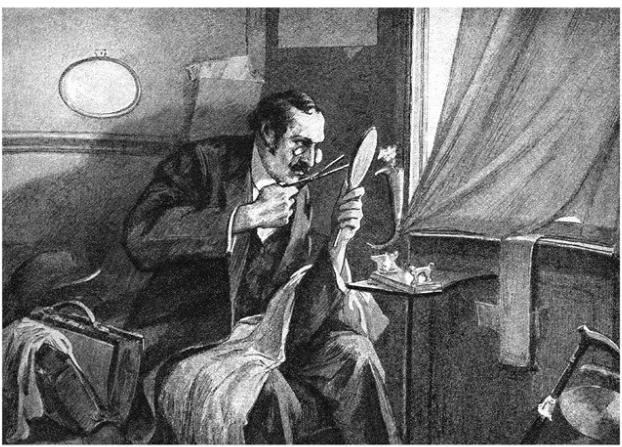
При этих словах Люпен быстро вышел из дома, сел в автомобиль и крикнул шоферу:

— В Париж, сквер Ламартин, к депутату Добреку.

Глава шестая
Смертный приговор

Около шести часов вечера в дом Добрека позвонил полный господин в черном пальто и цилиндре, с бакенбардами и в очках на носу.

Привратница проводила его до подъезда, откуда вышла вызванная звонком Виктория.



Он спросил ее:

— Может ли господин Добрек принять доктора Берна?

— Хозяин у себя в комнате и…

— Передайте ему мою карточку.

Он написал на полях: «От госпожи Мержи» — и повторил:

— Доложите, он примет меня.

— Но… — проговорила Виктория.

— Ах, пойдешь ли ты наконец, старуха!

Она обмерла и пробормотала:

— Ты… Это ты?!

— Нет, Людовик Четырнадцатый. — И добавил: — Слушай. Как только я окажусь с ним вдвоем, пойди в свою комнату, забери вещи и моментально удирай. Ты увидишь мой автомобиль недалеко, на бульваре. Ну, скорей, доложи обо мне, я подожду в конторе.

«Здесь находится хрустальная пробка, — думал он. — Именно здесь… Если только Добрек не носит ее с собой. Нет, если есть хороший тайник, то им пользуются. А этот превосходен, потому что никто… до сих пор…»

Он с напряженным вниманием осматривал все предметы в комнате и вспоминал послание к Прасвиллю: «Под самым носом у тебя… ты касал-

ся его… Еще немного… и ты взял бы его…»

Как будто ничего не изменилось с тех пор. На столе валялись те же вещи, которые уже столько раз ощупывали и осматривали.

Услышав приближавшиеся шаги, Люпен приготовился. Это был Добрек.

Он вошел молча, сделал знак Люпену, чтобы тот сел, и сам сел за стол, рассматривая карточку.

— Доктор Берн?

— Да, господин депутат, доктор Берн из Сен-Жермена.

— Я вижу, вы от госпожи Мержи. Это ваша пациентка, не правда ли?

— Да, моя случайная пациентка. Я ее не знал до того момента, когда меня к ней позвали при совершенно критических обстоятельствах.

— Она больна?

— Госпожа Мержи отравилась.

— Да? — Добрек вскочил и спросил, не скрывая своего волнения: — Да? Что вы говорите? Отравилась? Она умерла?

— Нет, доза была недостаточна. Я считаю, что госпожа Мержи спасена, если не будет никаких осложнений.

Добрек молчал и сидел неподвижно, повернувшись к Люпену.

«Смотрит он на меня или у него закрыты глаза?» — спрашивал себя Люпен. Его ужасно стесняло то, что он не видит глаз противника, защищенных двойными очками.

Спустя минуту Добрек заговорил:

— Итак, госпожа Мержи спасена… И она посылает вас ко мне… Я не понимаю… Я почти не знаю этой дамы.

— Видите ли, господин депутат, — сказал Люпен, — госпожа Мержи совершенно бессознательно произносила ваше имя, и все слышали, что вы должны ей вернуть сына… Я не понял точного смысла этих слов, но…

— Одним словом, доктор, вы пришли спросить меня, не знаю ли я, где ребенок… который исчез, не правда ли?

— Да.

— И в таком случае, если я знаю, вы отвезете его к матери?

— Да.

Долгое молчание.

Люпен подумал опять: «Неужели он поддастся на эту удочку? Достаточна ли для него угроза смерти? Нет, посмотрим, это невозможно… И все-таки… все-таки он колеблется».

— Вы позволите? — спросил Добрек, придвинув

к себе телефон. — Нужно срочно позвонить.

— Пожалуйста, господин депутат.

Добрек позвонил.

— Алло! Барышня, дайте восемьсот двадцать два — девятнадцать.

Он повторил номер.

Люпен улыбнулся:

— Сыскная полиция? Не правда ли? Главный секретариат…

— Да, доктор… Вам известен номер?

— Да, в качестве судебного врача мне иногда приходится звонить…

Люпен мысленно спрашивал себя: «Что все это значит, черт возьми! Главный секретарь — Прасвилль… Ну и что?»

Добрек приложил трубку к уху и произнес:

— Номер восемьсот двадцать два — девятнадцать? Я прошу секретариат, господина Прасвилля… Его нет? Да нет же, он всегда в это время в кабинете. Скажите, что от Добрека… Важное сообщение.

— Может, я мешаю? — спросил Люпен.

— Нет-нет, нисколько, доктор, — уверил его Добрек. — Впрочем, мое сообщение имеет отношение к вашему делу… — И, прервав себя, сказал: — Алло! Господин Прасвилль? Да, верно,

мы давно не виделись. Но, в сущности, мысленно мы и не расставались… И меня даже часто посещали твои помощники, правда в мое отсутствие… Я хочу оказать тебе небольшую услугу… Алло! Ты слушаешь меня? Ну так возьми с собой полдюжины сыщиков, садитесь в два автомобиля и в два счета сюда… Я предлагаю тебе замечательную дичь, старина! Самого Арсена Люпена!

Люпен вскочил на ноги. Он ждал чего угодно, только не такой развязки! Но нечто более сильное, чем удивление, заговорило в нем.

— Браво! Браво! — воскликнул он.

Добрек в знак благодарности склонил голову и пробормотал:

— Это еще не все… Еще немного терпения. Можно? — И продолжал: — Да, Прасвилль, когда будешь здесь, раньше, чем войти ко мне, поднимись на третий этаж и захвати мою кухарку… Знаменитую кормилицу Люпена, Викторию… Знаешь? Потом, подожди, еще одно указание… Видишь, как я люблю тебя. Пошли отряды на улицу Шатобриан, на углу улицы Бальзака… Это жилище нашего национального героя Люпена, под именем Мишеля Бомона… Понял, старина? Ну, за работу. Шевелись!

Когда Добрек повернул голову, Люпен стоял со

сжатыми кулаками. Унижение было слишком велико. Он думал только о том, чтобы сдержать приступ бешенства и не броситься на Добрека.

Добрек хрипло рассмеялся.

Он подошел, держа руки в карманах, и отчеканил:

— Не правда ли, все к лучшему? Твердая почва под ногами, ясное положение… По крайней мере, всё как на ладони. Люпен против Добрека — и точка. Скажи, Полоний, правда тебе не везет с Добреком? Ведь это ты прятался тогда за портьерой, несчастный Полоний!

Люпен не дрогнул. Надо было действовать хладнокровно и делать то, что подсказывало ему его новое положение.

— Ну что, господин Люпен? — продолжал Добрек. — Я уяснил себе все. Господин Люпен почуял запах двадцати семи, и это привлекает его. Остается только ждать посещений. Час наступил. Здравствуйте, господин Люпен!

Добрек сделал паузу. Он произнес всю эту речь с видимым удовольствием. Люпен молчал.

Добрек посмотрел на часы:

— Эге! Скоро полиция будет здесь.

И, приблизившись к Люпену, продолжил:

— Все-таки это мне неприятно. Я не таким пред-

ставлял себе Люпена. Бедный молодой человек! Не выпьете ли стакан воды, чтоб оправиться?

Люпен не произнес ни звука и не выдал своей досады ни одним движением. Флегматично и размеренно он подошел к телефону, тихонько отстранив Добрека, и взял трубку.

— Пожалуйста, барышня, номер пятьсот шестьдесят пять — тридцать четыре.

Получив номер, он медленно, выделяя каждый звук, заговорил:

— Алло! Улица Шатобриан? Ты, Ахилл? Слушай! Нужно оставить квартиру! Алло?.. Да, сейчас же. Через несколько минут приедет полиция. Нет-нет, не пугайся… Еще есть время… Только сделай все, что я скажу. Твой чемодан готов?.. Хорошо. Одно из отделений в нем пустое, да? Хорошо. Пойди ко мне в комнату и встань перед камином. Слева увидишь кнопку в виде украшения на мраморной раме камина. Там ты найдешь нечто вроде ящика и в нем две шкатулки. Будь внимательней. В одной из них документы. В другой — процентные бумаги и драгоценности. Ты положишь обе шкатулки в чемодан, возьмешь его в руки и пойдешь пешком, но быстро, до угла бульвара Виктора Гюго и улицы Монтеспан. Там автомобиль с Викторией. Я приду туда же… До

скорого!

Люпен спокойно положил трубку, потом схватил Добрека за обе руки, усадил его на стул рядом с собой и сказал:

— Теперь слушай.

— Ого! — захохотал депутат. — Мы на «ты»?

— Да, я тебе разрешаю, — объявил Люпен.

И так как Добрек, руки которого он продолжал держать, отбивался с некоторым недоверием, он произнес:

— Нет, не бойся. Мы не будем драться. Мы ничего не выиграем, если убьем друг друга. Ударить ножом? Зачем? Нет. Слово, только слово. Но слово серьезное. Вот мое. Оно решительно. Отвечай сейчас же. Это будет лучше. Где ребенок?

— У меня.

— Отдай его.

— Нет.

— Я этого ждал. Я думал о том, что ты не попадешься на удочку доктора Берна и что мне придется говорить с тобой по-другому.

— Говори.

Люпен вынул из своей записной книжки листок гербовой бумаги и, развернув его, протянул Добреку:

— Вот точный и подробный список вещей, кото-

рые были похищены из виллы «Мария Терезия». Тут, как видишь, сто тридцать номеров. Из них шестьдесят восемь, отмеченных красным крестиком, проданы и отосланы в Америку. Остальные сорок пять остались до новых распоряжений. Это, конечно, самые лучшие вещи. Я их предлагаю тебе за немедленный возврат ребенка.

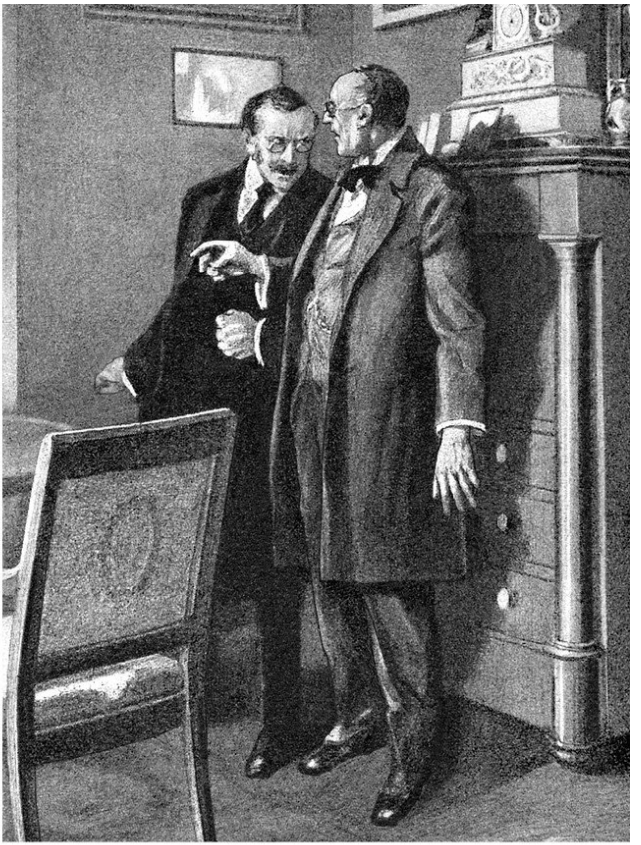
Добрек не мог скрыть своего удивления.

— Это серьезно? — спросил он.

— Конечно. Эти сорок пять предметов находятся на складе, адрес которого я тебе дам, и они будут тебе выданы, если ты сегодня вечером явишься туда в девять часов с ребенком.

Ответ не оставлял сомнений. Похищение Жака было не более чем средством воздействия на госпожу Мержи, для того чтобы заставить ее отказаться от борьбы. Но угроза самоубийства неминуемо должна была доказать Добреку, что избранный им путь ложен. В таком случае зачем отказываться от сделки, которую ему предлагал Арсен Люпен?

— Согласен, — сказал он.



— Вот адрес склада: девяносто пять, улица Шарль Лаффит, в Нёйи. Достаточно позвонить.

— А если я вместо себя пошлю главного секретаря, Прасвилля?

— Если пошлешь Прасвилля, — заявил Люпен, — место это расположено так, что я увижу, как он подходит, и успею убежать, не без того, чтобы поджечь связки соломы, которые скрывают твое имущество.

— Но ведь сгорит твой склад?

— Это меня не трогает. Полиция все равно наблюдает за ним. Я его во всяком случае брошу.

— А кто уверит меня, что это не ловушка?

— Можешь сначала вывезти мебель, а потом отдать ребенка. Я доверяю.

— Хорошо. Ты все предусмотрел… Да, ты получишь мальчишку, и прекрасная Кларисса будет жить, и мы все будем счастливы. Теперь я могу тебе дать только один совет. Удирай как можно скорее!

— Нет еще.

— Да?

— Я говорю, нет еще.

— Но ты с ума сошел! Ведь Прасвилль приближается.

— Он подождет. Я еще не кончил.

— Что тебе еще нужно? Кларисса получит свое. Этого недостаточно?

— Нет.

— Почему?

— Остается еще сын.

— Жильбер?

— Да.

— Ну и что же?

— Я прошу тебя спасти Жильбера.

— Что? Я спасу Жильбера?

— Ты можешь. Тебе стоит только похлопотать немного…

Добрек, который до сих пор сохранял спокойствие, вдруг вспылил:

— Нет! Этого я не сделаю! Никогда в жизни! Пусть сама придет сюда и вымолит жизнь своему сыну. Тогда увидим. Жильбер? Его ждет эшафот. Но в этом вся моя сила! Я спасу Жильбера даром? Я, Добрек? Нет, ты меня не знаешь!

— Тогда — война.

— Что это значит?

— Это значит, что я возьму у тебя список двадцати семи.

— Ага! Ты думаешь?

— Я клянусь.

— То, чего не смог сделать Прасвилль со всей

своей кликой, чего не смогла сделать Кларисса, сделаешь ты? Ты?

— Сделаю.

— Почему? В честь какого святого удастся тебе то, чего не удалось никому? Есть какая-нибудь причина?

— Да.

— Какая?

— Та, что я — Арсен Люпен.

Добрек выпрямился, хлопнул по плечу Люпена и с тем же спокойствием произнес:

— А я — Добрек.

— Значит, нет?

— Нет.

— Ты ничего не сделаешь для Жильбера?

— Буду продолжать делать то, что я делал со времени его ареста, то есть производить давление на министра юстиции, чтобы процесс был проведен в том смысле, какой мне желателен.

— Как? — воскликнул Люпен вне себя. — Это из-за тебя, для тебя…

— Да, для меня, Добрека, да. У меня козырь — голова сына. Когда я получу этот смертный приговор и когда помилование будет отклонено благодаря моему влиянию, ты можешь быть уверен, что маменька не найдет ничего против того,

чтобы назваться женой Алексиса Добрека. Все, что я смогу сделать для тебя, — это пригласить свидетелем на бракосочетание и позвать обедать. Желаю удачи. Перелистывай руководство для воров. Это твое. Ну а теперь довольно. Правила шотландского гостеприимства велят мне выбросить тебя за дверь.

Люпен довольно долго стоял молча, устремив глаза на Добрека, потом сунул руку в карман. Добрек сделал то же и схватил рукоятку револьвера… Еще несколько секунд… Люпен хладнокровно вынул золотую бонбоньерку, открыл ее и протянул Добреку:

— Лепешку хочешь?

— Что такое?

— Лепешки Жероделя.

— Для чего?

— От насморка, который ты схватишь. — И, воспользовавшись его легким замешательством, он выскользнул из комнаты.

Не успел он закрыть калитку, как перед домом остановился автомобиль и из него поспешно выскочило несколько человек. Люпен узнал среди них Прасвилля.

Спустя два часа Люпен уже стоял возле своего склада. Он увидел Добрека, идущего от соседней

улицы и недоверчиво приближающегося к нему.

— Ваши вещи здесь, господин депутат, — сказал он, открывая ворота. — Вы можете их проверить. Рядом вы найдете подводы и людей — можете их нанять. Где ребенок?

Добрек сначала осмотрел вещи, потом проводил Люпена до бульвара Нёйи, где две окутанные вуалями старые дамы и Жак ждали их.

Люпен отвел ребенка в автомобиль, в котором сидела Виктория.

В десять часов вечера Люпен привез Жака к матери. Понадобились целые две недели, пока ребенок оправился настолько, чтобы перенести новый переезд, так он был испуган всем произошедшим. Но Люпен находил переезд необходимым. Отъезд устроили ночью, под руководством Люпена. Он привез мать и ребенка в Бретань, на берег моря, и поручил их заботам Виктории.

— Наконец-то, — сказал он, устроив их, — между мной и Добреком никого нет!

Более всего Люпена поразило то, что Добрек раскрыл его убежище на улице Шатобриан и донес об этом полиции. Полиция обыскала дом и, завладев некоторыми бумагами, более настойчиво, чем до сих пор, бросилась на поиски Люпена.

У Люпена было только одно желание — схватить Добрека, распоряжаться им и волей или неволей вырвать у него тайну.

Каждый день Гроньяр и Балу изучали путь, который проделывал Добрек от дома до парламента и от клуба до дома. Нужно было выбрать самую пустынную улицу и самый удобный час для того, чтобы схватить Добрека и посадить его в свой автомобиль.

Люпен, со своей стороны, готовил недалеко от Парижа, посреди большого сада, старое строение, которое должно было стать его новым убежищем и уже получило название «Клетка обезьяны».

К несчастью, Добрек остерегался. Он каждый раз изменял свой маршрут и ездил то в метро, то на трамвае — клетка оставалась пустой.

Тогда Люпен придумал другой план. Он выписал из Марселя одного из своих союзников, Брандебуа, почтенного бакалейщика, жившего в избирательном округе Добрека и занимавшегося политикой.

Брандебуа предупредил Добрека о своем посещении, и депутат очень радушно принял своего почтенного избирателя. На следующую неделю был назначен обед. Избиратель предложил пойти в маленький ресторанчик на левом берегу

реки, где можно было чудесно пообедать. Добрек согласился.

Люпену только этого и нужно было. Хозяин этого ресторана был в числе его друзей. Похищение было назначено на четверг, и на этот раз не могло быть неудачным.

Между тем с понедельника на той же неделе начался процесс Жильбера и Вошери.

Все еще слишком хорошо помнят то непонятное пристрастие, с которым председатель суда отнесся к Жильберу. Люпен один понимал, что это делается под влиянием Добрека.

Люпен, который присутствовал и на последнем заседании суда, в четверг, не сомневался в том, что будет вынесен смертный приговор.

В семь часов вечера, после длительного обсуждения, присяжные вернулись в зал суда, и председатель прочитал ответы на предложенные им вопросы. По всем пунктам был утвердительный ответ. Они подтверждали виновность и отклоняли всякое снисхождение.

Привели подсудимых.

Стоя, качаясь и бледнея, они выслушали смертный приговор, и в торжественной тишине раздался голос председателя:

— Вы ничего не имеете сказать, Вошери?

— Ничего, господин председатель. С той минуты, как мой товарищ приговорен вместе со мной, я спокоен. Мы оба на одной доске. Нужно, чтобы патрон нашел средство спасти нас обоих.

Председатель спросил снова:

— А вы, Жильбер?

Слезы катились по щекам несчастного мальчика, и он, овладев собой, ответил дрожащим голосом:

— Я могу сказать, что я виновен во многом, правда… Я наделал много зла и раскаиваюсь в этом от всего сердца… Но я никогда не убивал… Я не убивал…

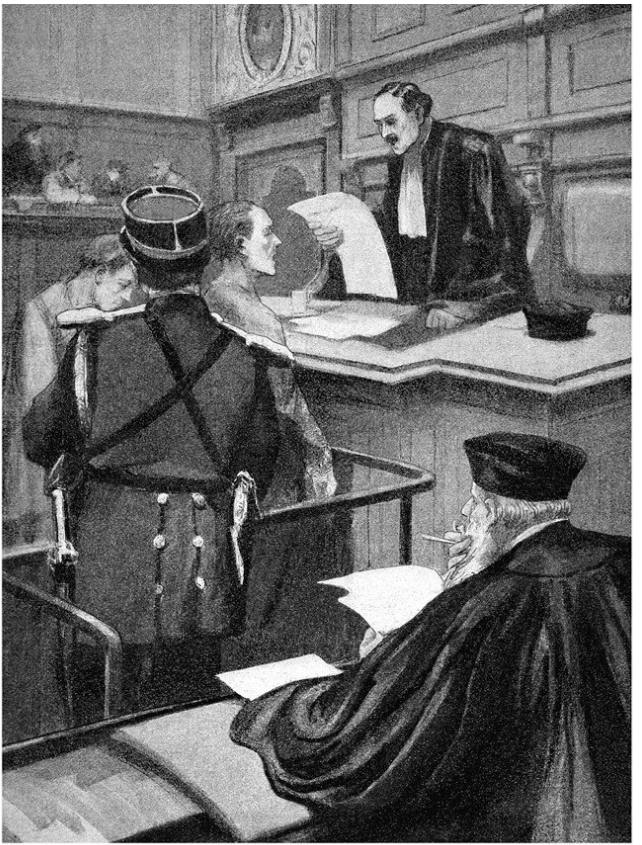
Он покачнулся и, поддерживаемый стражей, заплакал, как ребенок, зовущий на помощь:

— Патрон, спасите меня!.. Спасите меня! Я не хочу умирать.

Тогда в толпе посреди всеобщего волнения и шума зазвучал голос:

— Не бойся, дитя, патрон здесь.

Произошло смятение, потом давка. Полиция и сыщики окружили зал, и толпа указала на толстого человека с красным лицом, будто бы произнесшего это восклицание. Он отбивался ударами кулака и ног.



Он тотчас же был допрошен и назвался Филиппом Банелем, служащим бюро похоронных процессий. Он заявил, что один из его соседей предложил ему стофранковый билет за то, что он произнесет в назначенный момент фразу, написанную на бумажке. Можно ли было от этого отказаться?

В доказательство он предъявил сто франков и записку.

Филиппа Банеля отпустили.

После суда Люпен приехал в свою новую квартиру на площади Клиши.

Он открыл дверь и вскрикнул. Перед ним была Кларисса. Она вернулась из Бретани к моменту вынесения приговора.

Сейчас же по ее поведению, по ее бледности он понял, что она знает все. И, овладев собой, не дав ей времени что-нибудь произнести, он воскликнул:

— Ну да, да… так… Но это не имеет никакого значения. Мы это предвидели и не могли этому помешать. Теперь нужно отвратить зло. Сегодня ночью, слышите, сегодня ночью это будет сделано.

Она повторила:

— Сегодня ночью?

— Да. Я все приготовил. Через два часа Добрек будет в моей власти. Сегодня ночью, каких бы это ни стоило средств, он заговорит.

— Вы думаете? — недоверчиво спросила она. Но проблеск надежды осветил ее лицо.

— Он заговорит. Я узнаю его тайну. Я вырву у него список двадцати семи, и этот список даст освобождение вашему сыну.

— Слишком поздно, — прошептала Кларисса.

— Слишком поздно? Почему? Вы думаете, что в обмен на этот документ я не добьюсь симуляции побега Жильбера? Через три дня, ручаюсь вам, через три дня Жильбер будет на свободе.

Раздался звонок.

— Вот наши друзья. Верьте мне. Я исполняю свои обещания. Я вам вернул маленького Жака. Я вам верну и Жильбера.

Он вышел навстречу Гроньяру и Балу.

— Все готово? Брандебуа в ресторане? Так поскорей.

— Не стоит труда, патрон, — ответил Балу:

— Как? Что такое? Говори!

— Добрек исчез.

— Как исчез? Когда исчез?

— Сегодня посреди бела дня похищен из своего особняка.

— Гром и молния! Кем же?

— Неизвестно… четверо… стреляли… Полиция уже на месте. Прасвилль руководит следствием.

Люпен смотрел на Клариссу, упавшую в кресло. Он сам вынужден был опереться о стену.

Добрек похищен. Исчезла последняя надежда…

Глава седьмая
Профиль Наполеона

В то время как Прасвилль изучал следы происшедшей в кабинете борьбы, служанка передала ему визитную карточку, на которой было написано несколько слов.

— Пусть эта дама войдет, — сказал он.

— Но она не одна, — отвечала та.

— Да? Ну так пусть войдут оба.

Привратница ввела Клариссу Мержи и сопровождавшего ее господина, весь вид которого изображал крайнее смущение.

Кларисса представила:

— Господин Николь, профессор и репетитор моего Жака, он помогает мне своими советами вот уже целый год. Я хотела бы, чтобы он вместе со мной — конечно, если вы найдете это возможным — был посвящен во все подробности похищения, которое меня очень беспокоит и портит все мои планы, да и ваши тоже, не правда ли?

Прасвилль знал о непримиримой ненависти Клариссы к Добреку, доверял ей и ценил ее

участие в этом деле. Поэтому он без всякого затруднения рассказал все, что знал об этом деле.

Дело, в сущности, было простое.

Добрек был свидетелем по делу Жильбера и Вошери, и его видели в суде во время процесса. Около шести часов он вернулся домой. Привратница уверяла, что депутат приехал один и что в этот момент в доме никого не было. Однако через несколько минут она услышала крики, шум борьбы, выстрелы и увидела, как четыре человека в масках несли депутата Добрека: поспешно спустившись с лестницы, они быстро подошли к ограде и открыли калитку. В это время к особняку подъехал автомобиль. Все четверо сели в него, и машина понеслась дальше.

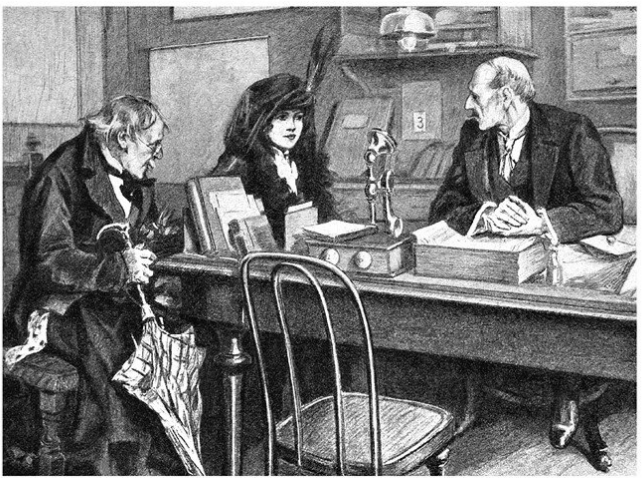
— Разве у вас не было двух агентов на страже? — спросила Кларисса.

— Да, но они находились на расстоянии ста пятидесяти метров, а все произошло так быстро, что, несмотря на всю поспешность, они не смогли помешать похитителям.

— И они ничего не нашли?

— Ничего, ну или почти ничего: они подняли с земли кусочек слоновой кости. Дело в том, что привратница видела из окна своей комнаты, что в автомобиле был пятый человек, который

вышел, пока усаживали Добрека. Влезая обратно, он уронил какой-то предмет и сейчас же поднял. Но должно быть, при падении предмет этот сломался, и вот — отскочивший от него кусочек слоновой кости.



Кларисса обратилась к своему спутнику, чтобы

узнать его мнение. Но Николь, опустив глаза, сидел неподвижно в кресле.

Прасвилль улыбнулся: советчик Клариссы казался ему слишком робким.

— Не скажете ли вы свое мнение по этому поводу? — обратился он к Николю.

— Не думаете ли вы, господин секретарь, что осколок, поднятый с земли…

— Нет, господин Николь. Это осколок от предмета, который нам совершенно незнаком и который владелец, конечно, поспешит спрятать. Раньше, чем найти, кому принадлежит эта вещь, надо узнать, что это за вещь.

Господин Николь подумал, потом сказал:

— Господин секретарь, когда Наполеон Первый лишился власти…

— О, господин Николь, вы хотите прочесть лекцию по истории Франции?

— Нет-нет, позвольте мне закончить лишь одну фразу. Когда Наполеон Первый лишился власти, новое правительство распустило группу офицеров, которые, несмотря на подозрительное отношение к ним властей и надзор полиции, ухитрялись изображать обожаемого императора на различных предметах домашнего обихода: на табакерках, кольцах, булавках для галстуков,

ножах…

— Ну?

— Ну и этот осколок — часть палки, вернее, чего-то вроде камышовой палицы с резным набалдашником из слоновой кости. Если вглядеться в этот осколок, то увидите, что контур представляет профиль маленького капрала[4]. В наших руках, господин секретарь, обломок такой палицы, принадлежавшей бывшему наполеоновскому офицеру.

— В самом деле, — сказал убежденный доводами Прасвилль, разглядывая вещичку на свет, — в самом деле можно различить профиль… но я не вижу, что из этого следует.

— Вывод простой. Среди жертв Добрека, среди тех, чьи имена попали в знаменитый список, находится потомок одной из корсиканских семей, бывших на службе у Наполеона, одарившего их поместьями и деньгами, которые были у них отняты новым правительством. Девять шансов из десяти за то, что этот потомок, бывший несколько лет тому назад членом партии бонапартистов, и есть пятое лицо в автомобиле. Назвать вам его имя?

---

[4] Notes: 4

Имеется в виду Наполеон Бонапарт, который имел прозвище Маленький Капрал.

— Маркиз д'Альбюфэ, — прошептал Прасвилль.

— Маркиз д'Альбюфэ, — подтвердил господин Николь.

В ту же минуту господин Николь будто преобразился: он не имел уже больше прежнего смущенного вида. Он встал и сказал Прасвиллю:

— Господин секретарь, исчезновение Добрека, вопреки ожиданиям его похитителей, может ускорить развязку. Нужно спешить, а потому я прошу вас принять самые решительные меры.

— Чем же я могу вам помочь? — спросил Прасвилль.

— Собрать для меня исчерпывающие сведения о маркизе д'Альбюфэ.

Прасвилль, казалось, заколебался и посмотрел на госпожу Мержи. Кларисса сказала:

— Умоляю вас, примите услуги господина Николя. Это дельный и преданный помощник. Я ручаюсь вам за него, как за саму себя.

— Какого рода справки вы хотели бы получить, сударь? — спросил Прасвилль.

— Обо всем, что касается маркиза д'Альбюфэ: о его семейном положении, о его родственных связях, о владениях в Париже и провинции.

Прасвилль заметил:

— В сущности, будь это маркиз или кто другой, но похититель Добрека играет нам на руку, потому что, захватив список, он обезоруживает Добрека.

— А кто вам сказал, что он работает не для самого себя?

— Невозможно, ведь его имя стоит в списке.

— А если он уничтожит свое имя в списке? Перед вами противник более сильный и политически более опасный, чем Добрек.

Аргумент подействовал на секретаря. После минутного размышления он объявил:

— Зайдите завтра в четыре часа ко мне в префектуру. Я дам вам все нужные сведения. Скажите на всякий случай ваш адрес.

— Господин Николь, площадь Клиши, двадцать пять. Я остановился у одного из своих друзей на время его отсутствия.

Свидание закончилось. Господин Николь низко поклонился секретарю и вышел в сопровождении госпожи Мержи.

— Великолепно, — сказал он, очутившись на улице и потирая руки. — У меня свободный доступ в префектуру, и все они будут действовать со мной заодно.

Госпожа Мержи, которая не так легко поддава-

лась надежде, вздохнула:

— Подумайте только: Прасвилль к моим услугам! А если он обнаружит ваш обман? Самое поверхностное следствие покажет ему, что никакого господина Николя не существует.

— Но оно не покажет, что господин Николь — это Арсен Люпен. А потому успокойтесь. Прасвилль как полицейский стоит на высоте, но у него лишь одна цель — уничтожить своего старого врага Добрека. А для этого все средства хороши, и он не станет терять время на проверку истинности господина Николя, который ему обещает голову Добрека.

Как-то невольно Кларисса прониклась доверием к Люпену. Будущее казалось менее ужасным, и она даже согласилась, что шансы на спасение Жильбера не уменьшились, несмотря на то что приговор был уже вынесен.

На следующий день сведения префектуры подтвердили всё, что знали Прасвилль и Люпен относительно маркиза д'Альбюфэ. Маркиз был очень скомпрометирован в деле Канала, — настолько скомпрометирован, что принцу Наполеону пришлось удалить его от управления политическим бюро Франции.

Что касается дня похищения Добрека, то было

установлено, что, против обыкновения, маркиз не пришел в клуб между шестью и семью часами и не обедал дома, а вернулся только в полночь и пешком.

Таким образом, догадки господина Николя получили подтверждение. К несчастью, не удалось найти каких-нибудь сведений относительно автомобиля, шофера и четырех лиц, проникших в особняк Добрека. Были ли это товарищи маркиза, тоже замешанные в деле? Или наемники? Узнать нельзя было.

Несомненно, что поместья маркиза могли находиться только в окрестностях Парижа. На этом расстоянии надо было сосредоточить розыски. В провинции же владений д'Альбюфэ нигде не было, так как он распродал свои замки. Пришлось направить внимание на родственников маркиза и его близких друзей. Не у них ли нашел он убежище для Добрека? Результат получился тоже отрицательный. А время шло, и какое время для Клариссы! Каждый уходивший день приближал Жильбера к ужасной казни.

Что делать?! Остались считаные дни…

В самом деле, что можно было сделать? Люпен, не доверявший никому наблюдение за маркизом, почти не спал совсем. Но тот опять вернулся к

своему правильному образу жизни и, догадываясь, что за ним следят, никуда не отлучался. Лишь один раз днем зашел к князю Монмору, который охотился на кабана в Дориэнском лесу и с которым он был связан только спортивными интересами.

Нельзя было предположить, чтобы этот богач, князь Монмор, интересовавшийся только имениями и охотой, совершенно пренебрегавший политикой, предоставил свой замок для заключения в него депутата Добрека.

Так думал Люпен, но не желал ничего предоставлять случайностям… На следующей неделе, заметив д'Альбюфэ, выходившего из своего дома, он последовал за ним до Северного вокзала и сел в поезд в одно время с ним.

Д'Альбюфэ вышел на станции Омаль, откуда отправился в замок Монмор. Люпен спокойно позавтракал, нанял велосипед и приблизился к замку в тот момент, когда гости выезжали из парка — кто в автомобиле, кто верхом. В числе всадников был и маркиз д'Альбюфэ. Три раза в течение дня Люпен встречал его верхом, а вечером нашел его на станции в сопровождении псаря. На следующий же день Люпен отправил своего агента Балу на розыски в окрестности Монмора.

На другой день он уже получил от Балу список всех приглашенных, всех слуг и всей стражи Монмора. Имя одного из псарей поразило его. Он тотчас же дал телеграмму: «СПРАВИТЬСЯ О ПСАРЕ СЕБАСТИАНИ». Балу не замедлил с ответом: «СЕБАСТИАНИ (КОРСИКАНЕЦ) РЕКОМЕНДОВАН КНЯЗЮ МАРКИЗОМ Д'АЛЬБЮФЭ, ЖИВЕТ В ВЕРСТЕ ОТ ЗАМКА В ОХОТНИЧЬЕМ ПАВИЛЬОНЕ, ПОСТРОЕННОМ НА РАЗВАЛИНАХ ФЕОДАЛЬНОЙ КРЕПОСТИ, КОТОРАЯ БЫЛА РОДОВЫМ ЗАМКОМ МОНМОР».

— Есть, — сказал Арсен Люпен Клариссе Мержи, показывая ей письмо Балу. — Имя Себастиани мне сразу напомнило, что д'Альбюфэ корсиканец по происхождению. Здесь есть какая-то связь.

— Итак… ваши намерения?

— Мои намерения… войти в сношения с Добреком в случае, если он содержится в замке.

— Он не доверится вам.

— Конечно нет. На днях с помощью полиции я накрыл двух старых дам, которые похитили вашего маленького Жака из Сен-Жермена и в тот же день отвезли его в Нёйи. Это две старые девы, кузины Добрека, которые ежемесячно получают от него пособие. Я зашел к Руссело (запомните имя и адрес: сто тридцать четыре-бис, улица

Бак). Я внушил им доверие тем, что пообещал разыскать их кузена и благодетеля, и старшая, Евфразия Руссело, передала мне даже письмо, в котором она умоляет Добрека отнестись с доверием к господину Николю. Вы видите, что все меры предосторожности приняты. Я уезжаю сегодня ночью.

— Мы уезжаем, — сказала Кларисса.

— Вы?

— Разве я могу сидеть здесь сложа руки? — И добавила тихо: — Я считаю уже дни, те дни, которые нам остаются. Осталось совсем недолго…

Люпен почувствовал в ее словах твердую решимость, с которой он не мог бороться.

Они выехали в пять часов утра в сопровождении Гроньяра. Чтобы не возбуждать подозрений, Люпен выбрал своей главной квартирой большой город Амьен, откуда до Монмора было около тридцати километров. Там он поселил Клариссу.

I

Около восьми часов он встретился с Балу недалеко от старинной крепости, известной в этом краю под именем Мортепьерр («Мертвый камень»), и вместе с ним отправился обследовать местность. На границе леса маленькая речушка Мижье, прорывшая здесь глубокое русло, образует кольцо, над которым возвышается гигантская скала Мортепьерр.

— Здесь нечего делать, — сказал Люпен, — скала крутая, высотой в шестьдесят-семьдесят метров, и река окружает ее со всех сторон.

Немного дальше они нашли мост, по спускавшейся от него тропинке прошли меж елей и дубов до площадки, на которой высились две большие башни, а между ними — массивная дверь, обитая железом и усаженная гвоздями.

— Здесь именно и живет псарь Себастиани?

— Да, — ответил Балу, — там, в павильоне, он живет с женой посреди развалин; у него трое взрослых сыновей, и все трое будто бы куда-то уехали именно в день похищения Добрека.

— Ого, — сказал Люпен, — совпадение знаменательное. Возможно, что вся затея была выполнена отцом и этими молодцами.

После обеда Люпен, воспользовавшись щелью, вскарабкался по скале направо от башен, отку-

да ему был виден павильон и остатки старой крепости: поближе — стена с обломком камина, дальше — колодец, свод часовни и куча обвалившихся камней. Впереди, вокруг дороги и на другом конце ее, — остатки ужасного редута, почти сровненного с землей.

Вечером Люпен вернулся к Клариссе Мержи. С этих пор он носился между Амьеном и Мортепьерром, оставляя Гроньяра и Балу для непрерывных наблюдений.

Шесть дней прошло, не дав никаких результатов.

Но на седьмой день, узнав, что будет охота и что какой-то экипаж отправился утром на станцию Омаль, Люпен спрятался в кустах, окружавших площадку перед дверью.

В два часа он услышал лай собак и людские возгласы. Они то приближались, то затухали вдали. Но вдруг посреди тишины он уловил топот лошадей, а немного спустя увидел всадников, пробиравшихся по дорожке возле речки… Он узнал маркиза д'Альбюфэ и Себастиани. Доехав до площадки, оба слезли, а женщина, по всей вероятности жена псаря, отворила ворота. Себастиани привязал поводья к кольцам, укрепленным на столбе в трех шагах от Люпена, и поспешно до-

гнал маркиза. Ворота за ними закрылись.

Рассчитывая на пустынность этого места, Люпен тотчас же забрался в углубление щели, очень осторожно просунул голову и увидел двух мужчин и жену Себастиани, спешивших к развалинам редута. Себастиани раздвинул густой плющ и обнаружил лестницу, по которой спустились он и д'Альбюфэ, оставив на страже жену. О том, чтобы следовать за ними, не могло быть и речи. Люпен вернулся в свое убежище. Немного погодя ворота опять открыли. Маркиз д'Альбюфэ выглядел сильно рассерженным. Он бил хлыстом по сапогам и произносил со злостью слова, которые удалось расслышать Люпену.

— Ах, несчастный! Он у меня заговорит… Сегодня вечером, ты слышишь, Себастиани, в десять часов я вернусь. Мы будем действовать. Ах… скотина!

Себастиани отвязывал лошадей. Д'Альбюфэ повернулся к женщине:

— Пусть ваши сыновья хорошенько стерегут его. Если кто-нибудь попробует его освободить, тем хуже для него. Люк наготове… Могу я рассчитывать на них?

— Как и на их отца, маркиз, — уверил псарь. — Они знают, что маркиз уже сделал для меня и что

он хочет сделать для них. Они не остановятся ни перед чем.

— На лошадей, — сказал д'Альбюфэ, — и вернемся на охоту.

События разворачивались так, как предполагал Люпен. Во время поездок на охоту д'Альбюфэ выполнял свое дело так, что никто и не догадывался о его хитрости. Себастиани, который из чувства благодарности был ему предан душой и телом, сопровождал его, и вместе они навещали пленника, в то время как сыновья и жена неотступно стерегли его.

— Вот каковы дела, — сказал Люпен Клариссе Мержи, встретившись с ней в гостинице, находившейся поблизости. — Сегодня в десять часов вечера маркиз подвергнет Добрека немного грубому, но необходимому допросу, к которому я и сам должен был бы прибегнуть.

— И Добрек откроет свой секрет… — сказала Кларисса, уже расстроенная.

— Я боюсь этого.

— И что в таком случае?

— В таком случае, — отвечал Люпен, который казался совсем спокойным, — у меня два варианта: или помешать свиданию…

— Но как?

— Опередить д'Альбюфэ. В девять часов Гроньяр, Балу и я проникнем в укрепление, завладеем крепостью, осадим башню, обезоружим гарнизон — и Добрек наш.

— Если только сыновья Себастиани не спустят его в люк, о котором упоминал маркиз…

— Впрочем, я думаю прибегнуть к первому моему способу как к последнему средству, если нельзя будет выполнить другой мой план.

— А в чем состоит другой план?

— Присутствовать на свидании маркиза с Добреком. Если Добрек не будет говорить, мы выиграем время и тщательнее подготовим похищение. Если он откроет секрет или, вернее, его принудят назвать место, где находится список двадцати семи, я буду знать это, как и д'Альбюфэ, и клянусь Богом, что воспользуюсь тайной раньше его.

— Да-да, но как вам удастся попасть туда?

— Не знаю еще, — признался Люпен. — Сейчас Балу пытается кое-что разузнать; многое зависит от этого…

Он ушел из гостиницы и вернулся лишь час спустя. Вскоре появился Балу.

— Достал книжку? — спросил Люпен.

— Да, патрон. Та самая, которую я видел у тор-

говца газет в Омале. Получил за десять су.

— Давай ее сюда.

Балу подал старую грязную брошюру, на которой было написано: «Посещение Мортепьерра в 1824 году, с рисунками и планом».

Люпен сразу отыскал на плане башню:

— Вот это самое место и нужно. Там было прежде три этажа над землей и два — в подземелье, из которых один теперь завален обломками, а другой… Смотрите, вот где погребен наш друг Добрек. Какое замечательное название: «Зал пыток». Бедный друг. Комната отделена от лестницы двумя дверьми. Здесь, очевидно, и находятся трое братьев с ружьями.

— Но ведь вам невозможно пройти незамеченным?

— Невозможно… Разве что пробраться сверху, через обрушившийся этаж, и поискать ход с потолка? Но это уж очень ненадежно…

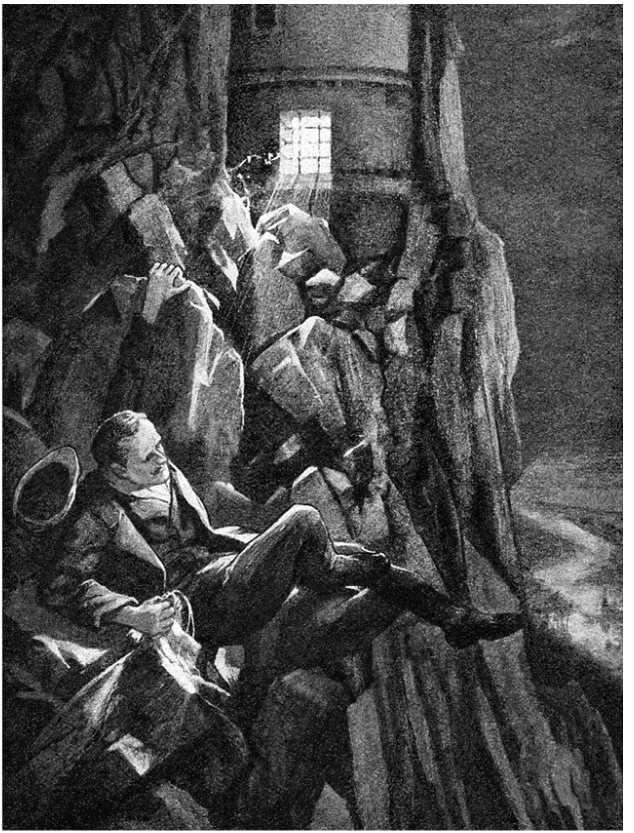
Он продолжал перелистывать книгу. Кларисса спросила:

— Нет ли окна в зале?

— Да, со стороны реки, просто маленькое отверстие; вот оно. Но оно находится на высоте пятидесяти метров над водой и на отвесной скале. Значит, тоже невозможно.

Он пробежал глазами книгу. Внимание его остановила одна глава под названием «Башня влюбленных». Он прочел первые строчки:

«Давным-давно замковая башня была названа жителями „Башней влюбленных“ в воспоминание о драме, разыгравшейся здесь в Средние века. Граф де Мортепьерр, получив доказательства неверности своей жены, запер ее в комнате пыток. Она провела там около 20 лет.



Однажды ночью ее возлюбленный, граф Танкарвиль, в безумной отваге, поставив прямо в реку лестницу, взобрался по ней параллельно береговой скале до отверстия комнаты, спилил прутья решетки и, освободив свою милую, стал спускаться с ней с помощью веревки. Они уже достигли начала лестницы, когда со стороны окружной дороги раздался выстрел. Графа ранило в плечо. Оба возлюбленных полетели в пропасть».

Наступило долгое молчание.

— Балу, — заговорил первым Люпен, — найди крепкую и тонкую веревку длиной метров в пятьдесят, чтобы я мог ее обмотать вокруг пояса. А ты, Гроньяр, примись за поиски лестниц. Найди три-четыре лестницы и свяжи их друг с другом. Приступайте, ребята! Без промедления!

— Что вы говорите, патрон? — воскликнули оба разом. — Что вы хотите делать? Ведь это безумие…

— Почему? Разве я не могу сделать того же, что удалось другому? Но довольно болтать, друзья. Через час встречаемся на берегу реки.

Приготовления были долгими. С трудом нашли материал для лестницы в шестнадцать метров, которая доставала бы до первого выступа берего-

вой скалы, и нужно было еще приложить много усилий, чтобы соединить все ее части вместе.

Наконец, уже после девяти часов, лестницу установили посреди реки, подвели под нее лодку, передний конец которой был укреплен между двумя перекладинами лестницы, а задний упирался в берег. Темная ночь и безлюдье способствовали задуманному. Небо было покрыто неподвижными облаками.

Люпен отдал последние приказания Гроньяру и Балу.

Кларисса тоже была в лодке. Он сказал ей:

— До свидания. Главное — не шевелитесь. Что бы ни случилось — ни движения, ни звука.

Вместо ответа она крепко пожала ему руку.

Поставив ногу на лестницу и убедившись, что она не особенно качается, Люпен стал подниматься и очень быстро достиг верхней ступеньки. Только здесь начиналась настоящая опасность. Теперь надо было ползти по отвесной стене. К счастью, время от времени попадались маленькие углубления и каменные выступы.

Длинная веревка, которою он себя обвязал, сильно стесняла его движения. Люпен прикрепил один ее конец к пряжке своих брюк. Веревка разматывалась во всю длину подъема, и на обратном

пути он мог воспользоваться ею как перилами.

Он снова ухватился за неровности утеса и начал карабкаться вверх, каждую минуту ожидая неизбежного падения. На оцарапанных об острые камни пальцах выступила кровь.

Люпен удвоил усилия, поднялся еще на несколько метров, соскользнул и, вырвав кучу корней, опять поднялся и, совсем обессиленный, считая уже игру проигранной, остановился и замер.

Он услышал неясные голоса со стороны скалы, которую он обхватил руками. Он прислушался: голоса шли справа. Неожиданно там вспыхнул луч света и, прорезав ночной мрак, прошел всего в полуметре от вжавшегося в скалу Люпена.

Сверхъестественным усилием воли Люпен подтянулся на пальцах, подвинул тело вперед и очутился у края довольно широкого отверстия глубиной не менее трех метров, проложенного в толще скалы. Другой конец отверстия был перегорожен тремя перекладинами.

Люпен прополз вглубь отверстия, достиг перекладин и увидел…

Глава восьмая
Башня влюбленных

Под ним находился зал пыток: мрачная комната, разделенная на части четырьмя столбами, подпиравшими своды.

Огромные тени сыновей Себастиани, косые лучи мерцающего света, несчастный пленник, прикованный к старой кровати, — все вместе производило особо мрачное впечатление.

На первом плане, в шести-семи метрах под тем отверстием, в которое смотрел Люпен, находился депутат Добрек. Старинными цепями он был прикован к койке, а койка — к железному крюку в стене. Ноги и руки были стянуты узкими ремнями. Малейшее движение, производимое Добреком, тотчас вызывало звон колокольчика, привязанного к соседнему столбу.

Лампа светила ему прямо в лицо. Перед ним стоял маркиз д'Альбюфэ. Люпену было видно его бледное лицо с седеющими усами, вся его высокая и стройная фигура. Маркиз д'Альбюфэ глядел на заключенного со скрытой ненавистью.

Несколько минут прошло в полном молчании.

Маркиз приказал:

— Себастиани, зажги эти три факела, я хочу его лучше видеть.

Когда были зажжены факелы и маркиз внимательно вгляделся в Добрека, он наклонился к нему и сказал почти мягко:

— Не знаю, что станется с нами. Но все же в этом зале я испытываю священные минуты радости. Ты причинил мне столько зла, Добрек. Сколько слез я пролил из-за тебя, настоящих слез отчаяния! Сколько денег ты украл у меня — целое состояние. А боязнь разоблачения, ужас бесчестия… О, разбойник…

Добрек не двигался. Он был в очках, от которых отражались лучи света. Он сильно похудел.

— Ну, — сказал д'Альбюфэ, — надо кончать. В окрестностях появились какие-то темные личности. Дай бог, чтобы это исходило не от тебя и чтобы они не вздумали освобождать тебя, потому что в таком случае тебя ждет верная гибель. Себастиани, действует еще люк?

Себастиани приблизился, встал на одно колено, поднял и повернул кольцо, не замеченное Люпеном раньше, которое находилось как раз у ножки кровати. Одна плитка пола отвалилась и обнаружила отверстие.

— Ты видишь, я предусмотрителен, у меня под рукой все средства, вплоть до колодца неизмеримой глубины, как говорит легенда. Итак, никакой помощи ниоткуда, никакой надежды… Будешь ты говорить?

Добрек не отвечал. Маркиз продолжал:

— В четвертый раз допрашиваю я тебя, Добрек. Четвертый раз я утруждаю себя розыском документа, находящегося у тебя, чтобы избавиться от шантажа с твоей стороны. Это четвертый и последний раз. Заговоришь ли ты наконец?

Молчание.

По знаку, данному д'Альбюфэ, оба сына подошли к кровати. У одного из них в руках была палка.

— Иди сюда, — приказал д'Альбюфэ после нескольких минут ожидания. Себастиани растянул ремни, которые сжимали запястья Добрека, вставив и укрепив между ними палку.

— Повернуть, господин маркиз?

Молчание. Маркиз ждал. Видя, что Добрек не шевелится, он прошептал:

— Да скажи же. К чему напрасные мучения?

Ответа не было.

— Закручивай, Себастиани!

Себастиани сделал полный оборот палки. Суста-

вы захрустели. Добрек застонал.

— Не хочешь говорить? Однако же тебе хорошо известно, что я не могу оставить этого дела, что ты в моих руках и что, если понадобится, я буду пытать тебя до смерти. Не хочешь? Нет? Себастиани, еще раз.

Слуга повиновался. Добрек подскочил от боли и со страшным хрипением рухнул на койку.

— Говори же! — закричал весь дрожа маркиз. — Ну, скажи, где список. Одно слово — и я оставлю тебя в покое. Список — и ты свободен! Слышишь? Молчишь? Ах, скотина! Себастиани, поверни еще!

Себастиани не заставил себя ждать. Кости затрещали.

— Помогите, помогите, — хрипло проговорил Добрек, тщетно пытаясь освободиться. Потом, еле слышно, запинаясь, произнес: — Пощадите!

Маркиз молчал. Один из сыновей Себастиани подал ему походную флягу коньяка. Налив половину стакана, маркиз опорожнил его залпом.

— Пощадите! — едва слышно прошептал Добрек.

Д'Альбюфэ, не спуская глаз с врага, подошел к нему и сказал:

— Ты теперь видишь, что нелепо сопротивлять-

ся. Ну, будь же благоразумен!

Добрек продолжал молчать.

— Стяни веревку, — велел д'Альбюфэ Себастиани, — пусть жизнь не кажется ему медом.

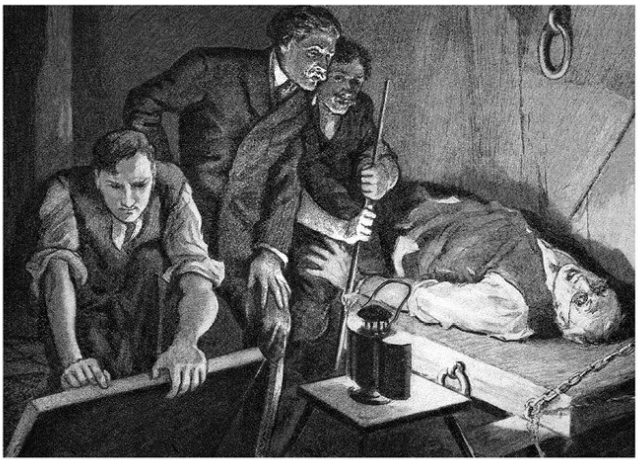
Себастиани снова взял палку и повернул ее так, что она коснулась распухшей кожи. Добрек рванулся.

— Остановись, Себастиани, — приказал маркиз. — Мне кажется, наш друг начинает умнеть.

Оба нагнулись над Добреком. Себастиани — с палкой в руке, а д'Альбюфэ — направляя свет лампы на лицо узника.

— Он двигает губами, сейчас заговорит. Освободи чуть-чуть ремни, я не хочу заставлять его страдать зря… О, нет-нет, сжимай сильнее, мне кажется, наш друг колеблется. Еще оборот. Довольно… Ах, дорогой Добрек, если ты не станешь говорить яснее, мы только потеряем время. Что? Что ты говоришь?

Арсен Люпен едва не вскрикнул от досады. Добрек говорил, а он, Люпен, не мог расслышать. Как он ни напрягал слух, стараясь удержать биение сердца и шум в висках, ни один звук не долетал до него.



«Черт побери, — подумал он, — этого я не предвидел. Что делать? Пустить в Добрека пулю?» Но тогда он не узнает ничего и выдаст себя. Оставалось только довериться ходу событий.

Между тем внизу дело медленно подвигалось вперед. Маркиз не оставлял своей жертвы.

— Ну, говори же! — грозно приказывал мар-

киз. — Дальше! — Наконец голос его смягчился, и в нем появились одобрительные интонации. — Хорошо, великолепно. Но может быть… Повтори, Добрек… Странно… И никто не имел понятия? Даже Прасвилль? Вот идиот! Не натягивай же, Себастиани. Ты же видишь, что наш друг задыхается… Спокойнее, Добрек, не утомляйся. Итак, дорогой друг, ты говоришь…

Затем послышался шепот, который д'Альбюфэ больше не прерывал, но из которого Люпен не расслышал ни звука.

Наконец маркиз встал и издал радостное восклицание:

— Есть! Благодарю, Добрек! Себастиани, освободи его от уз. Насколько же надо быть бессердечным, чтобы связать своего ближнего, как жареного цыпленка.

— Не дать ли ему напиться?

— Верно, дай ему пить.

Себастиани с помощью сыновей развязал ремни, растер затекшие кисти Добрека и наложил повязку с мазью. Добрек проглотил несколько капель водки.

— Ну что, лучше стало? — спросил маркиз. — Ничего, скоро совсем пройдет, зато ты сможешь похвастаться, что подвергся пыткам, как во

времена инквизиции. — Он посмотрел на часы. — Довольно болтать, Себастиани. Пусть твои сыновья стерегут его по очереди. А ты проводи меня на вокзал к последнему поезду.

— Как же, господин маркиз, оставить его несвязанным?

— Почему бы нет? Не думаешь же ты, что мы будем держать его здесь всю жизнь? О нет, Добрек, спи спокойно. Завтра в полдень я буду в твоем доме и, найдя бумагу в указанном месте, тотчас телеграфирую сюда, и ты сможешь отправиться на все четыре стороны. Ведь ты не солгал мне, а?

Он опять подошел к Добреку, наклонился над ним и сказал:

— Ты ведь не шутишь, не правда ли? Было бы слишком глупо с твоей стороны так пошутить. Для меня это значило бы просто потерять один день, только и всего. А вот ты лишился бы всех остальных дней своей жизни. Но нет… трудно и придумать более укромное местечко. В путь, Себастиани. Завтра жди телеграмму.

— А если вас не пустят в дом, господин маркиз?

— Почему же?

— Дом у сквера Ламартин занят людьми Прасвилля.

— Не беспокойся, Себастиани, если передо мной запрут двери, я войду в окно, я подкуплю кого-нибудь из людей Прасвилля. Нужны только деньги, а их отныне у меня, слава богу, будет достаточно. Покойной ночи, Добрек.

Они вышли с Себастиани, и тяжелые двери захлопнулись за ними. По плану, составленному еще во время этой сцены, Люпен решил попробовать задержать д'Альбюфэ по дороге…

«Добрек истощен; сопротивление его сломлено. Раз он открыл свой секрет маркизу, нет никакой причины не повторить признания, когда Кларисса и я употребим то же самое средство. Решено. Похитим Добрека».

Главное, предупредить Прасвилля об опасности, и это будет сделано.

Церковные часы в соседней деревне пробили полночь. В распоряжении Люпена было шесть-семь часов на выполнение нового плана. Он тотчас же приступил к делу.

Выбравшись из отверстия, в глубине которого находилось окно, он взобрался на камень, поросший кустарником. С помощью ножа он нарезал с дюжину палок одинаковой длины. Потом отложил на веревке два равных расстояния. Между ними он укрепил двенадцать палочек, устроив

таким образом веревочную лестницу длиной около шести метров.

Когда он вернулся на свой наблюдательный пост над залом пыток, возле кровати Добрека находился один из трех сыновей Себастиани. Он курил трубку, а Добрек спал.

«Если этот парень не заснет ночью, мне здесь делать нечего, придется улизнуть».

Из свидания, на котором он присутствовал, он вынес твердое убеждение, что маркиз работал, так сказать, в свою пользу и что, похищая список, он хотел не только избавиться от преследования Добрека, но и прибегнуть к нему для восстановления своего состояния, а потому следовало какой бы то ни было ценой воспрепятствовать д'Альбюфэ проникнуть в дом Добрека, предупредив об этом Прасвилля.

Несмотря на все эти соображения, Люпен все еще оставался на том же месте, удерживаемый какой-то неясной надеждой на то, что случай сам предоставит ему скорую возможность действовать.

Пробило половину первого, потом час ночи. Ожидание становилось ужасным, к тому же ночной холод сильно давал о себе знать.

Вдали послышался топот лошади.

— Это Себастиани возвращается с вокзала, — подумал он. В это время охранник Добрека в зале пыток, выкурив весь свой запас, попросил у братьев немного табаку, хоть на одну трубку, и пошел к ним в павильон.

Люпен оцепенел от изумления. Лишь только дверь закрылась, Добрек, только что крепко спавший, сел на кровати, прислушался, спустил одну ногу, потом другую и встал, еще качаясь, но все же более сильный, чем можно было ожидать.

«Ну и прыткий парень, — подумал Люпен. — Он прекрасно сможет помочь своему похищению. Один пункт меня тревожит: доверится ли он мне? Захочет ли за мной следовать? Не примет ли чудесное спасение за ловушку маркиза?» Но тут он вдруг вспомнил о письме к Добреку, лежавшему у него в кармане, о рекомендательном письме, подписанном старшей из сестер Руссело — Евфразией.

Он вынул его и прислушался. Ни малейшего звука, кроме легкого скрипа шагов Добрека. Люпен счел момент удобным. Живо просунув руку между перекладинами, он бросил письмо вниз.

Добрек был поражен. Кружась в воздухе, в трех шагах от него, на землю упал конверт. Откуда? Он поднял голову к окну и вперил взгляд во тьму,

царившую в верхней части залы. Потом он посмотрел на конверт, все еще не решаясь до него дотронуться, как будто опасаясь каких-то козней. Потом вдруг, бросив быстрый взгляд на дверь, схватил конверт и распечатал его.

— Ах! — вырвалось у него радостно, когда он увидел подпись.

Вполголоса он читал письмо:

Принесшему эти строчки можно довериться. Это он раскрыл маневр маркиза и разработал план бегства. Все готово.

Евфразия Руссело

Он снова прочел письмо, повторяя: «Евфразия… Евфразия…» — и снова посмотрел наверх.

Люпен зашептал:

— Мне потребуется два или три часа времени, чтобы подпилить перекладину. Себастиани с сыновьями вернутся еще?

— Конечно, — отвечал Добрек так же тихо. — Но думаю, что потом они оставят меня одного.

— Но они спят рядом?

— Да.

— Им не будет слышно?

— Нет, дверь слишком массивная.

— Хорошо, тогда дело пойдет на лад. У меня с

собой веревочная лестница. В силах ли вы подняться без моей помощи?

— Я думаю… попробую… главное, кисти пострадали… Ах, скоты! Я еле могу двигать руками и очень ослабел. Но все же постараюсь… надо…

Он внезапно замолчал, послушал и, приложив палец ко рту, прошептал:

— Тсс…

Когда Себастиани и сыновья вошли в зал, Добрек, который успел уже спрятать письмо и улечься в кровать, притворился, что он внезапно разбужен шумом. Сторож принес бутылку вина, стакан и немного еды.

— Как дела, господин депутат? — воскликнул он. — Конечно, может, мы и пересолили немного. Зверская штука, это орудие пытки. Хорошее изобретение, работает чисто, ни капли крови, и скоро, уже через двадцать минут, у вас вырвали признание.

Себастиани разразился смехом.

— Кстати, господин депутат, поздравляю вас. Великолепно спрятано. Никому бы и в жизнь не догадаться. Признаться, сначала нас, маркиза и меня, смутило имя Мэри, которое вы сперва произнесли. Вы не лгали, только вот слово-то застряло у вас. Надо было его закончить. Но все-

таки странно. Так прямо в кабинете, на столе?

Сторож встал и зашагал по комнате, потирая руки.

— Господин маркиз очень доволен, так доволен, что завтра вечером явится сам, чтобы выпустить вас на свободу. Да, нужно будет исполнить еще кое-какие формальности. Может, вам придется подписать несколько чеков, вернуть несправедливо захваченное, вознаградить маркиза за издержки и труды. Но ведь для вас это что? Пустяк! Да, теперь уже никаких цепей, ни наручников — ничего не будет. Мне приказано даже поднести вам бутылку старого вина и флягу коньяка — словом, обращаться с вами по-царски.

Себастиани отпустил еще несколько шуток, взял лампу, оглядел комнату в последний раз и сказал сыновьям:

— Дадим ему поспать. Да и вы отдохните-ка, только не засыпайте крепко… никогда нельзя знать.

Они вышли.

Люпен тихо спросил:

— Можно начать?

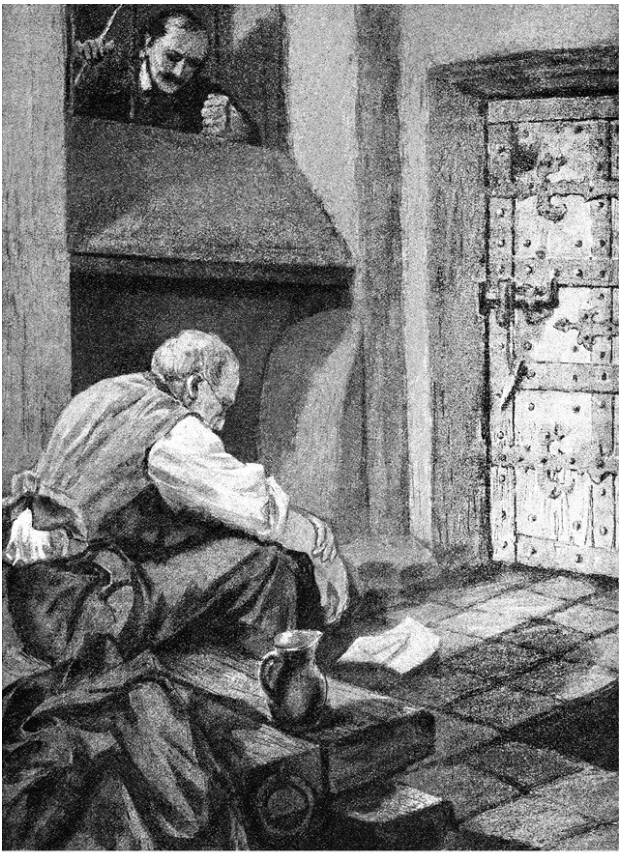
— Да, но осторожно. Возможно, что через час-другой они опять будут здесь, совершая обход.

Люпен принялся за работу. Заржавленное и

попорченное от времени железо легко поддавалось под его острой пилой. Добрек же сторожил у двери, готовый предупредить его при малейшей опасности.

— Уф, — сказал Люпен, проводя пилой в последний раз. — Недурно, что я кончаю. Ну и тесно же в этом проклятом туннеле. А холод-то какой.

Он надавил изо всех сил на перекладину, которую подпилил снизу, и раздвинул ее настолько, чтобы можно было проскользнуть между двумя оставшимися. Потом он отошел до более широкой части углубления, где оставил веревочную лестницу. Укрепив ее за перекладину, он позвал:



— Готовы ли вы?

— Да, сейчас, еще раз послушаю. Спят… Давайте лестницу.

Люпен опустил ее и спросил:

— Помочь вам?

— Нет… я немного слаб… да ничего… обойдусь.

Действительно, он довольно скоро достиг отверстия и собирался пойти вслед за своим спасителем. Однако свежий воздух и вино, выпитое им для подкрепления сил, так подействовали на его слабый организм, что он упал в обморок и пролежал на камне с полчаса. Люпен между тем уже начал терять терпение. Он привязал Добрека к одному концу веревки, намереваясь спустить его, как какой-нибудь тюк, когда Добрек очнулся.

— Мне лучше, — прошептал он. — Долго ли будем спускаться?

— Довольно долго, мы на пятидесятиметровой высоте.

— Как же д'Альбюфэ не предвидел возможности похищения отсюда?

— Не будем разговаривать, это опасно.

— Еще слово только. Долго ли вы пробыли там, прежде чем бросили письмо?

— Нет, самое большее — с четверть часа. Я объясню вам все потом. Надо спешить.

Люпен прошел вперед, велев Добреку хорошенько ухватиться за веревку и спускаться вниз. В самых трудных местах он поддерживал Добрека.

Временами тот стонал:

— Ах, канальи, как они меня измучили. О, д'Альбюфэ, ты мне дорого за это заплатишь.

— Молчите, — приказал Люпен.

Он поискал лестницу и, нащупав ее, сказал:

— Вот лестница, она ведет к реке. Один из моих друзей и ваши кузины ее стерегут.

Он свистнул.

— Это я, — сказал он вполголоса. — Держите хорошенько лестницу.

Затем, обращаясь к Добреку:

— Я спускаюсь.

Тот заметил:

— Пожалуй, лучше мне быть впереди.

— Почему?

— Я очень слаб. Вы обвяжете меня веревкой за пояс и будете меня придерживать, иначе я рискую упасть.

— Да, вы правы, — сказал Люпен. — Подойдите.

Добрек подошел и встал на колени. Люпен обвязал его, потом, нагнувшись, схватился обеими

руками за стойки, чтобы лестница не качалась.

— Идите, — сказал он.

В эту минуту он почувствовал мучительную боль в плече.

— Проклятие! — воскликнул он, опускаясь в изнеможении.

Добрек ударил его ножом сзади.

В темноте Люпен еле различил, как Добрек освобождал себя от веревки и шептал:

— О, несчастный!.. Как ты глуп! Приносишь мне от моей кузины Евфразии письмо, в котором я сразу узнаю почерк старшей — Аделаиды. Эта старая лиса из предосторожности подписалась именем младшей. Как видишь, я разгадал… Я имею дело с Арсеном Люпеном, не так ли? Бедняга! Твоя песенка спета. Я нечасто прибегаю к помощи ножа, но у меня верный удар.

Он наклонился к раненому и обыскал его карманы.

— Дай-ка мне твой револьвер. Ты понимаешь, что твои партнеры живо догадаются, кто я, и захотят схватить меня. И так как я не очень силен, то одна-две пули… Прощай, Люпен. Увидимся на том свете, а? Приготовь мне там комфортабельную комнату. Прощай…

Добрек закончил свои приготовления и свист-

нул. С лодки ответили.

Собрав последние силы, Люпен протянул руку, чтобы задержать Добрека. Но вокруг уже никого не было. Он хотел закричать, но голос застрял в горле.

Страшная слабость охватила все тело. В висках стучало.

Вдруг внизу раздались крики, шум выстрелов, плач женщины, стоны, немного спустя — еще два выстрела.

«Кларисса? — подумал Люпен. — Он выстрелил в нее…»

Раненая, может быть, уже умирающая Кларисса, убегающий Добрек, д'Альбюфэ, хрустальная пробка — все смешалось в голове Люпена.

Прошептав несколько раз: «Кларисса… Кларисса… Кларисса…» — он как-то вдруг весь затих. Ему показалось, что тело его сорвалось со скалы и стремительно летит в пропасть.

Глава девятая
Во мраке неизвестности

Прошло несколько дней, прежде чем Люпен пришел в себя.

Он лежал в одной из комнат гостиницы города Амьен. У изголовья его постели сидели Кларисса и Балу. Когда он немного окреп, они рассказали ему о событиях той трагической ночи. Добрек, избавившись от Люпена, спрыгнул на берег, ранил выстрелом в плечо Клариссу и скрылся в темноте. Гроньяр выстрелил ему вслед. В то время, когда Гроньяр безуспешно пытался догнать Добрека, Балу занялся поисками Люпена и нашел его без сознания на небольшом выступе скалы. Как он на нем удержался, остается известным только Богу.

Однажды вечером Люпен получил от Клариссы телеграмму, извещавшую его, что дела идут плохо и что она, так же как Гроньяр и Балу, ночует в Париже. Он провел дурно ночь, волнуясь из-за этой депеши. Какие обстоятельства заставили Клариссу послать телеграмму?

На следующий день она вошла в его комнату, бледная, с глазами, покрасневшими от слез, и

упала в кресло.

— Кассационная жалоба отклонена, — пробормотала она.

— А вы рассчитывали на нее?

— Нет-нет, но все же как-то надеялась…

— Когда это произошло?

— Неделю назад. Балу скрыл от меня, а сама я боялась читать газеты.

Люпен осторожно намекнул:

— Остается просить о помиловании…

— О помиловании? Вы думаете, что сообщников Арсена Люпена могут помиловать?

Эти слова вырвались у нее с какой-то запальчивостью и горечью, но Люпен сделал вид, что ничего не заметил.

Помолчав, она добавила:

— Единственный, кто мог бы еще помочь, если бы д'Альбюфэ не украл у него список, — это Добрек.

Она произнесла это тихо и рассеянно, заставив задрожать Люпена. Не думала ли она пойти к Добреку и доверить ему спасение сына?

— Напомню вам об одном обещании, данном мне. Мы условились, что всю борьбу против Добрека поведу я, ни в какие соглашения с ним вы не можете вступать.

Она возразила:

— Я даже не знаю, где он.

— Итак, вам неизвестно, что стало с Добреком?

— Неизвестно. Несомненно только, что пуля, пущенная Гроньяром, попала в цель, потому что на следующий день после его бегства мы нашли в кустах окровавленный платок. Кроме того, на станции Омаль видели очень слабого и с трудом идущего человека. Он взял билет на первый отходивший поезд… Вот и все, что мы знаем…

— Он, должно быть, серьезно ранен и лечится в надежном убежище.

Затем Люпен подумал и спросил:

— Что говорили в Мортепьерре о происшествии?

— Ничего особенного. Рано утром веревку подобрали, Себастиани и сыновья в ту же ночь заметили исчезновение Добрека. Весь тот день Себастиани где-то пропадал.

— Ну да, он отправился с известием к маркизу. А где сам маркиз?

— У себя в имении. По сведениям Гроньяра, там тоже ничего подозрительного не замечено.

— Можно ли быть уверенным, что д'Альбюфэ не проник в дом Добрека?

— Вполне.

— А сам Добрек?

— Тоже.

— Видели ли вы Прасвилля?

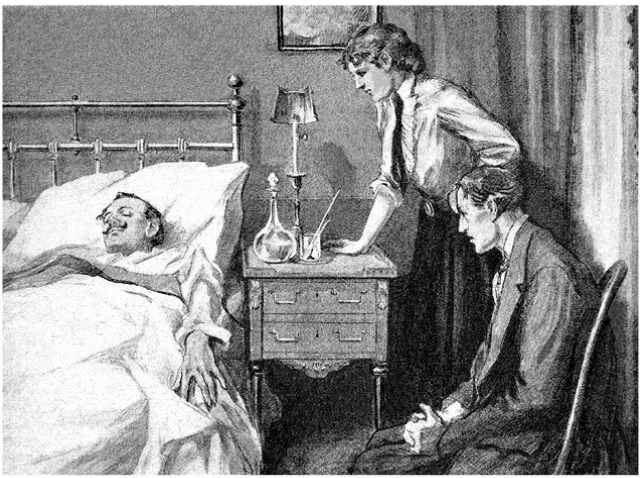
— Он в отпуске, путешествует. Главный же инспектор Бланшон, которому он поручил это дело, и его агенты, охраняющие особняк, утверждают, что, согласно приказу Прасвилля, они ни на минуту не покидают помещения и даже ночью по очереди остаются в конторе на страже, так что никто не мог пробраться туда.

— Следовательно, хрустальная пробка должна еще находиться в кабинете Добрека?

— Если она была в кабинете до исчезновения Добрека, то она должна там быть и сейчас.

— И на рабочем столе.

— На рабочем столе? Почему вы так думаете?



— Потому что знаю, — сказал Люпен, не забывший последней фразы Себастиани.

— Но вы не знаете, в каком предмете спрятана пробка?

— Ну, рабочий стол невелик, в двадцать минут его можно обыскать со всех сторон, а в десять —

разрушить, если понадобится.

Разговор немного утомил Арсена Люпена.

— Послушайте, — сказал он Клариссе, — прошу вас подождать дня два-три. Сегодня у нас понедельник. Четвертого марта, послезавтра, в среду, самое позднее, в четверг я буду на ногах. И будьте уверены, наше дело увенчается успехом.

— А до тех пор?

— До тех пор возвращайтесь в Париж. Поселитесь с Гроньяром и Балу в отеле «Франклин», около Трокадеро, и следите за домом Добрека, благо вам открыт доступ туда. Подзадорьте агентов.

— А если Добрек вернется?

— Тем лучше, тогда он в наших руках.

— Или только заедет и сейчас же обратно?

— Гроньяр и Балу должны последовать за ним.

— Но если они потеряют его из виду?

Люпен на это не ответил.

— Уйдите, пожалуйста, — обратился он к Клариссе после недолгого молчания.

С некоторых пор между ними появилось какое-то чувство отчужденности, которое росло с приближением страшного дня. Совершенно упуская из виду, что она сама толкнула Жильбера на энгьенскую авантюру, госпожа Мержи не могла забыть, что правосудие сурово преследовало ее

сына не столько за его проступок, сколько за то, что он был сообщником Люпена. И потом, чего достиг Люпен всеми стараниями, чем помогло его посредничество Жильберу?

На следующий день Люпен был еще довольно слаб.

В среду на требование доктора остаться в постели до конца недели он ответил вопросом:

— Что будет со мной, если я все же встану?

— Повторится лихорадка.

— Больше ничего?

— Нет. Рана почти зажила.

— Ну, тогда будь что будет. Еду с вами в автомобиле, в полдень мы уже будем в Париже.

Обстоятельством, побудившим его ехать немедленно, было, во-первых, письмо Клариссы, гласившее: «Я напала на след Добрека», во-вторых, телеграмма, напечатанная в амьенских газетах и сообщавшая об аресте маркиза д'Альбюфэ, замешанного в деле Канала.

Значит, маркизу не удалось захватить документ, лежавший на столе в кабинете, а это показывает, что агенты и инспектор Бланшон, помещенные Прасвиллем в особняке у сквера Ламартин, оказались на высоте. Словом, хрустальная пробка была еще на месте.

Этот факт можно было объяснить тем, что Добрек опасался зайти в свой дом, или тем, что здоровье не позволяло ему еще это сделать, или же он был твердо уверен, что никто, кроме него, не найдет пробки, и потому не спешил.

Во всяком случае, несомненно одно: надо действовать как можно скорее. Надо опередить Добрека и завладеть хрустальной пробкой.

Как только они выехали к Булонскому лесу, недалеко от сквера Ламартин, Люпен простился с доктором и вышел. К нему тотчас подошли Балу и Гроньяр, которым он назначил здесь свидание.

— А где госпожа Мержи? — спросил он.

— Ее нет со вчерашнего дня. Она нам сообщила только, что видела Добрека, когда он выходил от кузин и садился в экипаж. Она знает номер экипажа и о дальнейших расследованиях известит нас.

— Что еще нового?

— Сегодня ночью, по сведениям газеты «Пари Миди», в тюремной камере больницы маркиз д'Альбюфэ куском стекла вскрыл себе вены. Он оставил, как говорят, длинное письмо, в котором, признавая свою вину, винит в своей смерти Добрека и описывает его закулисную игру в деле Канала.

— Это все?

— Еще нет. Та же газета сообщает, что комиссия помилования, по всей вероятности, изучив дело, отклонила просьбу о помиловании Вошери и Жильбера и что, вероятно, в пятницу президент республики примет их адвокатов.

Люпен затрепетал:

— Однако они гонят дело вовсю. Сразу видно, что тут замешан Добрек, давший толчок этой старой машине правосудия. Еще недельку — и нож опустится. Бедный Жильбер! Если через день к делу, которое твои адвокаты доложат президенту республики, не будет приложен список двадцати семи, бедняга, ты погиб!

— Ну-ну, патрон, вы падаете духом?

— Я? Никогда. Через час документ будет у меня, я увижусь с адвокатом Жильбера, и ужас кончится.

— Браво, патрон. Узнаю вас. Ждать вас здесь?

— Нет, отправляйтесь в особняк. Я приду к вам.

Они расстались. Люпен пошел прямо к дому и позвонил.

Ему отворил агент, который тотчас признал его:

— Господин Николь?

— Да, — сказал он. — Главный инспектор Блан-

шон здесь?

— Да.

— Могу я переговорить с ним?

Его провели в кабинет инспектора, который принял его с видимой предупредительностью.

— Господин Николь, у меня есть приказ отдаться в ваше полное распоряжение, и я счастлив вас видеть здесь именно сегодня.

— Почему же, господин главный инспектор?

— Потому что есть новости.

— Что-нибудь важное?

— Очень важное.

— Говорите скорее.

— Добрек вернулся.

— Что? Как? Он сейчас здесь?

— Нет, он ушел.

— Входил ли он сюда, в кабинет?

— Да.

— Когда?

— Сегодня утром.

— И вы допустили?

— Как же я мог не допустить?

— И оставили его одного?

— Он решительно потребовал этого.

Люпен почувствовал, что бледнеет. Было несомненно, что Добрек вернулся за хрустальной

пробкой. И почти нет сомнений, что он снова завладел ею.

Скрывая волнение, Люпен спросил как можно более уверенно:

— Долго ли он здесь пробыл?

— Секунд двадцать.

— Как, только и всего?

— Да, не больше.

— В котором часу?

— В десять.

— Мог ли он уже знать о самоубийстве д'Альбюфэ?

— Да, я видел у него в кармане специальное издание «Пари Миди», выпущенное по этому случаю.

— Так-так. — Затем Люпен спросил: — Разве господин Прасвилль не дал вам специальных указаний на случай возвращения Добрека?

— Нет. За отсутствием господина Прасвилля мне пришлось даже запросить по этому поводу префектуру, и я ожидаю ответа. Исчезновение депутата Добрека взбудоражило общество, как вы знаете, и наше присутствие здесь было допустимо, пока его не было. Но раз Добрек вернулся, можем ли мы оставаться в его доме?

— Что за важность, — сказал Люпен рассеян-

но, — будет под вашей охраной дом или нет. Добрек вернулся, значит пробки здесь больше нет.

«Ну и не везет же мне, — подумал Люпен, раздраженный неудачей, — в этой проклятой истории словно кто-то только и занят тем, чтобы обречь меня на поражение».

Но он не сдавался. Ему было известно, каким образом Добрек спрятал пробку. От Клариссы Мержи он узнает место, где скрывался Добрек. Остальное для него вопрос времени.

Гроньяр и Балу ждали его в гостиной маленького отеля «Франклин», расположенного близ Трокадеро. Госпожа Мержи еще не написала им.

— Ничего, — сказал он. — Я верю в нее. Она не оставит Добрека, пока не добьется полной уверенности.

Гроньяр и Балу ждали дальнейших указаний.

— К хозяину отеля, — сказал им Люпен.

Хозяин отеля пригласил их присесть.

— Вы уверены, что на имя моих друзей нет почты?

— Вполне уверен.

— А на мое имя — имя Николь?

— Тоже ничего нет.

— Любопытно, — сказал Люпен. — Мы рассчи-

тывали получить письмо от госпожи Одран.

Под этим именем госпожа Мержи была известна в отеле.

— Как вы сказали?

— Госпожа Одран.

— Но эта дама приходила сама.

— Что вы говорите?

— Она приходила недавно и, не застав этих господ, оставила в своей комнате письмо. Разве слуга не сказал вам?

Люпен и его друзья поспешно поднялись к себе. Действительно, на столе лежало письмо.

— Да оно распечатано. Как это могло случиться? И разрезано.

Письмо гласило следующее:

Добрек провел неделю в отеле «Централь». Сегодня утром он отправил свои вещи на вокзал… и телеграфировал, чтобы ему оставили место в спальном вагоне поезда, который идет в…

Я не знаю, в котором часу отходит поезд. Буду все время… Как можно скорее. Надо подготовить похищение.

— Хорошо, — сказал Балу. — Но на какой вокзал? И куда идет поезд? Она отрезала самые

нужные слова.

— Ну да, — буркнул Гроньяр. — Два удара ножницами — и весь смысл письма пропал. Странная она. Голову, что ли, потеряла?

После недолгого молчания Люпен прошептал:

— Сюда приходил Добрек.

— Добрек?

— Разве вы можете допустить на минуту, чтобы госпожа Мержи пропустила эти два слова? Это дело рук Добрека. Госпожа Мержи думала выследить депутата, а вышло наоборот: он выследил ее.

— Каким образом?

— С помощью здешнего слуги, который не доложил нам о приходе госпожи Мержи, но зато уведомил Добрека. Тот пришел, прочел письмо и в насмешку оставил его нам, отрезав самое существенное.

— Можно разузнать, допросить…

— К чему? На что нам знать, как он прошел, раз мы знаем, что он был. Он довольно долго изучал письмо. Пойдемте.

— Но куда?

— На Лионский вокзал.

— Вы уверены?

— Никогда ни в чем не уверен, когда имею дело

с Добреком. Но надо же на чем-нибудь остановиться, а судя по тому, что его дела, здоровье, удовольствия влекут его скорее в Марсель и к лазурным берегам, чем на восток Франции, из двух вокзалов — Восточного и Лионского — надо остановиться на последнем.

Уже в восьмом часу вечера Люпен и его товарищи вышли из отеля. Полным ходом автомобиль доставил их на вокзал. Но уже через несколько минут стало ясно, что Клариссы Мержи нет нигде: ни внутри вокзала, ни на перроне.

— Однако… — проговорил Люпен, возбуждение которого возрастало от новых препятствий. — Однако если он получил спальное место, то только в вечернем поезде и только в поезде, уходящем в семь тридцать.

Скорый поезд отходил. Они обегали все помещения вокзала, не найдя никого: ни госпожи Мержи, ни Добрека, — и уже собирались уходить, когда их задержал возле буфета носильщик:

— Нет ли среди вас господина Балу?

— Да-да, это я, — живо сказал Арсен Люпен. — В чем дело?

— Дама мне так и сказала, что вас будет трое, а может, двое. Я не знал…

— Но ради бога, говорите же скорее. Она уеха-

ла?

— Да, с курьерским шестичасовым. В последнюю минуту она решилась. Так велела она передать вам. Она велела также вам сказать, что в том же поезде едет и господин… в Монте-Карло.

— Ах, проклятие! Надо было сесть в скорый. Минутой раньше бы. Теперь остаются только вечерние поезда, которые еле ползут. Более трех часов потеряно…

Время тянулось бесконечно. Они взяли билеты, попросили по телефону хозяина отеля направлять их переписку в Монте-Карло, пообедали, прочли газеты. Наконец в девять тридцать подали поезд.

В три часа пополудни они прибыли в Монте-Карло. Не встретив Клариссу на вокзале, Люпен тотчас заподозрил недоброе. Он подождал — никакого вестника не было. Он расспросил сторожей и контролеров — ничего!

К вечеру следующего дня, когда были обысканы все отели, Люпен с уверенностью мог сказать, что Клариссы и Добрека нет в Монте-Карло.

«Ну хорошо. Что же теперь?» — думал он.

Наконец в субботу на почте им дали телеграмму, пересланную владельцем отеля «Франклин» до востребования:

ОН ВЫШЕЛ В КАННЕ И ОТБЫЛ В САН-РЕМО, «ПАЛАС-ОТЕЛЬ». КЛАРИССА

Телеграмма была отправлена накануне.

— Проклятие! — воскликнул Люпен. — Они все же проехали через Монте-Карло. Надо было одному из нас остаться на страже у вокзала…

Люпен с приятелями вскочили в первый поезд, отходивший в Италию.

В полдень они пересекли границу.

Через сорок минут поезд был в Сан-Ремо.

Они тотчас заметили посыльного в фуражке с надписью «Амбассадор-палас», который, казалось, искал кого-то среди приехавших.

Люпен подошел к нему:

— Вы ищите господина Балу, не правда ли?

— Да, господина Балу и еще двух господ.

— Вас послала дама?

— Да, госпожа Мержи.

— Она остановилась у вас в отеле?

— Нет, она не вышла из поезда. Подозвав меня

знаком, она описала этих трех господ и сказала: «Предупредите их, что я еду в Геную. Отель „Континенталь“».

— С ней никого не было?

— Никого.

Люпен отпустил посыльного, дав ему на чай, потом повернулся к своим друзьям и сказал:

— Сегодня суббота. Если приговор будет приведен в исполнение в понедельник, делать нечего. Но это маловероятно. Во всяком случае, сегодня ночью я должен разделаться с Добреком и в понедельник быть в Париже уже с документами в руках. Это наша последняя попытка. Бежим скорей.

Гроньяр подошел к окошечку кассы и взял три билета в Геную.

До казни Жильбера и Вошери оставалось всего два дня.

Глава десятая
Шампанское «Экстра Драй»

Вечером той же субботы, когда Люпен, Гроньяр и Балу удалялись все более вглубь Италии, Кларисса Мержи входила в один из отелей Ниццы. Она выбрала себе на втором этаже номер сто двадцать два, который отделялся от номера сто двадцать один двойной дверью. Как только Кларисса осталась одна, она отдернула занавесь, которая прикрывала первую дверь, тихонько сняла задвижку и приложила ухо ко второй.

Убедившись, что ее сосед ушел, она вышла в коридор и, воспользовавшись минутой, когда там никого не было, подошла к двери номера сто двадцать один. Она была заперта на ключ. Весь вечер Кларисса ожидала возвращения соседа и легла спать только в два часа ночи.

В воскресенье утром она снова начала прислушиваться. В одиннадцать сосед ушел, оставив на этот раз ключ в двери, которая вела в коридор. Кларисса живо повернула ключ, решительно вошла в комнату, направившись сразу к сообщавшейся с ее комнатой двери, подняла портьеру, отодвинула задвижку и очутилась у себя.

Через несколько минут она услышала голоса двух горничных, убиравших соседнюю комнату. После их ухода в уверенности, что ей уже никто не помешает, она вернулась в сто двадцать первый номер. Здесь она перевернула ящики сундука, обыскала чемодан, шкаф, письменный стол, ванную, все столы и мебель…

— Кларисса! — вдруг услышала она позади себя.

Она резко обернулась. Перед ней стоял Добрек.

Как пришибленная она опустилась в кресло.

— Кларисса, друг мой! — заговорил он. — Не тратьте понапрасну времени! Я вам помогу в ваших поисках, но прежде предлагаю позавтракать.

Кларисса не ответила.

Добрек нажал на кнопку звонка. Вошел метрдотель. Добрек спросил его:

— Завтрак готов?

— Да, сударь.

— И шампанское «Экстра Драй»?

— Да, сударь.

Слуга принес поднос и разложил на круглом столике два прибора, холодную закуску, фрукты и бутылку охлажденного шампанского.

— Прошу вас за стол, сударыня, — сказал Добрек. — Всю эту неделю вашей упорной слежки за мной я спрашивал себя: какое шампанское она любит? И когда готовить приборы? Но сегодня утром, когда вы поселились в соседнем со мной номере, я догадался, что ждать осталось недолго.

Еле слышно, со страхом, она спросила:

— Вы уехали только затем, чтобы завлечь меня?

— Да, — сказал он.

— Но зачем?

— Это касается вашего сына. Читайте! — Он достал из кармана голубой листок.

«Приговор будет приведен в исполнение во вторник», — прочла Кларисса.

Бросившись на Добрека, она закричала:

— Неправда, ложь, вы хотите меня с ума свести! Я вас знаю, вы способны на все! Нет, нет…

Она быстро выдохлась и, закрыв лицо руками, негромко и бессильно заплакала.

Добрек налил себе бокал шампанского, проглотил его одним глотком, остановился перед ней и заговорил:

— Послушайте меня, Кларисса. Я вижу, вы не сдаетесь. В вас живет еще надежда на помощь. Но кто окажет вам ее? Прасвилль? Но он замешан в деле с Каналом. Правда, его имени нет в списке двадцати семи, зато там есть фамилия его друга, бывшего депутата Станислава Воранглада. Это подставное лицо Прасвилля. Кто еще? Господин Арсен Люпен с господами Гроньяром и Балу? Для меня они просто школьники! Все эти дни за ними следили мои агенты, каждый раз направляя их по ложному пути.

Добрек подошел к двери, закрыл ее, щелкнул ключом, закрыл на задвижку и, подойдя к Клариссе, сказал:

— Теперь послушайте меня…

На этот раз она не протестовала.

— Слушайте, Кларисса. В два сорок восемь отходит последний поезд, вы слышите, последний, который может меня доставить в Париж еще вовремя, чтобы спасти вашего сына. Что же, ехать?

— Да.

— Спальные места для нас уже заказаны. Вы едете со мной?

— Да.

— Вы будете моей женой?

— Да.

Он рассмеялся:

— О, плутовка, сейчас ты готова на все, не правда ли? Самое главное — спасти Жильбера. А потом, когда по своей наивности Добрек предложит обвенчаться, не тут-то было, от него отвернутся.

И, подсев совсем близко к ней, он ясно, раздельно произнес:

— Я намерен требовать не помилования Жильбера, а отсрочки исполнения приговора на три-четыре недели. А когда госпожа Мержи переменит свое имя на имя Добрека, только тогда я начну хлопотать о помиловании. И будьте уверены, мне это удастся.

Он прижался к ней и тихо сказал:

— Кларисса, вот уже более двадцати лет ты единственная женщина, которую я люблю. Ждать еще целый месяц? Нет, Кларисса, довольно… Ты все еще раздумываешь? Тогда не забудь подумать, что ждет твоего сына через сорок часов. Смотри проще на вещи. Ты фактически моя невеста. Дай мне твои губы, Кларисса…

Она не сопротивлялась. Все было кончено. Чтобы не видеть лица Добрека, она закрыла глаза.

Вдруг в комнате наступила внезапная тишина.

Она удивилась происшедшей перемене, открыла глаза и увидела два револьвера, направленных на Добрека. Лицо Добрека от страха побледнело до синевы. И почти в то же время кто-то появился сзади Добрека, обхватил его шею с невероятной силой, повалил и быстро накрыл лицо марлевой маской. По комнате тотчас же распространился

запах хлороформа.

Кларисса узнала господина Николя.

— Ко мне, Гроньяр, Балу, — закричал он. — Оставьте револьверы. Я держу его. Теперь это просто тряпка… Вяжите его.

Гроньяр и Балу завернули Добрека в одно из одеял и крепко связали.

— Готово, — воскликнул Люпен, поднявшись с пола одним прыжком.

Он подбежал к Клариссе, быстро обнял ее обеими руками и звонко расцеловал в обе щеки. Потом он склонил перед ней колено и почтительно произнес:

— Чего желает мадам? Помилования сына? Решено и подписано. Сударыня, предлагаю вам помилование вашего сына с заменой смертной казни пожизненной каторгой, а затем побег.

Встав с колен, он внимательно осмотрел весь номер. Взгляд его остановился на камине. Там лежал еще не начатый пакет табака. Глаза Люпена заблестели.

— Внимание, — сказал он и сорвал с пачки печать.

Затем он вскрыл пакет и с помощью указательного и большого пальца медленно, осторожно, как настоящий фокусник, вытащил нечто и по-

казал зрителям.

Кларисса радостно вскрикнула.

Это была хрустальная пробка.

Кларисса кинулась к Люпену и вырвала ее.

— Это та самая, та самая! — восклицала она, как в лихорадке.

Она так дрожала, что Люпен взял у нее пробку и сам развинтил ее.

Внутри головки было углубление, и в нем лежал кусок бумаги, свернутый в шарик.

— На тончайшей бумаге, — сказал он.

Наступило молчание. Люпен развернул бумажку.

Одна под другою были выписаны двадцать семь знаменитых фамилий: Ланжеру, Дешамон, Воранглад, д'Альбюфэ, Лейбад, Мержи и другие. А под всеми ними подпись председателя Совета управления Каналом, подпись цвета крови.

— Без четверти час, — сказал он. — В нашем распоряжении добрых двадцать минут. Поедим, я умираю с голоду.

Люпен уселся перед столиком, отрезал себе большой кусок паштета и сказал:

— Кларисса, Гроньяр, Балу! Приготовьте бокалы! Нас угощает депутат Добрек. Полусухое, сухое? А может быть, «Экстра Драй»?

Глава одиннадцатая
Лотарингский крест

Окончив завтрак, Люпен приступил к делу.

— Гроньяр, носильщик ждет тебя на улице Гамбетта с тележкой и корзиной, которую мы купили. Приведи его сюда и вели внести корзину. Если в отеле будут спрашивать, для кого она, скажи, что к даме в номер сто двадцать два.

Потом он обратился к Балу:

— А ты, Балу, отправляйся в гараж за машиной. В цене мы сошлись. Вот тебе десять тысяч франков. Сразу приезжай к отелю.

Затем спросил у госпожи Мержи:

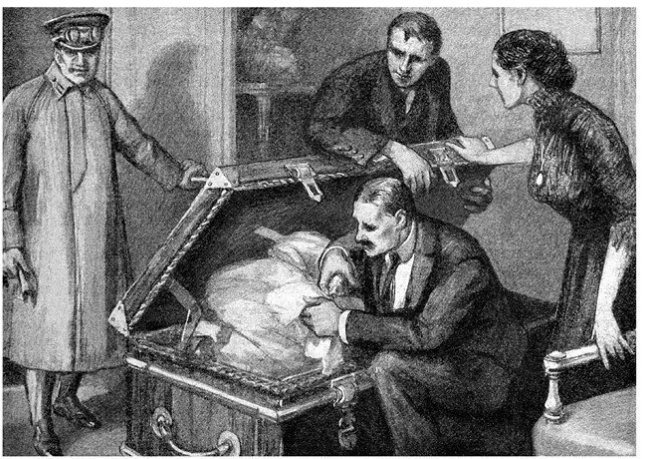
— У вас есть чемодан?

— Да, я купила в Ницце немного белья, туалетных принадлежностей и чемодан.

— Приготовьте все это. Спуститесь в контору. Скажите, что вы дожидаетесь носильщика с корзиной и что вам нужно переложить вещи у себя в комнате. Потом сообщите, что вы уезжаете.

Гроньяр вернулся раньше всех. В комнату Клариссы втащили огромную новую корзину. С помощью Клариссы и Гроньяра Люпен пере-

тащил Добрека и посадил в корзину, немного наклонив ему голову, чтобы можно было закрыть корзину. Затем он открыл флакон, смочил маску, а Кларисса и Гроньяр в это время обложили депутата со всех сторон бельем и дорожными подушками.



— Превосходно, — заключил Люпен. — В такой упаковке можно смело объехать вокруг света.

Явился Балу:

— Автомобиль подан, патрон.

— Хорошо, отнесите корзину вниз.

Люпен прошел в соседнюю комнату, затворил вторую половинку двери, закрыл задвижку, затем вышел и спустился в лифте в контору отеля.

Там он заявил:

— Господин Добрек спешно отозван в Монте-Карло. Он просил меня передать вам, что вернется только послезавтра. Комнату просил оставить за ним, так как там все его вещи. Вот ключ.

Он спокойно ушел из гостиницы и в условленном месте нашел автомобиль. Кларисса беспокоилась:

— Нам ни за что не приехать в Париж завтра утром. Безумная надежда. Малейшее повреждение…

— Мы с вами поедем по железной дороге, это будет вернее, — успокоил он. — А Гроньяр и Балу приедут с Добреком завтра к шести-семи часам вечера автомобилем.

Перед отправлением поезда Люпен дал телеграмму Прасвиллю:

СУБЪЕКТ НАЙДЕН. ДОКУМЕНТ ДОСТАВЛЮ

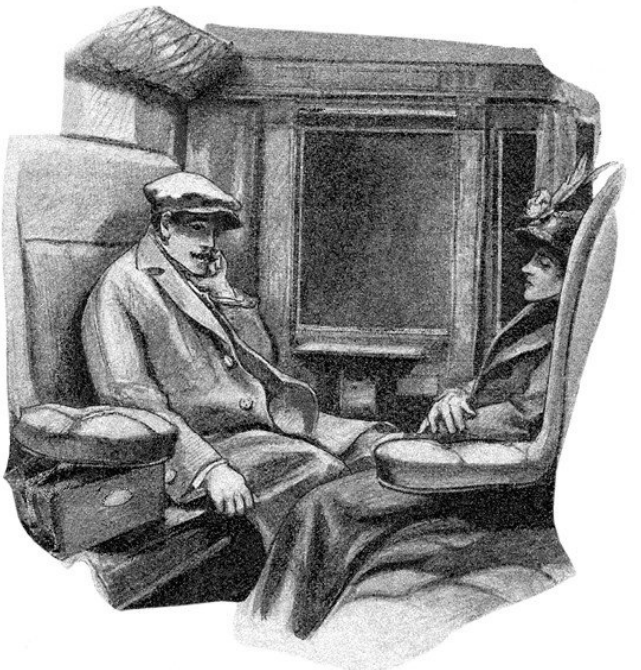
ЗАВТРА УТРОМ В ОДИННАДЦАТЬ ЧАСОВ. СООБЩЕНИЕ НЕОТЛОЖНОЙ ВАЖНОСТИ. КЛАРИССА

Переезд на этот раз показался Люпену недолгим. Кларисса рассказала, как она провела последние дни, а Люпен объяснил ей свое неожиданное появление в комнате Добрека.

— Чуда не было, — сказал он. — Люди Добрека следили за нами, не подозревая, что мы в свою очередь следим за ними. Они-то и привели нас в отель, где жили вы и Добрек. Через десять минут я уже знал номера ваших комнат. Стучу слегка в вашу дверь. Ответа нет. А дверь заперта на ключ.

— Ну и?.. — спросила Кларисса.

— Ну и мы ее открыли. Итак, я вхожу в вашу комнату. Никого. Смежная же дверь полуоткрыта. Я проскальзываю к ней. Теперь только портьера отделяла меня от вас, от Добрека, от пачки табака на камине, которая сразу привлекла мое внимание.



— Она была уже вам знакома?

— Расследование в рабочем кабинете Добрека в Париже заставило меня заметить исчезновение этой пачки. Не просто ли? А? И в то же время как хитро. Как могло прийти в голову мне или кому-нибудь другому срывать запечатанную бандероль со штемпелем государства, зарегистрированную отделом косвенных налогов? Подумайте только.

В восемь часов утра они приехали в Париж.

Дома, на площади Клиши, Люпена ожидали две телеграммы. Одна, от Балу, отправленная накануне из Авиньона, сообщала, что все идет благополучно и что в условленное время они надеются быть на месте. Другая, от Прасвилля, была помечена Гавром и адресована Клариссе:

НЕВОЗМОЖНО ВЕРНУТЬСЯ ЗАВТРА, УТРОМ В ПОНЕДЕЛЬНИК ЖДУ У СЕБЯ В КОНТОРЕ В 5 ЧАСОВ.

— Пять часов, как поздно.

— Прекрасное время, — уверил Люпен.

— Однако если…

— Если, хотите вы сказать, приговор будет приведен в исполнение завтра утром? Не бойтесь, приговор не будет приведен в исполнение.

— Газеты сообщают…

— Ничего значительного они не сообщают. Единственно важное — это наше свидание с

Прасвиллем.

Он достал из шкафа флакончик и, положив руку ей на плечо, сказал:

— Растянитесь на кушетке и выпейте несколько глотков этого напитка.

— Что это такое?

— Средство, которое заставит вас забыться на несколько часов, заснуть.

Она уступила его просьбам, покорно улеглась на кушетке и закрыла глаза. Через несколько минут она уже спала.

Люпен позвонил слуге.

— Давай скорее газеты.

Люпен поспешно развернул одну из них и тотчас же увидел следующие строки:

«Сообщники Арсена Люпена Жильбер и Вошери будут казнены завтра утром. Господин Дейблер посетил работы по сооружению эшафота».

В полдень Люпен получил от Балу депешу из Лиона:

«Все благополучно. Посылка прибудет без повреждений».

В три часа Кларисса проснулась. Спокойный вид Люпена утешил ее.

В десять минут пятого они ушли.

Секретарь Прасвилля, предупрежденный своим

начальником по телефону, провел их в контору и попросил подождать.

Ровно в пять часов Прасвилль поспешно вошел и сразу воскликнул:

— Список у вас?

— Да.

— Садитесь, — сказал он, — приступим к переговорам.

— Простите, мы еще не можем говорить вполне определенно, — начала разговор Кларисса. — Нам остается выяснить еще один пункт. Имеете ли вы право заключать договор от лица тех, кто вас сюда послал?

— Да, — заявил Прасвилль.

— Через час после того, как я вам сообщу свои условия, я могу получить ответ?

— Да.

— И этот ответ будет исходить от правительства Елисейского дворца?

Прасвилль подумал мгновение и знаком подтвердил. Тогда Кларисса, побледнев, произнесла:

— Список двадцати семи будет передан вам в обмен на помилование Жильбера и Вошери.

Прасвилль вскочил:

— Что?! Сообщников Люпена?

— Да, их самых, — сказала она громко.

— Но это бессмысленно. Жильбер и Вошери приговорены к смертной казни.

— Да. А вы сделаете так, что их пошлют на каторгу, вот и все.

— Невозможно. Дело вызвало столько толков в обществе. Ведь они сообщники Арсена Люпена. Постановление суда известно всем.

— Ну и что же?

— Нет, мы решительно не можем идти против правосудия.

— У вас и не просят этого. Вас просят только заменить одно наказание другим. Помилование — вполне законный прием…

— Комиссия по помилованию уже ответила отказом.

— Да, но остается еще президент республики.

— Он тоже отказал.

— Пусть возьмет свой отказ обратно.

— Невозможно.

— Почему же?

— Нет никакой причины.

— Причина и не нужна. Правом помилования пользуются неограниченно, бесконтрольно. Без всяких доводов, без объяснений — это прерогатива высшей власти. Пусть президент воспользуется ею.

— Поздно уже. Все готово для казни. Осталось несколько часов.

— Вы только что сказали, что ответ можно получить через час.

— Но ведь это безумие, черт побери! Повторяю, это невозможно, просто физически невозможно.

— Значит, нет?

— Нет и нет. Тысячу раз нет.

— В таком случае нам остается только удалиться.

Она сделала шаг к двери, господин Николь последовал за ней.

Одним прыжком Прасвилль пересек им дорогу:

— Куда вы?

— Разговор окончен.

— Останьтесь, — сказал Прасвилль.

Он повернул ключ в двери и принялся ходить по комнате, опустив голову, с руками за спиной, затем открыл наружную дверь, ведущую в комнату его личного секретаря, и громким голосом отдал приказание:

— Господин Лартиг, позвоните в Елисейский дворец, скажите, что я прошу срочной аудиенции.

Закрыв дверь, он вернулся к Клариссе и ска-

зал ей:

— Учтите, мое вмешательство ограничится только передачей вашего предложения.

— Раз оно будет передано — оно будет и принято.

Наступило долгое молчание, но в это время явился секретарь Прасвилля и сообщил, что ему будет дана аудиенция через час.

Когда секретарь вышел, Прасвилль возобновил прерванный разговор без всяких недомолвок:

— Думаю, что мы сойдемся. Но раньше, чем выполнить взятую на себя обязанность, мне нужны более подробные, более точные сведения. Где был спрятан список?

— В хрустальной пробке, как мы и предполагали, — ответила госпожа Мержи.

Прасвилль взволнованно зашагал по кабинету.

Люпен не спускал с него глаз.

— А хрустальная пробка? — спросил Прасвилль.

— В комнате Добрека, в его доме возле сквера Ламартин, на письменном столе, в предмете, за которым он вернулся к себе и который я отобрала у него вчера в воскресенье.

— И это было?..

— Не что иное, как пачка мэрилендского таба-

ка, которая валялась прямо на столе.

Прасвилль как будто окаменел. Затем он спросил:

— Итак, список у вас?

— Да.

— Покажите его мне.

Так как Кларисса колебалась, то он сказал:

— Ох, пожалуйста, не беспокойтесь. Список ваш, и я вам его верну. Но вы же должны понять, что я ничего не могу предпринять, пока сам не уверюсь в его достоверности.

Кларисса бросила на господина Николя взгляд, перехваченный Прасвиллем, и сказала:

— Пожалуйста.

Тот схватил листок с некоторым волнением, осмотрел его и почти сейчас же сказал:

— Да-да, я узнаю почерк кассира. И подписано председателем общества. Красная подпись. Вообще, у меня имеются и другие доказательства.

Он открыл свой несгораемый шкаф и достал из особой шкатулки маленький кусочек бумаги, который и поднес к левому верхнему углу листка:

— Она самая, оба оторванных края сходятся. Неопровержимое доказательство. Теперь остается проверить только качество папиросной бумаги.

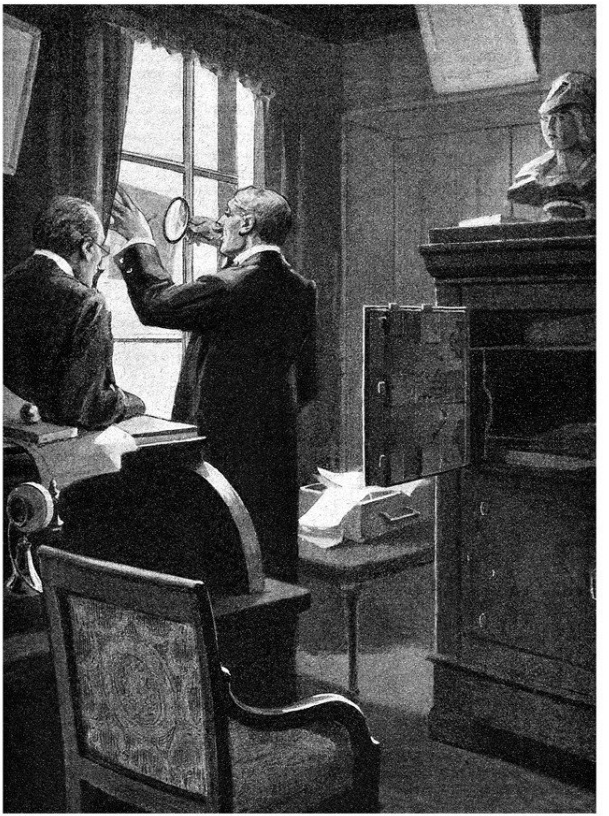
Он сравнивал листок с имевшимся у него обрывком бумаги, затем достал из шкатулки один из почтовых листков и стал рассматривать его на свет:

— Теперь нет сомнений. Простите меня, но…

— Что вы хотите сказать? — пробормотала Кларисса.

— Одну минуту… Я должен отдать распоряжение.

Он вызвал секретаря:



— Немедленно сообщите в президиум, что я отказываюсь от аудиенции.

Он закрыл дверь и вернулся к своему столу.

Кларисса и Люпен стояли, ничего не понимая.

Прасвилль протянул бумагу Клариссе:

— Можете бросить ее в огонь.

— Но это же безумие!

— Наоборот, очень разумно.

— Я не понимаю…

— Не понимаете? Я сейчас вам объясню… Список двадцати семи был написан на листе бумаги с изображением маленького лотарингского креста. Этот крест, незаметный обыкновенно, видим только, если держать бумагу на свет. На листке, который вы мне дали, такого крестика нет.

Люпен не осмеливался повернуть голову в сторону Клариссы, чутьем угадывая ее страшное горе. Он услышал лишь слабый голос:

— Значит, надо предположить, что Добрек был обманут?

— Нет! — воскликнул Прасвилль. — Это вы сделались жертвой обмана. Добрек владеет настоящим списком, который он украл из этого несгораемого шкафа.

— А мой документ?

— Подделка. Добрек привлекал ваше внимание

хрустальной пробкой, а сам между тем…

— И что сейчас?

— Нам не о чем говорить. Остается только попрощаться…

— Но ведь Жильбер завтра утром…

Кларисса побледнела, лицо ее подергивалось.

Люпен подошел к Прасвиллю.

— Подождите меня, сударь, — властным тоном сказал он. — Через час, самое большее — через два, я буду здесь. С настоящим списком двадцати семи, и тогда мы с вами поговорим еще.

И, решительно взяв Клариссу за руку, он спустился с ней по лестнице на улицу.

Поведение господина Николя насторожило Прасвилля. Кто этот господин Николь? Властный тон, решительные действия, уверенность в себе… Кто бы мог так держать себя?

Ответ пришел сам собой. Прасвилль вздрогнул.

Он поспешно вышел из конторы. Встретив охранника, он живо спросил:

— Вы только что пришли, бригадир?

— Да, господин секретарь.

— Вам попались навстречу господин с дамой?

— Да, на улице.

— Вы узнали бы этого субъекта?

— Думаю, что да.

— В таком случае нельзя терять ни минуты. Захватите с собой опытных агентов и отправляйтесь на площадь Клиши. Разузнайте все возможное о господине Николе и наблюдайте за домом. Господин Николь должен прийти туда.

— А если он не войдет к себе?

— Арестуйте его. Мандат готов. — Он подошел к конторке, сел и вписал в бланк имя. — Вот бумага, бригадир, я предупрежу начальника охраны.

Бригадир казался ошеломленным.

— Господин секретарь говорил, кажется, о господине Николе.

— Ну да.

— А мандат на имя Арсена Люпена.

— Арсен Люпен и господин Николь — одно и то же лицо.

Глава двенадцатая
Эшафот

— Бульвар Распай, — сказал Люпен, — и как можно скорее.

Автомобиль помчался.

— Я его спасу, — уверял Клариссу Люпен. — Партия еще не проиграна. У нас есть крупный козырь: письма и документы, которые бывший депутат Воранглад предлагает Добреку и о которых Добрек упоминал вчера в Ницце. Я куплю эти письма у Воранглада за какую угодно цену. Потом мы возвращаемся в префектуру, и я говорю Прасвиллю: «Отправляйтесь к президенту. Выдайте список за подлинный и спасите Жильбера от казни. Иначе завтра утром в газете появятся разоблачения Воранглада. Депутата арестуют и в тот же день заключат под стражу и вас».

Они прибыли по указанному адресу. Люпен выскочил, взбежал на третий этаж.

Прислуга ответила ему, что господин Воранглад уехал и вернется только завтра к обеду.

— Не знаете ли, где он?

— Господин уехал в Лондон.

Вернувшись в автомобиль, Люпен не произнес ни слова. Кларисса и не спрашивала его, все еще находясь в состоянии шока.

Они приехали на площадь Клиши.
— Телеграммы нет? — спросил Люпен слугу.

— Нет, патрон.

— Есть ли сведения о Балу и Гроньяре?

— Нет никаких, патрон.

— Вполне естественно, — сказал он, непринужденно обращаясь к Клариссе. — Еще только семь часов, а они могут быть не раньше восьми-десяти. Прасвилль подождет. Только и всего. Я сейчас позвоню, чтобы он ждал.

Вешая трубку, он услышал позади себя какой-то стон. Кларисса, читавшая газету, схватилась за сердце, зашаталась и упала.

— Ахилл, Ахилл, — закричал Люпен слуге, — помоги мне положить ее на кровать.

Потом он принес флакон снотворного и заставил Клариссу проглотить несколько таблеток. Она вскоре закрыла глаза и уснула.

Люпен взял газету, которую читала Кларисса, и прочел следующее:

> В связи с предстоящей казнью Жильбера и Вошери и возможными попытками Арсена Люпена освободить их приняты все меры предосторожности. Улицы, прилегающие к тюрьме, охраняются усиленными нарядами военных и полиции.
>
> Сама казнь будет совершена перед

тюрьмой на площадке у бульвара Араго. Приговоренные к смерти держатся с удивительным хладнокровием. «Неприятно лишь одно, – говорит Вошери, – что отрежут голову. Вот если бы патрон придумал способ, как переправить меня на тот свет, чтобы я и ахнуть не успел». «Я ничуть не сомневаюсь в своем патроне, – говорит Жильбер. – Если даже моя голова отскочит от тела, он найдет способ, как вернуть ее на место».

Люпен посмотрел на часы.
Было десять часов вечера.

Вокруг тюрьмы в эту ночь было шумно.

К семи утра бульвар Араго и все прилегавшие к тюрьме улицы охранялись сыскными агентами, которые пропускали прохожих не иначе, как подвергнув их настоящему допросу.

На улицах разместили два отряда инфантерии, а на случай тревоги поместили целый батальон на бульваре Араго. Прибыла муниципальная конная стража, прохаживались офицеры префектуры.

Гильотину сооружали посреди площадки на углу бульвара и улицы. Доносился глухой стук

молотков.

К девяти часам, несмотря на дождь, собралась толпа. Появились несколько экипажей, в которых приехали должностные лица в черном. Появились еще два отряда солдат.

Вдруг все замолкло. В темноте показалось что-то белое. Дождь прекратился. Внутри, в конце коридора, где помещались камеры приговоренных, слышны были тихие голоса людей, одетых в черное.

Директор тюрьмы отдал распоряжение открыть камеры и вывести Жильбера и Вошери.

Вошери, увидев Жильбера, крикнул:

— Что, малыш, патрон-то нас бросил?

Процессия спустилась по лестницам; у канцелярии остановились, чтобы выполнить необходимые формальности. Шли двором, вдоль стен, до угла бульвара.

Прошли еще несколько шагов… Вошери, увидев гильотину, подался назад.

Жильбер плелся, опустив голову, поддерживаемый помощником и священником.

Гильотина была перед ними.

По знаку, данному палачом, Вошери схватили, приподняли и потащили почти бегом.

Тут произошло нечто поразительное: вдруг

раздался выстрел из дома напротив.

Помощники остановились.

Вошери начал медленно оседать.

— Что такое? Что с ним? — посыпались вопросы.

— Он ранен.

На лбу Вошери появилась кровь и потекла ему на лицо.

— Спасибо, патрон, — успел сказать Вошери.

Взгляд его остановился, и он рухнул на землю.

— Он умер! — закричал кто-то.

— Скорее, скорее! — раздался голос распорядителя казни. — Нужно успеть со вторым!

Он не договорил. Раздался второй выстрел. Распорядитель закачался и упал со стоном:

— Продолжайте, поторопитесь со вторым…

Но помощники уже разбежались. Площадь вокруг гильотины опустела.

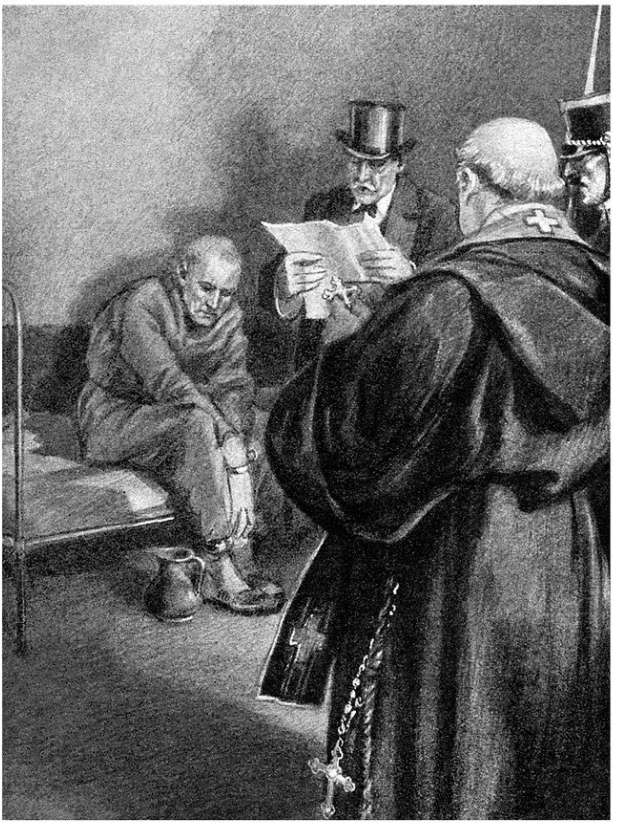
После первого же выстрела кто-то заметил на втором этаже человека с еще дымящимся ружьем в руках. В него выстрелили, но не попали, а он, взобравшись на стол, прицелился во второй раз, выстрелил и скрылся.

Неслыханное по своей дерзости событие вызвало живейшие толки. В одиннадцать часов утра в кабинете префекта полиции состоялось

заседание. Доклад делал начальник охраны. Удалось выяснить, сказал он, что накануне происшествия, около полуночи, кто-то позвонил в дом на бульваре Араго. Привратница открыла двери, так как неизвестный сказал, что послан полицией относительно завтрашней казни. Как только она вышла к нему, он схватил ее, заткнул рот тряпкой и связал.

Через десять минут господин и дама, жившие на первом этаже и возвращавшиеся домой, были схвачены тем же субъектом и заперты в пустую лавку. Жилец второго этажа был также схвачен и заперт у себя, в собственной квартире. Неизвестный же расположился на третьем этаже, никем не занятом.

— Ну и, разумеется, вы не сомневаетесь, что неизвестный — Арсен Люпен? — спросил префект полиции.



— Без всякого сомнения.

— Но в таком случае, — прошептал префект, обращаясь к Прасвиллю, — субъект, взятый под надзор в его квартире на площади Клиши, вовсе не Арсен Люпен?

— Арсен Люпен.

— Значит, его не арестовали, если он вышел ночью из своего дома?

— Он вышел другим ходом.

— А вы этого выхода не знали?

— Я только что узнал об этом, осматривая его квартиру.

— Там никого не было?

— Никого. Сегодня утром его слуга Ахилл увез даму, которая проживала у Люпена.

— Как ее зовут?

— Не знаю, — ответил Прасвилль после минутного колебания.

— Известно ли вам, под каким именем проживал Люпен?

— Под именем господина Николя, профессора словесности. Вот его визитная карточка.

Не успел он закончить фразу, как швейцар доложил префекту полиции, что его немедленно требуют в Елисейский дворец, куда уже прибыл президент совета.

— Сейчас отправляюсь. — И прибавил сквозь зубы: — Сейчас решится судьба Жильбера!

В это время швейцар подал Прасвиллю визитную карточку. Тот, посмотрев на нее, задрожал и прошептал:

— Проклятие!

На карточке было написано: «Господин Николь, профессор словесности».

Глава тринадцатая
Последняя битва

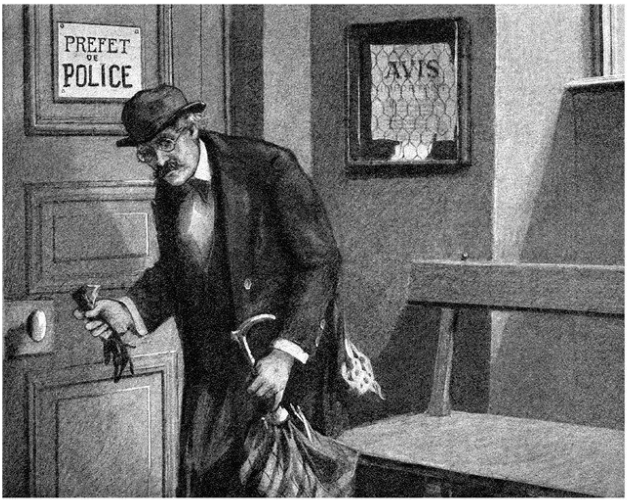
Проходя к себе в кабинет, Прасвилль узнал в сидящем в приемной субъекте господина Николя.

— Проклятие, — сказал себе Прасвилль. — Ну и нахал!

Он закрыл дверь своего кабинета и позвал секретаря.

— Господин Лартиг, как только проведете сюда господина из приемной, сразу же разместите в вашем кабинете человек десять крепких парней. По первому моему звонку они должны будут ворваться в кабинет с револьверами и взять этого субъекта. Вы поняли?

— Да, господин секретарь.



— Прекрасно. Теперь пригласите, пожалуйста, господина Николя.

Секретарь вышел.

— Если у Люпена есть список двадцати семи, — говорил себе Прасвилль, — возьмем список. Если он без списка, возьмем его самого.

В дверь постучали.

— Войдите, — крикнул Прасвилль.

Господин Николь робко прошел в комнату и уселся на самый край предложенного ему стула.

— Список, — протянул руку Прасвилль.

— Простите мое промедление, сударь. Виной всему обстоятельства…

— Это меня мало интересует, — жестко заметил Прасвилль. — Насколько мне помнится, вы обещали любой ценой вырвать его у Добрека.

— Да. Но Добрека не было в Париже. Он разъезжал на моем автомобиле. Вернее, на крыше автомобиля, в корзине, куда я его уложил. А машина, увы, могла прийти только после казни. Поэтому…

— На крыше?.. В корзине?.. — Прасвилль в изумлении уставился на господина Николя.

— Поэтому, — продолжал господин Николь, — я решил поискать другое средство.

— Какое же?

— Вы знаете это так же хорошо, как и я.

— Не понимаю.

— Да ну, разве вы не присутствовали при казни?

— Да, был.

— В таком случае вы знаете, что Вошери был

убит, а распорядитель ранен…

— Как, — сказал ошеломленный Прасвилль, — вы сознаетесь, что стреляли сегодня утром?

— Мне ничего более не оставалось. Список двадцати семи, принесенный вам, оказался подложным. Добрек, у которого был настоящий список, мог прибыть только через несколько часов после казни. Добиться помилования Жильбера можно было только одним способом — задержать на несколько часов исполнение приговора.

— Разумеется.

— Подстрелив этого закоренелого преступника Вошери и ранив палача, я выиграл время. У нас сейчас есть возможность не спеша все обговорить.

— Что ж, давайте обговорим. Вы уже знаете, что для предотвращения казни нужен список двадцати семи. Он у вас есть?

— Есть.

— Настоящий?

— Да. С лотарингским крестом.

Прасвилль замолчал. Не решаясь еще прямо атаковать Люпена, он спросил почти робко:

— Итак, Добрек вам его отдал?

— Добрек ничего не дает. Я сам взял.

— Насильно?

— Нет, хотя я был готов на все, когда этот милый Добрек был извлечен из корзины… Бандит лежит на диване, связанный, с оголенной грудью, и постепенно приходит в сознание. Кларисса Мержи, сидя около дивана, касается концом длинной иглы груди Добрека и шепчет: «Отвечай! Говори, где список, или я воткну иглу!» Она уже приготовилась, положила палец на грудь Добрека в области сердца и говорит мне: «Я хочу видеть его глаза. Снимите с него очки!» Я мигом срываю лорнет и очки. И вдруг меня озарило. Я наношу ему удар и одним ударом большого пальца вышибаю ему левый глаз.

Господин Николь встал с места, вынул из кармана какой-то предмет, подбросил его в воздух, подхватил на лету и объявил спокойно:

— Левый глаз Добрека.

Прасвилль был в недоумении. Что значила вся эта история? Он сказал, побледнев:

— Объясните, пожалуйста.

— Но мне кажется, что все ясно как нельзя больше. Добрек, узнав, что Кларисса перехватила его письмо к мастеру, в котором он просил отшлифовать хрусталь так, чтобы внутри образовалось углубление, принял меры. По доставленному ему образцу он заказал хрустальную пробку с углуб-

лением внутри, и за этой пробкой мы гонялись месяцами. Ее-то я и откопал в пачке табака, тогда как нужно было…

— Тогда как нужно было?..

— Просто взяться за глаз Добрека.

— Стеклянный глаз? — пробормотал Прасвилль.

— Да, — воскликнул господин Николь, — стеклянный глаз. Он защищал его двумя парами очков. В нем был скрыт, да и сейчас еще скрывается список Добрека.

Прасвилль опустил голову и провел рукой по лбу, стараясь скрыть радость. Справившись со смущением, он развязно спросил:

— Так, значит, список здесь?

Господин Николь молча протянул Прасвиллю стеклянный глаз.

Прасвилль вытянул руку, схватил предмет и осмотрел его. Задняя часть глаза сдвигалась. Он слегка нажал. Глаз подался — внутри лежала бумажка, скатанная шариком.

Он развернул ее и быстро, не останавливая внимания на именах, почерке и подписи, поднял руки и стал рассматривать бумажку на свет.

— Все в порядке, — сказал он. — Список подлинный.

Он помедлил несколько мгновений, потом свернул бумажку, вложил ее в хрустальный глаз и опустил в карман.

— Когда я могу получить ответ из Елисейского дворца? — спросил господин Николь.

Прасвилль покачал головой:

— На меня не рассчитывайте, господин Николь.

— Как? — спросил с удивлением Николь. — Вы отказываетесь от своих обещаний?

— Да, я передумал участвовать в ваших делишках.

— Ваша воля, сударь. В таком случае прошу вернуть мне список.

— Нет. Жильбера все равно не спасти.

— Черт возьми, однако коротка у вас память, да и совесть не особенно чутка. Вы уже забыли свои вчерашние обязательства?

— Вчера я имел дело с господином Николем.

— Ну?

— Вы не господин Николь.

— В самом деле? А кто же я?

— Сказать?

— Скажите.

— Вы Арсен Люпен. Но сейчас вы даже не Люпен. Вы обыкновенный смертный, оказавшийся в

самом сердце префектуры. Вас окружают десятки крепких парней, к которым на помощь прибегут еще столько же, если понадобится. Вы проиграли, Люпен.

Господин Николь пожал плечами и с сожалением посмотрел на Прасвилля:

— Что ж, можете вызывать своих парней, но, думаю, это не в ваших интересах.

— Вот как?

— Да. Среди двадцати семи имен списка есть имя бывшего депутата Станислава Воранглада. Вам хорошо известно, что самое поверхностное следствие немедленно покажет, кто разделил с этим экс-депутатом немалые доходы.

— Что вы мелете? — пробормотал Прасвилль.

— Я не мелю, — отчеканил господин Николь. — Если не выполните наших прежних условий, сегодня вечером парижские газеты опубликуют четыре письма из вашей переписки со Станиславом Воранглодом, которые он мне только что продал. Вот вам шляпа, трость и пальто. Спешите. Я жду.

Прасвилль не выразил ни малейшего протеста.

— За помилование Жильбера мне будет возвращена корреспонденция? — спросил он.

— Она будет вам возвращена ровно через два месяца после того дня, как я и мои друзья устроим побег Жильбера. Вы же позаботитесь о том, чтобы надзор был слабым, а стража получила соответствующие распоряжения.

— И это все?

— Нет. Еще условие.

— Какое?

— Немедленно выдайте мне чек на сорок тысяч франков.

— Сорок тысяч!

— За эту цену я купил письма у Воранглада.

Прасвилль подумал с минуту, потом резко направился к двери и позвал:

— Господин Лартиг!

И затем прибавил тихо, но так, чтобы Николь расслышал:

— Господин Лартиг, уведите ваших агентов. Произошло недоразумение. Запретите входить в мою контору в мое отсутствие. Господин будет меня ждать.

Он вернулся, взял шляпу и пальто, которые Николь ему подал, и вышел.

Вернулся он быстрее, чем того ожидал Люпен.

— Кончено? — спросил Люпен.

— Да. Декрет о помиловании скоро будет под-

писан. Вот письменное обязательство.

— А сорок тысяч франков?

— Получите чек.

— Прекрасно. Корреспонденцию Станислава Воранглада вы получите на известных вам условиях. Пока же отдаю вам те четыре письма, которые я должен был послать сегодня вечером в газеты.

Он извлек из своей шляпы довольно объемный конверт, запечатанный пятью печатями и приколотый к подкладке, и подал Прасвиллю, который живо сунул его в карман.

Люпен ушел.

Не прошло и десяти минут, как в дверь постучали и в комнату Прасвилля быстро вошел один из курьеров.

— Что там такое? — спросил Прасвилль.

— К вам господин Добрек по неотложному делу.

— Добрек? — воскликнул изумленный Прасвилль. — Пусть войдет.

Добрек не ждал приглашения. Он ворвался к Прасвиллю, задыхающийся, одетый кое-как, с повязкой на левом глазу. Не успела еще дверь за ним захлопнуться, как он схватил Прасвилля обеими руками:

— Список у тебя?

— Да.

— Ты купил его?

— Да.

— За помилование Жильбера?

— Да.

— И оно подписано?

— Да.

Добрек пришел в бешенство.

— Глупец! Как ты попался! И все это, конечно, для того, чтобы мстить мне?

— Да. И даже с большим удовольствием.

— Не выйдет! — закричал Добрек вне себя. — Если ты захочешь пустить меня ко дну, я непременно увлеку за собой Воранглада, а он уж, поверь мне, предоставит такие улики, что тебя моментально упрячут в тюрьму. Да, ты у меня в руках. Благодаря этим письмам тебе одна дорога, а у меня еще будут красные деньки.

Прасвилль пожал плечами:

— Да, письма существуют, но у Воранглада их больше нет.

— С каких это пор?

— С сегодняшнего утра. Воранглад их продал два часа тому назад за сорок тысяч франков, и я их перекупил за ту же цену.

Добрек захохотал.

— Ты заплатил сорок тысяч франков — и кому же, господину Николю, не правда ли? Тому самому, кто продал тебе список двадцати семи? Да ты хотя бы знаешь, что господин Николь — это Арсен Люпен?

— Я это знаю.

— Отлично. Но ты не знаешь того, что Станислава Воранглада уже четыре дня как нет в Париже… Тебе продали старую бумагу!

Он ушел, продолжая смеяться, оставив Прасвилля совсем уничтоженным.

— Да нет же, невозможно, — повторял секретарь. — Это невозможно…

Он немедленно вскрыл конверт — там лежали четыре чистых листка бумаги.

— Ну что же, — подумал Прасвилль, — он меня перехитрил, но это еще не конец.

Прасвилль оделся и вышел.

Он сел в автомобиль и велел везти себя к Ворангладу. Там ему сказали, что возвращения Воранглада из Лондона ожидают к шести часам вечера.

— Ну что же, — подумал он, — главное, что его нет в Париже, следовательно, Люпен никак не мог купить у него писем. Настоящая задача состоит

лишь в том, чтобы опередить Люпена и добиться от Воранглада возвращения писем любой ценой.

В пять часов вечера Прасвилль был уже на Северном вокзале и разместил в залах ожидания с десяток своих агентов.

Был отдан приказ арестовывать каждого, кто хотя бы немного походил на Люпена или его сообщников.

Кроме того, Прасвилль установил тщательный надзор за всем вокзалом. Ничего подозрительного не обнаружили. Без десяти минут шесть главный инспектор, сопровождавший его, сказал Прасвиллю:

— Смотрите-ка, Добрек.

Это действительно был Добрек.

Вид заклятого врага так вывел из себя Прасвилля, что он был готов арестовать Добрека тут же. Но на каком основании? За что?

Присутствие Добрека на вокзале лишний раз доказывало, насколько важной фигурой становился Станислав Воранглад. Теперь все зависело от него. Воранглад владеет письмами. Кому они достанутся?

Люпена на вокзале нет и не могло быть. Добрек ничем не сможет помешать Прасвиллю. Прасвилль не сомневался, что еще чуть-чуть и он

станет обладателем этих писем и избежит тем самым угроз со стороны Добрека и Люпена.

Поезд подходил.

По приказанию Прасвилля комиссар вокзала распорядился не впускать никого на перрон. Прасвилль вышел один, чуть поодаль за ним следовало несколько человек, которых вел инспектор Бланшон.

Поезд остановился.

Почти в ту же минуту Прасвилль увидел у выхода из отделения первого класса Станислава Воранглада.

Бывший депутат вышел и подал руку сопровождавшему его пожилому господину, помогая ему сойти.

Прасвилль быстро устремился к нему и сказал:

— Мне нужно с тобой поговорить, Воранглад.

В ту же минуту как из-под земли вырос Добрек, каким-то чудом пробравшийся на перрон, и воскликнул:

— Господин Воранглад, я получил ваше письмо. К вашим услугам.

Воранглад посмотрел на обоих и, узнав Прасвилля и Добрека, улыбнулся:

— Ого, по-видимому, моего возвращения ожидали с нетерпением. В чем же дело? Речь идет об

известной корреспонденции, вероятно?

— Конечно-конечно, — ответили оба.

— Слишком поздно, — объявил он.

— Что? Как? Что вы говорите?

— Я говорю, что она уже продана.

— Продана? Кому?

— Господину, — ответил Воранглад, указывая на своего спутника, — который счел дело настолько важным, что не пожалел своих трудов и выехал мне навстречу в Амьен.

Старик, весь укутанный в меха, степенно поклонился.

«Это Люпен, — подумал Прасвилль. — Несомненно, он».

Он бросил взгляд в сторону агентов, готовый тут же их вызвать.

Старик объяснил:

— Действительно, корреспонденция показалась мне настолько ценной, что я не пожалел денег на два билета туда и обратно.

— Два билета?

— Один — для меня, другой — для одного из моих друзей.

— Вашего друга?

— Да, несколько минут назад он прошел отсюда коридорами к выходу, так как очень спешил.

Прасвилль понял: Люпен захватил с собой соучастника, который и унес письма. Партия была окончательно проиграна. Оставалось с достоинством это признать.

— Хорошо, сударь, — сказал Прасвилль. — Мы увидимся, когда вы этого пожелаете.

Он ушел. Добрек остался. Он будто прирос к земле.

Старик подошел к нему и пробормотал:

— Проснись, Добрек. Быть может, хлороформу, а?

Добрек сжал кулаки и издал глухое рычание.

— Ага, — произнес старик. — Я вижу, ты меня узнал. А помнишь ли ты наше свидание несколько месяцев назад, когда я пришел к тебе в дом у сквера Ламартин и просил помочь Жильберу? Спаси Жильбера, сказал я тогда, и я тебя оставлю в покое. Прощай, Добрек. Если тебе когда-нибудь понадобятся деньги для новой хрустальной пробки к графину — я к твоим услугам.

Люпен удалился.

Он не сделал еще и десяти шагов, как до него донесся звук выстрела.

Он обернулся.

Добрек выстрелил себе в голову.

— Вечная память, — прошептал Люпен, при-

поднимая шляпу.

Эпилог

Месяц спустя Жильбер, которому смертная казнь была заменена вечными каторжными работами, бежал с острова Ре. Это произошло накануне того самого дня, когда его должны были посадить на пароход для отправки в Гвиану.

Сейчас он обрабатывает землю в глубине Алжира под своим настоящим именем Антуан Мержи. Он женат на англичанке, и у них родился сын, которого они назвали Арсеном.

Госпожа Мержи поселилась неподалеку со своим сыном Жаком. Люпен сделал ей предложение, но она отказала ему, наградив на прощание нежным признательным поцелуем.

Люпен глубоко переживал отказ. Но впереди его ожидали новые, еще более захватывающие приключения, и он постепенно забыл о своих душевных переживаниях.